И. ЕФИМОВ Д. ПЕТРОВ

Аркадий Северный,

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ!

SHOUT
SHARE
IT

- От авторов
- Вместо пролога
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвёртая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

От авторов

Эта книга — итог двух лет работы и почти тридцати лет жизни…

И начало ей было положено ещё в далёкие 70-е годы, когда мы впервые услышали песни Аркадия Северного и были поражены их абсолютной "нереальностью" на фоне окружающей действительности соцреализма. Когда верили всем легендам об Аркадии Северном, и даже сочиняли их для себя сами.

Наше желание узнать о нём как можно больше было велико, и мы впитывали в себя мельчайшие подробности его жизни, порой не отличая истины от легенд.

Шло время. Появились сначала первые упоминания имени певца, досель запретного. Затем — первые статьи и воспоминания о нём. А потом и книга Михаила Шелега. Но все эти публикации зачастую противоречили и друг другу и сами себе. Вопросов было больше, чем ответов на них. и нам захотелось разобраться во всём самим. "Во всём", к сожалению, не получилось, но в итоге — получилась вот эта книга. Она, конечно, не является "научной" биографией Аркадия Звездина-Северного, как и не является каким-либо искусствоведческим трудом о его творчестве. Это просто наши размышления о судьбе подпольного артиста в советскую эпоху. В те времена, когда мы ещё жили все вместе в одной великой стране под названием "Советский Союз".

Естественно, мы старались писать о событиях в жизни Северного, насколько это возможно, объективно. Но когда мы давали музыкальные оценки концертам, или писали о своём впечатлении от них, то по определению не могли уйти от субъективизма. И всё же старались, чтобы книга отвечала своему названию "Аркадий Северный", а не превращалась в эссе "Ефимов с Петровым слушают Северного". Насколько это нам удалось — судить уже вам.

И, наконец, последнее, что хотелось бы отметить. Книга, которую вы сейчас держите в руках, состоялась только благодаря бескорыстной помощи[1] очень многих людей. Одни из них поделились воспоминаниями об Аркадии Северном, другие — своими материалами и записями, третьи — просто добрым советом. Но мы не хотим сейчас как-то "делить" этих людей в зависимости от "внесённого ими вклада". Ведь порою одно, сказанное по делу, слово важнее многостраничных мемуаров. Мы просто перечислим всех "одним списком", строго по алфавиту: Константин Николаевич Беляев, Владимир Русланович Бойко, Яков Давидович Браславский, Николай Николаевич Браун,

Евгений Михайлович Драпкин, Владимир Васильевич Ефимов, Наталья Аркадьевна Звездина, Виктор Николаевич Ильин, Александр Давидович Кавлелашвили, Пётр Маркович Коваль, Александр Олегович Кожин, Виталий Алексеевич Корешков, Владислав Петрович Коцишевский, Николай Александрович Криворог, Владимир Михайлович Лавров, Сергей Иванович Лахно, Олег Викторович Лемяскин, Сергей Евгеньевич Лепешкин, Михаил Шахаимович Лоов, Владимир Георгиевич Лузгин, Владимир Александрович Мазурин, Сергей Иванович Маклаков, Анатолий Иванович Мезенцев, Эдуард Александрович Мольдон, Никита Вадимович Недоспасов, Лев Викторович Орлов, Яков Леонидович Петрущенко, Анатолий Петрович Писарев, Николай Николаевич Пушкарский, Фридрих Яковлевич Ревельсон, Николай Серафимович Резанов, Сергей Владимирович Рубцов, Станислав Семёнович Сафонов, Генрих Соломонович Сечкин, Геннадий Евгеньевич Силкин, Борис Иванович Тайгин, Владимир Янович Урецкий, Рудольф Израилевич Фукс, Андрей Анатольевич Хекало, Борис Яковлевич Циммер, Сергей Валентинович Чигрин, Михаил Владимирович Шелег, Давид Григорьевич Шендерович, Владимир Дмитриевич Шестериков, Валерий Александрович Шорин, Геннадий Борисович Яновский. Спасибо вам всем, друзья! Без вашего участия этой книги просто б не было.

К сожалению, в этом списке нет нескольких имён, которые должны были бы обязательно присутствовать. Дело в том, что за время написания книги, ушли из жизни: Вячеслав Николаевич Андреев, Григорий Аркадьевич Бальбер, Станислав Яковлевич Ерусланов, Софья Григорьевна Калятина, Анатолий Прокофьевич Копров, Владимир Иванович Тихомиров, Владимир Романович Шандриков. Пусть земля им будет пухом, а эти строки — нашей скромной данью их памяти.

Санкт-Петербург — Киев 2002–2005 год.

Вместо пролога

"Вот в городе Иванове есть
такая пересылочка…"

А. Северный, 1970-е гг.

10 марта 1939 года в Москве начал свою работу исторический XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии большевиков, на котором было заявлено о завершении строительства в СССР социализма и вступлении в период постепенного перехода к коммунизму. Весь советский народ с огромным воодушевлением внимал словам товарища Сталина о возможности построения коммунизма в одной стране.

А 12 марта этого же года в роддоме № 1 города Иваново, под доносящиеся из репродуктора речи делегатов съезда, с криком и плачем на свет Божий появился Аркадий Дмитриевич Звездин — человек, о жизни и творчестве которого и пойдёт речь на этих страницах.

Впрочем, мы далеки от того, чтобы выискивать какой-то особенный символизм в совпадении этих событий… Ведь в то бурное время почти каждый день в жизни нашей страны был ознаменован какими-нибудь эпохальными свершениями. А эпоха была героическая и страшная. Кипят ударные стройки и идут политические процессы, растёт индустриальная мощь и ширятся просторы ГУЛАГа, уже зреет конфликт с Японией на Халхин-Голе и готовится подписание пакта Риббентропа-Молотова… Но не будем загружать читателя достаточно известными подробностями истории нашей страны. Пока вершатся все эти "эпохальные" события, простые люди всё-таки живут своей обычной жизнью. А в неё всё равно постоянно врывается тревожное дыхание времени. Вот и роддом № 1, в котором родился Аркадий Звездин, в сентябре того же, 1939 года пал жертвой классовой борьбы, неизбежно усиливающейся и обостряющейся по мере продвижения к коммунизму. Как гласила официальная версия, он был подожжён злейшими врагами Советской власти — недобитыми троцкистами.

Но так уж устроен человек, что, несмотря на все беды и горести, он живёт и любит. И наплевать ему в такие минуты на все происки фашистов, троцкистов и чекистов! Каждому хочется получить хоть немного, хоть кусочек обычного человеческого счастья. Так и у Звездиных. В их семье — маленькая семейная радость. Очередное прибавление! Очередное — потому что

Аркадий был далеко не первый, а немного забегая вперёд, скажем, что и не последний ребёнок в этой большой семье.

К сожалению, сохранилось очень мало достоверной информации о родителях Аркадия. Известно, что его отец — Дмитрий Иосифович Звездин, — занимал как до, так и после войны достаточно солидные и денежные по тем временам должности. Что позволяло его супруге Елене Макаровне не работать, а заниматься семейными делами и воспитанием детей. [2] Которых было ни много, ни мало, а пятеро. Кроме Аркадия, это его старшие братья Лев и Валентин и сестра Людмила, а также родившийся уже после войны Михаил. И, как вы, наверное, уже поняли, проживало это многочисленное семейство в городе Иваново.

Иваново — город симпатичный, но совсем не примечательный. Пожалуй, самый непримечательный из всех областных центров Российской Федерации. Недаром простым советским людям известны об этом городе только два штампа, один краше другого: "родина первого Совета рабочих депутатов", и "город невест". Но штампы — штампы и есть, и они, как уж водится, в очень малой степени отражают действительность. А действительность была такова, что Иваново, как ни крути, — город без особо выдающейся истории, с немногими провинциальными достопримечательностями и такими же культурными особенностями. По сути — гигантский рабочий посёлок, которому присвоили статус областного центра. И это, пожалуй, и было главной "особенностью" города Иваново, определившей во многом и стиль местной жизни, и менталитет местного населения. Впрочем, мы не будем подробно на этом останавливаться, поскольку к семье Звездиных всё это не имеет почти никакого отношения. Они не были коренными жителями Иваново, и приехали в этот пролетарский город, когда Партия, во вполне обычной для того времени манере, "бросила" сюда Дмитрия Иосифовича на очередной руководящий пост. И так бы и руководил он, наверное, если бы не Великая Отечественная.

Хотя, по большому счёту, война до Иваново не дошла… Не было ни блокады, ни осады. И по сведениям, почерпнутым нами из местной печати, за всю войну на Иваново вообще упала только одна бомба. Причём случайная. С самолёта, летевшего бомбить город Горький. Мы, конечно же, не знаем, как всё это воспринималось совсем ещё маленьким Аркашей Звездиным, но в это военное время в Иваново происходили события, которые, вполне возможно, могли как- то и отложиться в его памяти. К примеру, то, что в Иваново вывозились дети из блокадного Ленинграда. Или же прибытие из Алжира французских лётчиков,

которые осваивали советские самолёты для того, чтобы отправиться на фронт в составе эскадрильи "Нормандия — Неман" с аэродрома под весьма символичным названием "Северный". Но мы не будем фантазировать по данному поводу, а скажем только, что в отличие от творчества его сверстника Владимира Высоцкого, военная тематика у Северного практически отсутствовала. Хотя сама война, конечно же, не обошла семью Звездиных.

Дмитрий Иосифович, которому довелось повоевать ещё в Гражданскую, с первого дня войны просится на фронт. В двадцатые годы он был комиссован по болезни, и поэтому призвали его не сразу. Но, тем не менее, прошёл он почти всю войну, и только в 1946 году наконец-то вернулся домой. После того как почти год прослужил комендантом какого-то небольшого немецкого городка. И 1 сентября этого же года Аркаша идёт в первый класс Ивановской школы № 39. Которая располагалась совсем недалеко от дома на Союзной улице, где и жила семья Звездиных — в Первом Рабочем посёлке. Во второй половине 40-х годов — это уже не окраина Иваново, но, конечно же, и далеко не центр города. Тихий спокойный район на южном берегу Уводи. Здесь всё рядом: несколько школ, больница, кинотеатр "Победа", Станция юных техников и. Хотели мы ещё написать, глянув на современную карту Иваново, — ".и зоопарк". Но зоопарка тогда ещё на этом месте не было, а был огромный пустырь, который, впрочем, представлял собой для ивановской детворы сущее раздолье. Здесь можно и покурить тайком от родителей и в картишки перекинуться, да и на гитарке сыграть что-нибудь этакое: "Приморили, суки, приморили.". А на гитаре Аркаша Звездин, по воспоминаниям родственников, начал бренькать уже лет в семь. И говорят — неплохо получалось у него. Для такого возраста. Научился он этому, скорей всего, у отца, который, согласно тем же воспоминаниям, довольно прилично музицировал.

О школьных годах Аркадия нам, практически, ничего неизвестно. В основном, сухая информация. Учился в 39-й мужской школе до 5-го класса. Перешёл в среднюю школу № 25 (уже общую) и закончил её в 1956 году. Первый выпуск. Класс 10-Б. Вот и всё. Разве что можно ещё добавить свидетельство двоюродного брата Аркадия — Бориса Павловича Соловьёва: "Он не был хулиганом, вообще был тихий, не любил шумных компаний… Помню, у него всё время обувь была худая, я его через лужи переносил. Я-то на год старше был…"

В общем, вполне обычный "средний советский школьник". Разве что, чуть больше чем другие увлечённый музыкой и

песнями. Вероятно, теми же самыми, что и большинство простых советских людей. Может, какими-то больше, какими-то — меньше. Но вряд ли можно говорить о каких-то серьёзных склонностях и предпочтениях у подростка! В таком возрасте всё поётся с удовольствием: и то, что звучит с патефонных пластинок, и даже то, что доносится из репродуктора. Правда, последнее гораздо веселее петь чуть по-другому: "Горит в сердцах у нас бутылка с керосином.", или "Три танкиста выпили по триста." Даже не задумываясь при этом, как может отреагировать на такие шутки какой-нибудь особо бдительный пионервожатый. Но всё то, что поют весёлые компании во дворе, или за столом, намного завлекательнее и пластинок, и радиотрансляций! Так что не будет большим преувеличением говорить о почти всеобщем интересе пацанов к уличным песням. И точно так же, как и все, ими увлекается Аркаша Звездин, у которого, как и у многих сверстников, имелась потрёпанная тетрадка — рукописный песенник. И говорят, что не совсем обычный.

Люди, знавшие Северного, утверждают, что достался он Аркадию от его старшей сестры Людмилы. Которой, как и многим простым советским людям, выпала горькая участь побывать по ту сторону колючей проволоки. Получила она пять лет, правда, не по политической, а по бытовой статье. И хотя потом оказалось, что она была ни в чём не виновата, но, тем не менее, отбывать срок ей пришлось… А зона — зона и есть: подъём, работа, отбой. С небольшими перерывами на "приём пищи" и чуточка свободного времени. Которое и занять-то, практически, нечем. Вот и развлекаются зеки и зечки — кто чем может. Кто-то вышивает "марочки", кто-то играет в самодельные, сделанные "из газетины", карты, а кто-то рисует альбомы и песенники. Вот такой вот песенник, говорят, и подарила она Аркадию. И если так оно и было — то, может быть, именно эта рукописная тетрадка послужила первым толчком к становлению будущей Легенды? Всё возможно в этой жизни.

Мы не знаем, конечно, насколько "знаменитым" певцом удалось стать Аркаше Звездину в свои школьные годы. Может, он был звездой вокала и семиструнки в своём дворе или в классе, а может, и нет. Позднее на эту тему появятся легенды, большинство из которых явно надуманные. Например, рассказ о том, как в десятом классе Аркаша вместо уроков занимался пением в близлежащей пивной, откуда его педагоги во главе с директором, стало быть, и вытаскивали… История эта даже не нуждается в особых комментариях — ведь в те времена среднее образование вовсе не являлось обязательным и всеобщим, и с такими фокусами Аркаша Звездин никогда в жизни не смог бы закончить

десятилетку. А он, как мы уже говорили, в 1956 году её заканчивает, и получает аттестат о среднем образовании. "Аттестат зрелости" — так он тогда назывался.

А дальше в жизни Аркадия наступает какой-то странный период. Он заканчивает школу и. ничего не делает почти два года. В том смысле, что не продолжает своё образование, не устраивается куда-нибудь на работу, да и в армию его почему-то не забирают. Что само по себе довольно-таки непонятно. Впрочем, не будем ломать над этим голову. К сожалению, не осталось уже никого, кто мог бы рассказать какие-либо подробности.

Так что, вероятнее всего, юный Аркаша Звездин просто "прожигал жизнь" всё это время. Слоняясь по городу Иваново со своими ровесниками, играя на гитаре и в картишки, и попивая "Жигулёвское". Правда, Елена Раменская вспоминала рассказы Аркадия о том, что была у него в Иванове по молодости "какая-то криминальная история" и даже грозил суд. Так оно, или нет — неизвестно, но в любом случае, всем этакая Аркашкина гульня порядком надоедает — пора бы уже и за ум взяться! И отправляется он в Ленинград, где и поступает на лесоинженерный факультет Лесотехнической академии. Скорее всего, это происходит с подачи отца. По воспоминаниям родственников Аркадия, Дмитрий Иосифович одно время работал директором Лесного техникума в г. Макарьеве Горьковской области. Так что связи какие-то могли быть у него и в питерском вузе, и хотя он и умер в этом, 1958 году, но вполне мог успеть помочь.

Что же представляло из себя в те времена это высшее учебное заведение?

Лесотехническая академия — "лесопилка", как ласково обзывало её питерское студенчество, в середине 50-х годов была не то чтобы очень популярным вузом, но всё-таки ещё не совсем такой "непрестижной", какой стала позднее. В наивное время оттепели ещё многие молодые люди искренне рвались влиться в единый трудовой порыв коммунистического строительства. Их манила романтика открытия тайн атомного ядра, ковки ракетного щита, разведки недр и прочего… В том числе и участия в великом плане преобразования природы. Поэтому лесохозяйственный и лесоинженерный факультеты ЛТА тогда не испытывали дефицит учащихся. Однако вряд ли Аркадий был таким "романтиком". Скорее всего, он просто понимал, что без хоть какого-то диплома ему в этой жизни светит только станок или отбойный молоток, и то после службы в рядах Советской Армии. Тем более, что в родном Иванове — престижных институтов всего ничего. А, кроме того, столичное образование

всё-таки гораздо больше котируется, чем областное… Но по сути — главное дело не в этом. Главное, что 1 сентября 1958 года Аркадий стал студентом Ленинградской Лесотехнической ордена Ленина Академии имени С. М. Кирова и навсегда связал свою жизнь с городом на Неве.

Глава первая
"Лесопилка"

"Таки ловите моменты удачи!"

А. Северный, 1970-е гг.

Находилась "Лесопилка" в живописном месте, среди старинного парка, — в те времена почти на самой окраине Питера. От центра сюда надо было трястись на трамвае больше часа мимо бесконечных заводов и доживающих свой век деревянных домишек Выборгской стороны. Общежития ЛТА находились совсем рядом с местом учёбы, но они могли заинтересовать Аркадия разве только в качестве мест "морального разложения". Ведь жил он не в общежитии, а, как вспоминают его современники, у своей тётки, жительницы Ленинграда.

"Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь." — эти слова великого Поэта подходят к молодому Аркаше как ни к кому другому. Судя по воспоминаниям ровесников, учёба в вузе не особо заботила студента Звездина. Гораздо больше интересовала его столичная жизнь во всех своих проявлениях. И он с головой окунается в её изучение. Естественно, не один. В институте учится множество таких же, как он, приезжих провинциалов, которым, как и ему, тоже многое в новинку в этом чудесном городе. И вот — первые знакомства, первые компании, первые посиделки до утра под бутылочку "красненького" и с неизменной гитарой.

"Когда оказывалась гитара в компании, он её брал, он не мог спокойно пройти мимо гитары. Пел он хорошо, с душой, но не скажу, что это производило такое уж ошеломляющее впечатление, какое возникло потом, когда он начал записываться. А тогда он больше привлекал внимание не пением, а своим действительно артистическим умением рассказывать анекдоты…", — так вспоминал об этом времени Николай Браун. В те годы — студент института культуры им. Крупской, а несколько позже — поэт и диссидент, "узник совести", отсидевший 10 лет за свои убеждения. Они с Аркадием случайно встретились на какой-то студенческой вечеринке. Два совершенно разных по характеру и мировоззрению человека. Но ведь потянуло почему-то их друг к другу. Значит, было что-то общее между ними, кроме молодости и страстной жажды познания мира? Мнения Аркадия мы уже никогда не узнаем. А вот что рассказал по этому поводу Николай

Николаевич Браун:

> "Во многом, конечно, такие общие интересы определялись тем, что Аркадий не принимал советскую систему, не увлекаясь, правда, при этом никакими политическими мотивами, или идеологией, как таковой. Но вместе с тем помню, что я ему дал несколько книг антибольшевистского содержания. Две из них были двадцатых годов, ещё кое-что из Самиздата, и одну книгу Тамиздата. И я помню, что он с большим удовольствием это прочитывал, и в первый раз даже сказал мне: "Вот у нас в Иванове я никогда таких книг не видел. Мы ведь рядом с Москвой; вроде, там, в столице, должны быть такие люди, но, наверное, я с ними просто не успел познакомиться. А в школе мне как-то не приходилось это встречать".

Интересно, понимал ли Аркадий всю опасность, исходящую от чтения "таких" книг? Ведь во второй половине 50-х годов впервые после смерти Сталина происходят политические процессы: судят людей, которых впоследствии назовут "диссидентами". И по многим из этих дел проходят студенты и недавние выпускники многих ленинградских вузов: ЛГУ, ЛГПИ, Библиотечного института. "Группа Молоствова", "группа Трофимова", "группа Пименова — Вайля" — это только из наиболее известных и только в Ленинграде. А сколько всего их было по всей стране? Причём большинство арестованной молодёжи ничем, кроме как чтением и обсуждением "таких" книг, больше и не занималось. А срока, тем не менее, получали достаточно солидные, и в основном по пресловутой 58-й статье в части п.10–11. Так что Аркадий в самом деле

Вот что по этому поводу говорилось в Уголовном кодексе: ст. 58–10 — Пропаганда и агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву и ослаблению Советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой -

— лишение свободы на срок не ниже шести месяцев. ст. 58–11 — Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собой -

— меры социальной защиты, указанные в соответствующих

статьях настоящей главы. (Уголовный кодекс РСФСР, официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. и с приложением постатейно систематизированных материалов. Государственное издательство юридической литературы, Москва, 1952.). рисковал — настучи кто-то, и наши доблестные органы живо бы сварганили процесс против ещё одной "контрреволюционной" организации — группы "Брауна — Звездина". Но Бог миловал. Да и кроме того, активная политика студента Звездина совсем не привлекает. "Это не моё", — неоднократно говорил он Николаю Брауну. Действительно, одно дело читать запрещённую литературу, и совсем другое — принимать участие в проведении каких-нибудь "акций" вроде расклеивания листовок с призывами вывести советские войска из Венгрии. Молодого ивановского провинциала гораздо больше политики интересует музыка. И в первую очередь — джаз, с которым он впервые столь обстоятельно знакомится именно во время учёбы в ЛТА.

Нельзя сказать, что в Иваново совсем уж ничего не слышали об этом музыкальном явлении. Нет, конечно же, там и слушали, и играли джаз. Но всё это было постольку-поскольку. А здесь, в Питере — полное раздолье! У питерских знакомых Аркадия полно пластинок, на которых записаны не только классические композиции, но и совершенно незнакомый ему ранее рок- н-ролл в исполнении Билла Хейли и Луи Джордана! Кроме того, не так далеко от ЛТА находится другой вуз — Политехнический институт имени М. И. Калинина, и его знаменитый клуб — место проведения джазовых вечеров, а также и сбора "золотой молодёжи". В 50-е годы к большому неудовольствию властей какая-то (естественно — "незначительная") часть советской молодёжи вдруг в одночасье стала не совсем советской, и беззаветному служению идеалам коммунизма предпочла "буржуазно-развлекательный" образ жизни. Собственно говоря, такими страшными словами тогда называли просто-напросто манеру поведения — когда слишком много слушаешь нехорошую западную музыку, танцуешь и гуляешь, да и вообще не в меру веселишься. А не слушаешь лекции по марксизму, не изучаешь передовицы "Правды", не посещаешь все митинги и собрания, не организуешь политинформации, не даёшь у станка по две нормы за красный флажок. Но мало того! Самая разболтавшаяся часть молодёжи пятидесятых нисколько не испугалась страшного слова "буржуазный", а охотно с ним согласилась, и действительно начала активно играть в "Запад"! Пусть даже и не в Запад, конечно, а только в свои собственные представления об "ихней сладкой жизни", сложившиеся из обрывков книжек и фильмов, —

наивные, а порой даже глуповатые. Комсомольцы клеймят их "плесенью" и "родимыми пятнами", но уже без особого эффекта. Разложение началось.

И, разумеется, в вечно вольнодумствующем Питере таких "уродливых явлений" было достаточно много. Однако Аркадий Звездин, по воспоминаниям современников, несмотря на своё увлечение западной музыкой, никогда не был "идейным" стилягой. Он не стремился непременно следовать всем новинкам западной моды, хотя и очень следил за своим внешним видом, любил хорошие галстуки и пиджаки. Но не стоял по два часа в очереди в парикмахерскую на проспекте Майорова, чтобы сделать на голове сногсшибательный кок, и не выкладывал бешеные деньги кустарю-сапожнику за неимоверной толщины каучук ("манную кашу") на подошве. Видимо, Аркадий просто не ощущал потребности в подобных проявлениях своего образа мыслей. Он принадлежал к тому типу людей, для которых внутренняя свобода, и собственное осознание своей нонконформистской позиции гораздо важнее какой бы то ни было внешней их демонстрации.

А впрочем, в юности нонконформизм всегда идёт рука об руку с максимализмом, а значит — если уж "разлагаться", то до конца! И в результате таких вот увлечений Аркадию довелось познакомиться (причём, похоже, достаточно близко) и с той стороной жизни "золотой молодёжи", которая входила в прямое противоречие уже не только с коммунистической идеологией, но и с Уголовным кодексом. Немалая часть питерских стиляг промышляла тогда фарцовкой, что было по-своему абсолютно логично: слушать джаз и рок-н-ролл, следить за мировой модой, проводить досуг не на комсомольских митингах, а в весёлой "светской" жизни — всё это прекрасно. но требует немалых средств. Не зарабатывать же их на стройке! Нет, на жизнь "под Запад" и деньги надо делать по-капиталистически. Правда, теневая экономика в СССР ещё только-только начинается, но в Питере, где хватает иностранных туристов, моряков и фирмачей, в конце 50-х годов уже прочно встаёт на ноги этот новый вид советского бизнеса, символично названный" фарцовкой" — от английского словосочетания "for sale" ("на продажу"). И вот Аркаша Звездин каким-то образом устанавливает контакты с этими "деловыми людьми".

Зачем ему это было надо? Судя по всему, не только ради "лёгкой наживы". Вот что рассказывал нам Николай Браун: "… Конечно, Аркадия никак нельзя всерьёз рассматривать, как человека, стремившегося к обогащению. И он не был принципиально настроен на какие-то акции, как политические,

так и уголовные. Скорее, для него всё это было в русле его симпатии в целом к этой стихии. Это могла быть для него игра своего рода… а насколько он далеко в ней зашёл, я не знаю". Но нельзя не отметить, что сохранились и иные воспоминания: о том, как Аркадий принимал непосредственное участие в каких-то делах по перепродаже партии часов, а также и о том, что в те годы он очень любил щегольнуть весьма специфическим жаргоном фарцовщиков. Последнее, впрочем, скорее как раз и подтверждает, что элемент игры во всех этих делах был у Аркадия далеко не на последнем месте… Но, как бы то ни было, бешеный капитал на фарцовке Аркадий себе не сделал, зато и неприятностей с органами на этой почве не поимел. Но мы немного отвлеклись. Потому как ни диссидентские игры, ни фарцовка — для Аркадия не главное. "Это — не моё" — помните? Главное и основное его увлечение на все времена — музыка. А в конце пятидесятых, как мы уже говорили выше, самой модной и популярной музыкой был джаз.

Советская власть не очень-то жаловала эту "музыку толстых", — и слава Богу, что хотя бы уже не запрещала, как в эпоху борьбы с "низкопоклонством"! Однако и в передачах советского радио, и в продукции государственных студий грамзаписи джаз выдавался строго гомеопатическими дозами, а рок-н-ролл был, практически, запрещён. И потому любителям такой музыки приходилось добывать её только лишь "левыми" путями. А распространялась она в те времена в основном на грампластинках. Магнитофоны были ещё далеко не у всех, хотя их производство в СССР к концу 50-х годов было уже вполне налажено. Но стоили они достаточно дорого, да и качество могли обеспечить только при первой, максимум — второй перезаписи. Дальше шёл полный завал частот и больше помех, чем музыки. Поэтому любители джаза предпочитали всё- таки "винил". Но фирменные западные диски, контрабандой попадающие в Питер, не могли обеспечить потребности рынка, да и цена их была тоже довольно высокой. Так что основным источником "несоветской" музыки были пластинки подпольного производства, нарезаемые в домашних условиях из отработанной рентгеновской плёнки. Впрочем, мы не будем сейчас подробно об этом рассказывать. Эта славная страница нашей истории достаточно хорошо известна, и слова "рентгениздат" или "музыка на рёбрах" не нуждаются в дополнительных пояснениях.

Для простого питерского студента Аркадия Звездина, не имеющего ни магнитофона, ни средств на приобретение фирменных дисков, именно такие вот пластинки становятся настоящей энциклопедией современной неподцензурной музыки.

Ведь, как известно, кроме джаза и рок-н- ролла, рентгениздат тиражировал и другую музыку, так же запрещённую в СССР: эмигрантов всех мастей, всевозможные цыганские хоры и даже блатные песни в исполнении подпольных отечественных "шансонье"! Такие записи тоже не проходят мимо Аркадия. Он приобретает пластинки, постоянно крутится в компаниях, в которых происходит обмен записями. Круг его знакомств постоянно расширяется. И вот однажды, в русле всех этих дел, Николай Браун рассказывает Аркадию об одном своём знакомом, непосредственно связанным с "Золотой собакой" — подпольной фирмой Руслана Богословского, главного производителя питерского рентгениздата. Причём, кроме большой коллекции музыкальных записей, у этого знакомого есть и ещё нечто, также весьма интересующее Аркадия Звездина — запрещённая литература, правда, не политического, а эротического содержания. В частности, книга нашего великого классика скабрёзного жанра И. С. Баркова. И вот, получив заветный адрес, в один из летних дней 1962 года Аркадий приезжает на Петроградскую сторону, находит тихую и неприметную Ропшинскую улицу, и поднимается по лестнице на второй этаж дома номер 25, в 14-ю квартиру, где и живёт знакомый Николая Брауна — музыкальный коллекционер и "спекулянт", уже не раз пропечатанный в советских фельетонах, стиляга и рок-н-ролльщик, студент Кораблестроительного института Рудольф Фукс.

Впоследствии Фукс так напишет об этой встрече:

> "Вспоминается мне моя коммунальная квартира на Петроградской стороне, лето 1962 года, компания друзей-коллекционеров вокруг стола в одной из двух смежно-проходных комнат. Неспешный разговор… Звонок в передней. Насмешливо-любопытные взгляды соседей по квартире: "Ещё один? Да и незнакомый совсем!" Их перешёптывания в глубине: "Не слишком ли много собралось? Не позвонить ли в милицию? Пусть придут, проверят документы!"

А может, мне это только казалось, когда я шёл отворял дверь. За дверью стоял худощавый человек лет двадцати пяти с лицом, слегка напоминавшим одну из масок кинокомика Юрия Никулина. Спросив меня, он представился:

— Аркадий. Я от Коли. Он дал мне ваш адрес и обещал предупредить вас.

Действительно, один мой приятель говорил о каком-то Аркадии, который интересовался творчеством И. С. Баркова —

русского поэта ещё допушкинской поры. У меня была одна из его книг, и я не прочь был уступить её любителю. Вот как раз по этому поводу и явился ко мне в первый раз Аркадий. Вручив ему книгу для ознакомления и, усадив за письменный стол в соседней комнате, я вернулся к друзьям, и мы продолжали прерванный разговор". [3]

Очередной клиент ничем не привлёк внимание Рудольфа, — ведь Браун, направляя к нему Аркадия, ни словом не обмолвился о том, что этот парень обладает какими-то вокальными способностями. И, наверное, мог бы Аркадий тогда так и уйти с книжкой или пластинкой, но ведь "он не мог спокойно пройти мимо гитары…" И вот судьбе было угодно, чтобы в той комнате Рудольфа Фукса, куда он отправил Аркадия, оказалась семиструнная гитара! Этот, совсем незначительный на первый взгляд, факт во многом и определил всю дальнейшую судьбу Аркадия Звездина. Впрочем, давайте ещё ненадолго вернёмся к воспоминаниям Рудольфа Фукса:

"Мы вдруг услышали великолепный баритональный тенор серебристого оттенка, который под гитарный аккомпанемент прозвучал из смежной комнаты. Голос пел совершенно незнакомую мне тогда песню:

"В осенний день,
Бродя, как тень,
Я заглянул в шикарный ресторан…"

Сначала мне показалось, что кто-то включил магнитофон с незнакомыми мне записями и только, когда я подошёл к двери второй комнаты, я увидел своего нового знакомого Аркадия, который, аккомпанируя на моей гитаре, продолжал петь…

Это было похоже на чудо. Только что в квартиру зашёл самый обыкновенный человек, но стоило ему взять в руки гитару и запеть, как волшебная сила искусства как бы приподняла его над нами, столпившимися вокруг него и просившими всё новых и новых песен. И он щедро пел нам и "Любил я очи голубые", и "Я один возле моря брожу", и "Глухари" Есенина, и "Звёзды зажигаются хрустальные", и, видимо, специально для моих коммунальных соседей:

"Как у нас, как у нас
Развалился унитаз…"

… С этого дня началась наша с ним дружба…"

Придя в восторг от пения своего нового знакомого, Рудольф Фукс сразу же загорается желанием его записать. Тем более, что у Рудольфа как раз есть это чудо техники XX века — магнитофон! Огромный, неподъёмный "Днепр" с плохоньким микрофоном, который, впрочем, вполне позволяет сделать запись пения под гитару. И вот в один прекрасный день Аркадий заявляется домой к Фуксу уже специально для того, чтобы спеть перед микрофоном. А чего отказываться- то? Вдруг получится что-то толковое. И похоже, что действительно получилось! После первой же пробной записи Фукс убеждается, что вокал Аркадия на удивление "фоногеничен", то есть хорошо ложится на ленту. А звучит даже ещё интереснее, чем в жизни! И Фукс начинает записывать всё, что только может припомнить и напеть ему Аркадий.

Рудольф Израилевич позже вспоминал, что репертуар у Аркадия в те времена состоял всего из нескольких десятков песен, которые легко умещались на одну-две бобины. К сожалению, теперь уже невозможно точно установить — какие именно песни были тогда записаны. Оригиналы давно уже сгинули, и хоть до сих пор то тут, то там всплывают какие-то фрагменты гитарных записей Аркадия, иногда датируемые самым началом шестидесятых годов, но никаких чётких подтверждений, что эти песни были напеты именно тогда, к сожалению, нет. Впрочем, о характере репертуара студента Звездина догадаться совсем нетрудно — это самые обычные песни, которые всегда поют в компаниях, и почти никогда — по радио. Дворовые и студенческие, шуточные и лирические, ну, и, конечно же, блатные. Репертуар по тем временам совсем не оригинальный. А интерес к блатным песням в то время и вовсе был почти всеобщим. И это неудивительно — как-никак, за предшествующие годы через тюрьмы и лагеря прошла немалая, и, надо сказать, далеко не худшая часть населения СССР. А тех, кому не довелось сидеть, блатная романтика привлекала как своего рода протест против смертельной скуки казённой "культуры". Но поскольку студент Аркаша Звездин пока ещё вряд ли относится к этому достаточно сознательно, то и мы не будем подробно останавливаться здесь на анализе роли Блатной песни в советском обществе, и вернёмся к этому в следующих главах.

Сейчас трудно сказать, насколько широко разошлись те первые пробные ленты, сделанные Рудольфом Фуксом. С одной стороны, тогда все подобные записи были в новинку, и определённый интерес, конечно, должны были вызвать. С другой — ничего такого особенного в них не было. Кто только не пел эти песни под гитару! Ведь именно в это время происходит подлинный расцвет магнитиздата. И начинался он весьма

специфично. Большинство исполнителей, да и авторов, начинают именно с блатных или, по крайней мере, — со стилизаций "под блатные песни". Хотя сейчас, по прошествии столь длительного времени, уже трудно определить — где непосредственно "блатные", а где эти самые стилизации. Юз Алешковский пишет "Окурочек" и "Товарищ Сталин", Владимир Высоцкий начинает создавать свой так называемый "блатной цикл". Поют под гитару песни подобного жанра и Евгений Урбанский с Олегом Стриженовым. Даже Александр Галич в приватных компаниях поёт "блатняк" — "Стоял я раз на стрёме." и прочие "не свои" песни. А сколько было ещё других исполнителей, никому неизвестных. Одних и тогда никто не знал, а других — может быть, и знали, но забыли уже. И вот только сейчас всплывают некоторые фамилии: Кролле, Плисецкий. Так что записи ленинградского студента Звездина ничем принципиально новым не являлись.

Но Рудольф Фукс был не таким человеком, чтобы отказаться просто так от какой-либо затеи! Его и в студенческие годы отличали неуёмная энергия и невероятная способность постоянно порождать оригинальные идеи, — качества, которые вкупе с любовью к музыке и неприятием Системы и определят потом его бурную биографию. Но, конечно, стиляга Рудик пока не осознаёт своей "исторической миссии". Идея, пришедшая ему в далёком 1963 году, была проста и вполне естественна: хватит уже заниматься только перепродажей пластинок, почему бы и самому не делать оригинальные (как теперь сказали бы — эксклюзивные) музыкальные записи! На которых, разумеется, можно будет и денежку заработать. И он решает произвести запись аж целого концерта из песен в исполнении Аркаши Звездина под ансамбль! Тем более, что у Рудольфа уже есть перед глазами удачный пример: ведь в рентгениздате не только выпускались копии западных пластинок, но и непосредственно производились записи различных исполнителей! И, разумеется, такие, что никогда в жизни не смогли бы появиться на грампластинках государственных студий. К сожалению, имена тех исполнителей до нас практически не дошли. Из ленинградских достаточно известны лишь Ольга Лебзак и Серж Никольский. В исполнении Ольги Лебзак, актрисы Ленинградского театра им. Пушкина, были записаны блатные песни на студии Станислава Филона, главного конкурента Богословского. А у самого Руслана записывался Серж Никольский, самодеятельный певец, исполнявший под небольшой ансамбль разные "нехорошие" песенки, сочинённые молодым ленинградским поэтом Борисом Павлиновым: "Пещерное танго", "Неделя холостяка", "Тюремный

романс", "Жизнь блатная" и другие.

Однако в 1963 году Никольский уже не записывался — фирма Богословского в очередной раз была разгромлена органами, а сам Руслан отбывал срок. Но, как говорится, всех не пересажаешь, и в Питере есть ещё люди, которые продолжают в глубоком подполье творить своё славное дело. Рудольф, который был в компании Богословского всё-таки не последним человеком, прекрасно их всех знает, и поскольку уцелевшие деятели "Золотой собаки" вполне сохранили свой "производственный потенциал", то и решает обратиться к ним со своей идеей. Тем более, что для её осуществления у самого Фукса ничего нет — ни хорошей звукозаписывающей аппаратуры, ни знакомых музыкантов, — ничего. Кроме самой идеи как таковой. Но ведь известно, на что способна Идея, овладевшая массами! Пусть, в данном случае, она овладела даже и не массами, а только Рудиком Фуксом и Аркашей Звездиным. Предложение Фукса Аркадий воспринимает тоже с энтузиазмом, — во-первых, ему записываться вообще интересно; а во- вторых, приглашение "на студию" — это же, как никак, признание! Ну, а Рудольфу, на самом деле, никаких гор сдвигать для этого и не надо: единомышленников он находит довольно быстро. Ими были: тот самый поэт Борис Павлинов (уже успевший отсидеть срок за "музыкальный самиздат" и впоследствии ставший известным ленинградским поэтом под псевдонимом "Тайгин"); работник Ленинградского радио, музыкант и коллекционер Андрей Персон; ещё один коллекционер — Анатолий Копров; и, наконец, талантливый радиоинженер и звукорежиссёр из фирмы Богословского — Виктор Смирнов. Последний и берётся обеспечить техническую часть мероприятия, поэтому именно его квартира на углу Гаванской улицы и Среднего проспекта Васильевского острова, и определяется под студию.

И вот в назначенный день на квартире Виктора Смирнова в девять часов утра начинает собираться вновь испечённый музыкальный коллектив. Вместе с Рудольфом Фуксом и Аркашей Звездиным, по словам Анатолия Копрова, пришёл ещё и дружок Аркадия, цыганёнок с гитарой. Сам Копров доставляет аккордеон, на котором будет играть Виктор Карпов, а также приносит ещё несколько весьма характерных принадлежностей — десять бутылок водки и один кочан капусты. Некоторые подробности этой встречи нам удалось услышать от Андрея Персона. Вот что он рассказал: "Подыгрывал на гитаре Владимир Ершов. "Цыганёнок" — Михаил Ланглиб. Привёл их я. Пианиста привёл Рудик. Сам Виктор Смирнов не играл, пианино было для его сына. Саксофон — Юрий Маковоз, единственный профессионал

из присутствующих".

В общем, несмотря на столь "солидный" инструментальный состав, участники этого мероприятия, по-видимому, вовсе не собирались слишком серьёзно подходить к музыкальному сопровождению. И даже единственный профессионал, по словам Фукса, очень быстро "потерял работоспособность". Скорее всего, всё это было построено, как обычная вечеринка под "домашнее музицирование", ещё достаточно распространённое в те годы, несмотря на все успехи звукозаписывающей и звуковоспроизводящей индустрии. В начале 60-х годов ещё очень часто люди пели и танцевали на своих квартирах под пианино или аккордеон. Ведь освоив даже самые несложные аккорды и приёмы игры, те же "запрещённые" буги-вуги можно было сбацать так, чтобы жарко стало и земле, и небу, и несчастному участковому. А уж если находились люди, способные не только более-менее прилично сыграть, но и быстренько раскидать музычку между фоно, гитарой, и. ещё чем-нибудь, — то как раз и получался "ансамбль" типа того, который и собрался на квартире Виктора Смирнова аккомпанировать Аркадию Звездину.

Как же происходила эта первая в своём роде запись, с которой, по сути, и начался Аркадий Северный? Вот что вспоминают её непосредственные участники:

> "Вдарили по первой, заели капустой и поехали! Аркаша дивным баритональным тенором запел "Шарабан-американка", "Алёша-ша", "Гоп-со-смыком". Писали на мощный магнитофон, усовершенствованный Виктором "МАГ-8" в американской тумбе, с тремя моторами, через аппарат "искусственное эхо " (ревербер), при котором создавалось ощущение гулкого большого зала. Ближе к ночи все были пьяны…" — ***так рассказывал позже об этом событии Анатолий Копров***.
>
> ***Некоторые подробности удалось припомнить и Рудольфу Фуксу***: "Запись со всеми повторами и дублями заняла целый день с раннего утра до позднего вечера, а результатом явились всего два часа смонтированного концерта, который позже получил название по первой фразе, произнесённой Аркадием в самом начале и записанной с реверберационным эхом: "Эх, люблю блатную жизнь, да воровать боюсь!"

После этого исполнитель объявил, что у всех песен, которые будут исполнены, "Музыка народная, слова — НКВД", и

звукозапись началась. Она прошла, в общем, без эксцессов, если не считать выходок пьяного "в стельку" саксофониста, который пытался играть настолько вперёд, что его пришлось связать, да и более того, заткнуть ему рот кляпом, чтобы он не мог помешать звучанию ансамбля".

Ещё один участник тех давних событий Борис Тайгин, к сожалению, не смог припомнить каких-то других, дополнительных подробностей, но, тем не менее, подтвердил, что "так оно всё и было".

И было в этот день ещё одно очень важное для всей нашей истории событие, о котором помнят буквально все, с кем нам удалось переговорить — и Тайгин, и Фукс, и Копров. Почти в самом конце записи возник вопрос о том, что поскольку концерт "пойдёт в народ", для исполнителя нужно придумать псевдоним. Красивый и звучный. "Настоящая его фамилия, хоть она и звучала вполне артистически, по вполне понятным конспиративным соображениям не подходила" — вспоминает Рудольф Фукс. Было предложено несколько вариантов (каких — этого, конечно, уже никто не помнит), среди которых вдруг и прозвучало — "Аркадий Северный". Но и придумавший псевдоним Виктор Смирнов, и сам Аркаша Звездин, уставший, но довольный столь плодотворным днём, восприняли всё это всего лишь как забавную игру. О том, что именно сейчас положено начало будущей Легенде никто, конечно, и не подозревал.

Впрочем, Рудольф Фукс и Андрей Персон отнеслись к произведённой в этот день записи с должным уважением. Персон забирает её к себе на Ленинградское радио, и делает монтаж на профессиональной аппаратуре, в итоге которого получается "товарная" фонограмма. К большому сожалению, до наших дней она в полном виде, судя по всему, не дожила. Хотя была в своё время популярной и даже достаточно широко распространялась. Вот что вспоминает Рудольф Фукс: "Эту запись я дал послушать двум таким же "несоветским" молодым людям, как и я сам — любителям вражеской музыки, рок-н-ролла. Причём, один из них, Екимов, был не просто любитель подёргаться под западные ритмы, он начал составлять уже в те времена, в начале шестидесятых, энциклопедию рок-н-ролла! И вот как только они услышали запись Северного, так мгновенно загорелись интересом! Они сразу же сделали себе копии, и начали распространять".

Ну, а Тайгин со Смирновым, в отличие от Фукса и Персона, действуют по старинке. Они не распространяют магнитофонные копии, а нарезают гибкие пластинки с записанными песнями на всё той же рентгеновской плёнке, — и выпускают их в свет с

этикетками, на которых красуется надпись "Аркадий Северный"! Вероятно, именно так это звонкое имя впервые и запомнилось советскому народу…

Борис Тайгин и Анатолий Копров вспоминали, что после этого "оркестрового" концерта было сделано ещё несколько записей Аркадия, — у Виктора Смирнова и у того же Копрова. К сожалению, у нас нет никаких чётких тому подтверждений, да и записей тех отыскать так и не удалось. Впрочем, нам приходилось неоднократно слышать воспоминания самых разных людей о том, что в 60-е годы имя Аркадия Северного было достаточно хорошо известно в коллекционерской среде, и записывали его явно неоднократно. Но, тем не менее, судьбе не было угодно, чтобы эта история получила тогда продолжение. Вернувшийся после очередной отсидки Богословский со товарищи осваивает производство пластинок, но уже не "на рёбрах", а на настоящем виниле, и полностью переходит на тиражирование сверхпопулярных в середине шестидесятых "The Beatles" и других западных групп. А Фукс в 1965 году получает за свою "музыкальную" деятельность срок с формулировкой "за подделку документов" (видимо, других статей подобрать не удалось.) и отправляется на зону под Выборг. Для Аркадия же всё это "музицирование" было не более, чем интересной игрой, и ни о какой карьере "подпольного шансонье" он и не помышлял. Ему теперь остаётся лишь иногда вспоминать о своих музыкальных похождениях в студенческие годы.

В декабре этого же, 1965 года, студент Звездин заканчивает, наконец, инженерно- экономический факультет Лесотехнической академии, на который он вынужден был перевестись с лесоинженерного после двух отчислений за академическую неуспеваемость. Что ж поделать — та бурная жизнь Аркадия вне стен института, о которой мы писали выше, не очень-то много времени оставляла ему на учебный процесс. Но как бы там ни было, в итоге он всё-таки получает заветный диплом, и квалификацию "инженер-экономист по экономике и организации деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности". И, кстати (мы ещё вернёмся к этому моменту), темой его дипломного проекта было: "Организация отгрузки экспортных пиломатериалов из Игарского порта и проект мероприятий по снижению претензий иностранных покупателей". Распределение Аркадий получает в ленинградскую контору "Экспортлес". Честно говоря, не совсем понятно, как ему удалось добиться этого после двух отчислений и более чем скромных успехов в учёбе. К тому же ещё и приезжий. И вдруг такое шикарное распределение! Вместо того, чтобы поехать куда-

нибудь там в республику Коми или в ту самую Игарку, он остаётся в столице и попадает в систему внешней торговли. Несбыточная мечта для многих и многих выпускников! Впереди — блестящие перспективы для дальнейшего продвижения по службе и карьерного роста.

Что же представляло из себя учреждение, с работы в котором начался трудовой путь молодого Аркаши Звездина?

Это было Всесоюзное объединение, монопольно осуществлявшее экспортно-импортные операции с лесотоварами. И располагалась оно в Ленинградском торговом порту, раскинувшемся на огромной территории нескольких островов в Финском заливе, в юго-западной части Питера. Как и любой торговый порт, он представлял собой громадный "город" из бесчисленных причалов, эстакад, столпотворения судов, кранов и прочих портовых сооружений, лабиринта складов, ангаров, пакгаузов, элеваторов. А один из участков этого города, с собственными причалами и лесобиржами, и представлял из себя непосредственно контору "Экспортлеса". Улиц, в обычном понимании этого слова, в порту не было, и потому адрес конторы звучал просто: "Гладкий остров, дом 1". А служащие сего учреждения в поте лица корпели над планами погрузки-выгрузки и трещали арифмометрами, выполняя всевозможные указания свыше: куда, чего и сколько грузить. Стараясь выслужиться перед вышестоящим начальством и в глубине души лелея мечту о командировке в Москву или скором повышении. И самое заветное (а вдруг!) — о переводе в какое-нибудь заграничное отделение конторы. Но такая работа Аркадию, судя по всему, была вовсе не по душе. Вот что рассказывал по этому поводу Николай Браун: "Аркадий устроился на работу, которая требовала карьерной ответственности. Там нужно было проявлять другие стороны характера, а Аркадий вообще был бессребреником. Он был в жизни нетребовательным человеком, нестяжателем. Может быть, это какая-то из сторон блатных песен, блатной идеологии, которая не признавала стяжательства… Может быть, эта игровая сторона жизни была Аркадию ближе, чем помышлять о какой-то партийной карьере, о чинах. Это было не в его характере, он был по натуре лирик, совершенно бескорыстный".

Лирика — лирикой. Но была ещё и суровая жизненная проза. Согласно которой — нравится, не нравится, но коль поставили тебя на должность, будь любезен — служи! По крайней мере, три года. И товарищ Звездин служит. Причём даже добивается определённых успехов. Как то: Почётной грамоты за первое место в зимней спартакиаде ЛК В/О "Экспортлес" по шахматам и Знака ДОСААФ "За активную работу", видимо, тоже в какой-то подобной

области. И таким вот образом Аркадий постепенно втягивается в рутину жизни советского клерка. Со всеми её буднями и праздниками. Ну, а как в нашей стране скрашивают будни и отмечают праздники, наверное, долго рассказывать не надо. Скорее всего, именно в это время и проявляются первые симптомы будущей болезни Аркадия. Наивная молодость! Думается: ну что такого — выпить сто грамм после работы или распить бутылочку, другую с сослуживцами в честь удачного завершения первого квартала? Тем более, что поутру даже и голова не болит. И похмеляться не тянет. Разве что кружечку пивка, если перебрал всё-таки немного вчера. Эх, если б оно так всегда было!..

К сожалению, нам удалось узнать совсем немного подробностей о жизни Аркадия и в этот период. И отделить в них истину от легенд уже очень трудно… Тем более, что сам Аркадий, рассказывая о своей жизни, всегда добавлял к истине изрядную долю "романтических", как ему казалось, историй. Например, о своей "тюремной биографии". Рассказы о "сидевшем" Северном — одни из самых популярных и устойчивых в его Легенде. И возникли они не только из-за специфики жанра, в котором выступал Аркадий, но и благодаря его собственным "сочинениям". Известны воспоминания о том, как Северный рассказывал, что имел два года "за нож", в доказательство чему предъявлял трудовую книжку с двухлетним перерывом, и демонстрировал своих "блатных" приятелей. Интересно вот — объяснили ли ему эти приятели, что приписывать себе срок — западло?.. Ведь теперь уже достаточно точно известно, что Аркадию Дмитриевичу Звездину, 1939 года рождения, уроженцу города Иваново, никогда не приходилось находиться в местах лишения свободы, иметь судимости, привлекаться к уголовной ответственности, бывать под судом и под следствием. [4]

Однако на этом мы всё-таки не закончим разговор о мнимых или истинных конфликтах Аркадия с Советской властью. Одну довольно загадочную историю на эту тему, случившуюся в середине 60-х годов, рассказал нам Николай Браун:

> "… Аркадий сказал, что у него довольно тяжёлый период, что он куда-то попадал, то ли на 15 суток, то ли у него было что-то типа административной высылки. Я точно вспомнить не могу, но что-то было не очень продолжительное, не срок. Но на тот момент он был в крайне сложном положении, из-за того, что у него были не в порядке документы, и любая ментовская проверка могла плохо закончиться… Время было уже позднее, и

вдруг нам навстречу вышло человек шесть или семь дружинников, на углу Колпинской и проспекта Щорса. Мы уже были на небольшом расстоянии от них, и Аркадий успел мне шепнуть три слова: "Прикрой! Повяжут — срок!" Я быстро сообразил, что мне надо оказать этим дружинникам очень сильное сопротивление. Это сработало — они обалдели от того, что кто-то вздумал сопротивляться шестерым, навалились все на меня, а Аркадий тем временем дал дёру. Для меня этот вечер окончился в милиции, а Аркадий исчез".

Куда и за что попадал Аркадий, и что именно было у него с документами — мы, вероятнее всего, уже никогда не узнаем. Существуют, правда, довольно туманные слухи о том, что Звездин всеми правдами и неправдами пытался уклониться от призыва в армию. Может быть, всё это и на самом деле как-то взаимосвязано? Кто знает. Но, как бы то ни было, Аркадию всё-таки не удалось избежать службы в рядах доблестных советских вооружённых сил. И случилось это в 1968 году.

И опять же, каким-то невероятным образом, лейтенанта Звездина не засылают в какую- нибудь Тьмутаракань, а оставляют служить в Ленинградском военном округе, и, более того, даже на территории Ленинградской области! Воинская часть 40932, Военно-Воздушные Силы. Конечно, двухлетняя служба офицера запаса — это не Бог весть что. Нет особых "тягот и лишений", но нет и особой романтики. Впрочем, мы не видим необходимости писать что-либо подробное о буднях армейской жизни, поскольку подавляющее большинство читателей, вероятно, и так имеет об этом достаточное представление.

В каком же качестве довелось Аркадию Звездину выполнять свой "священный долг"? Часть, в которую его определили, была вертолётным полком. Естественно, что за штурвал вертолёта необученного лейтенанта запаса, вчерашнего экономиста, никто не посадит; но несмотря на это, воинскую специальность Аркадию присваивают. По крайней мере, в его воинских документах в соответствующей графе было указано "штурман". Чем конкретно приходилось ему заниматься в роли штурмана вертолёта "Ми-1", можно только догадываться. Но, тем не менее, Аркадий сотворяет себе на этой почве ещё одну умопомрачительную легенду. Служить, как бы то ни было, скучно, и поэтому Аркадий со своей любовью к "романтике", демобилизовавшись, начинает рассказывать про своё армейское житие совершенно немыслимые истории. В некоторых из этих рассказов Аркадий хотя бы не

меняет свою "дислокацию", и рассказывает о своих похождениях по истинному месту службы — под Ленинградом. Например, о том, как он сажал вертолёт у пивного ларька, распугав очередь. Но потом Аркадию и это кажется уже недостаточно интересным, и он запускает уже совершенно сверхъестественную байку. Знакомые с удивлением узнают, что лейтенант Аркадий Звездин вернулся. с боевых действий в небе Вьетнама!

Наверное, нет нужды напоминать нашим читателям, что в те годы Советское правительство оказывало усиленную помощь Северному Вьетнаму в борьбе с американской агрессией. Правда, в нашей прессе тогда писали в основном про экономическую помощь и моральную поддержку, но все граждане СССР прекрасно знали, что во Вьетнам поставляется наше оружие, направляются военные инструктора, а также и военнослужащие, которым придётся принять участие и непосредственно в боевых действиях. А так как американцы в свойственной им трусливой манере предпочитали вести против вьетконговцев воздушную войну, то и среди наших военных большинство было ПВОшниками и лётчиками. Наверняка Аркадию за время службы довелось услышать об этом немало историй. А может, ещё и о том, что в сентябре 1969 года были совершены первые рейсы во Вьетнам транспортных самолётов Ан-22 ("Антей") с аэродрома, расположенного не где-нибудь, а в Иваново, и носящего, как мы уже писали ранее, название "Северный". В общем, вот и получается у него так, как в песне поётся: "Советский пилот во Вьетнаме сбивает восьмой самолёт…"

Правда, надо заметить, что в байках, дошедших до нас от людей, которые слышали их непосредственно от Аркадия, он хотя бы не находился лично сам за штурвалом боевой машины. Это уж совсем выходило бы за рамки какого бы то ни было правдоподобия — на лётчика надо было учиться! Всё ж таки — не Великая Отечественная, чтоб бросать в бой обученного по ускоренной программе "взлёт-посадка". Нет, Аркадий выступает в этих историях то как штурман, что, по крайней мере, формально соответствует его воинской специальности, а то — как стрелок-радист. Но и такие роли Аркадия, как "участника боевых действий во Вьетнаме", лежат в области чистой фантастики. Во Вьетнам могли послать только профессионала высшего класса, а никак не офицера запаса, только что сдёрнутого с мирной профессии. Тем не менее, просто удивительно, сколько людей поверило в эту историю, а потом пересказывало её! В том числе и Рудольф Фукс. А ведь, казалось бы, все должны были понимать её абсурдность. Но надо, наверное, учитывать специфику того времени. Тотальное враньё советской системы поневоле

располагало к тому, чтоб верить самым невероятным слухам.

Глава вторая
"Я просил бы Вас, маэстро, что-нибудь нам спеть..."

"Я пою сейчас свою первую песню
для своего импресарио".

А. Северный, 1970-е гг.

Два года срочной службы — всё-таки довольно порядочный срок. И произойти за это время может всё что угодно. Так случилось и у Аркадия. Как мы уже говорили, служил он недалеко от Ленинграда, и однажды то ли по делам службы, а может быть, и по личным делам пришлось ему ехать электричкой в Питер. Зайдя в тамбур вагона, Аркадий обратил внимание на спешившую к поезду девушку. Она явно не успевала, уже двери начали закрываться. И он по какому- то велению Судьбы и, наверное, неожиданно и для самого себя, выскочил из вагона. Зачем? Трудно сказать. Но произошло вот так, и всё. Как мы уже сказали — Судьба. И ехали они на следующей электричке уже вместе. Попутчицей Аркадия оказалась врач Валентина Сергеевна Бойцова, возвращавшаяся из посёлка Васкелово со своей дачи домой. От Васкелово до Ленинграда езды всего-то немногим больше часа, а с приятным собеседником время вообще летит быстро. Но вот — разговорились, познакомились. И не просто — познакомились. Проскочила, наверное, какая-то искорка между двумя молодыми людьми и. 12 декабря 1969 года уже играли свадьбу.

И, кстати говоря, сохранилась киносъёмка этого дня! Единственная сохранившаяся запись, на которой запечатлён Аркадий Северный. И пусть чёрно-белая и без звука, но, всё-таки, хоть что-то осталось…

И началась у Аркадия семейная жизнь. Правда, надо сказать, что это был не первый его брак. Первый раз Звездин женился ещё в далёкие студенческие годы. Но тот брак был совсем кратковременным, и Аркадий практически никогда не вспоминал о нём. Видимо считал просто случайным эпизодом в своей жизни. Единственное, что нам удалось узнать о его первой жене — это её имя: Нина. Кем была она — никто не помнит, но не студенткой, однозначно. Ходит какой-то туманный слух, что работала она на телеграфе. Впрочем, это к нашей истории почти никакого отношения не имеет.

Гораздо важнее — другое. Эти несколько лет семейной жизни были, пожалуй, единственным периодом в жизни Аркадия, когда он был "таким, как все" — семьянином и тружеником, с присущими всем "простым советским человекам" достоинствами и недостатками. И поначалу всё у него шло, как в обычной рядовой советской семье, но период этот был сравнительно недолгим.

14 июня 1971 года в семье Звездиных рождается дочь Наталья, и Аркадий начинает постепенно привыкать к тому, что отныне он — отец и, как-никак, глава семейства. Дочка подрастает, и забот с ней постепенно становится несколько меньше, вернее — заботы эти становятся немного другими. С одной стороны — уже меньше детского крика по ночам, меньше "расход" пелёнок- распашонок, и больше свободного времени. А с другой — растёт это дитё не по дням, а по часам, и кушать, между прочим, хочет уже чего-нибудь посущественней кефира из Молочной кухни. А зарплата. А зарплата — та же самая. Вот и думай, папаша, — что делать. Тем более, что домашней работой ты особо и не перегружен. И возникает перед Аркашей Звездиным типичный в 70-е годы для многих советских граждан вопрос: где найти какую-нибудь халтуру? Не воровать же идти. Вагоны же разгружать — тяжеловато для его конституции, да и не престижно как-то для ИТРа. Может, фарцовкой заняться по-маленькому? Как в молодые годы. И начинается обзвон всех друзей-знакомых, по записной книжке. А там, среди прочих, — телефоны тех самых ребят, которым настолько понравилось звездинское пение, что даже записали они его когда-то на магнитофонную бобину.

Сейчас уже невозможно (да и не нужно это, наверное!) точно восстановить: кому он звонил тогда, и в какой последовательности. Но факт остаётся фактом: в конечном итоге всей этой бурной деятельности Аркадий вновь встретится с. Рудольфом Фуксом. До которого уже дошли слухи, что вернулся открытый им почти десять лет назад "молодой талант". Вернулся? Откуда? И тут — неимоверный полёт фантазии! Ещё несколько штрихов в будущую "легенду". Мы уже писали ранее о байках Аркадия про службу в вертолётных войсках. А сейчас к ним прибавляется ещё одна — совершенно немыслимая история о том, как простой советский служащий Аркадий Звездин, уже "побывавший в небе над Вьетнамом", теперь собирается. в загранкомандировку в капиталистическую Канаду! И надо сказать, что на этот раз легенда выглядела всё-таки более правдоподобно, нежели "служба во Вьетнаме". Там, как мы уже говорили, логика отсутствовала напрочь, а здесь хоть какая-то, но

прослеживалась. Как-никак, Аркадий — выпускник Лесотехнической академии и работник "Экспортлеса", а Канада — лидер Западного мира именно по лесоперерабатывающей промышленности. Недаром же слух о подготовке Северного к поездке в Канаду до сих пор имеет хождение, и многими воспринимается, как непреложный факт. А иные рассказывают не только о подготовке, но и о состоявшейся поездке! Но, надо сказать, что в командировках Звездину побывать действительно пришлось. А об одной из них сохранились даже документальные подтверждения. Летом 1966 года Аркадий Дмитриевич Звездин, инструктор Ленинградской конторы В/О "Экспортлес", в составе группы этого самого В/О "осуществляющей оформление отправок экспортных материалов в навигацию 1966 года" командируется в город Игарку (помните?). То ли его специально ещё в институте готовили для работы в Игарке, то ли дипломная работа была настолько выдающейся, что его моментально отправили туда. Нам это неизвестно. Известно только, что жил он там по частным квартирам. Так что, вполне возможно, найдутся когда-нибудь и концерты Северного, записанные в Игарке…

Но, что особенно странно, — в отличие от мифической "Канады", рассказов об этой, реально имевшей место командировке Аркадия на Енисей, в людской памяти не сохранилось! Может, и сам Аркадий об этом не распространялся? Можно, конечно, допустить что романтика работы в Советском Заполярье, довольно-таки популярная в те годы, Аркадию привлекательной не казалась. Но почему же он, при своём-то неравнодушии к блатному жанру, никак не отметил в рассказах посещение края, столь славного своими каторжанскими традициями?! Например, всего в ста километрах от Игарки находится посёлок Курейка, где отбывал туруханскую ссылку некий Иосиф Джугашвили по кличке Коба. А сам город Игарка — одна из строек ГУЛАГа, и в 1966 году там ещё было много людей, не понаслышке знакомых со сталинскими лагерями. В общем, всё это кажется весьма странным. Разве что, приложив фантазию, предположить такой вариант. Ведь молодой специалист Звездин был послан в Игарку не для чего иного, как для "снижения претензий" иностранных покупателей леса. Так, может быть, "художественное осмысление" иностранной темы показалась ему более завлекательным, чем игарские бичи и бывшие зеки? Вот и заменил он в своих рассказах Игарку "Канадой". Впрочем, скорее всего, это уже плод нашего воображения.

Но мы опять немного отвлеклись. В общем, в отличие от того, что рассказывают про Аркадия, жизнь Фукса в это время выглядит, конечно же, не столь романтично. Все эти годы он по-

прежнему занимается музыкой — коллекционирует записи джаза и рок-н-ролла, а заодно приторговывает ими, как и всякий нормальный коллекционер. Не отбил охоту к этому даже и полученный срок. Но параллельно с записями, идущими с Запада, он начинает собирать и совершенно другую музыку. Шестидесятые годы — взлёт авторской песни, и, естественно, Фукс не может пройти мимо этого явления. И уже очень скоро он не просто собирает сделанные кем-то записи различных "бардов", а начинает и сам их производить. Однако для его творческой натуры всё это не особо интересно, так же, как и неинтересна ему работа в "Ленпроекте", в котором он числится по техническому отделу. Ему хочется сделать что-то своё, совершенно оригинальное. Такое, чего никогда не было раньше. Какие-то идеи у него в голове и раньше варились. Но всякий раз недоставало какой-то самой малости, какого-то последнего штриха для их осуществления. Как раз в это время по всей стране совершенно сумасшедшими тиражами расходятся записи Владимира Высоцкого. Рудольф, как и большинство здравомыслящих людей, с удовольствием ходит на его концерты, собирает записи, но:

> "Мне было немножко обидно за наш Питер: не было у нас своего Высоцкого. И мне тогда казалось, что это вполне возможная вещь — вырастить в своём питерском коллективе фигуру, способную соперничать с самим Высоцким" — так вспоминает об этом сам Рудольф Израилевич. Естественно, он прекрасно понимал, что "соперничать" с Высоцким, как автором песен — идея совершенно фантастическая и невыполнимая. А вот посоревноваться в исполнительском мастерстве — можно попытаться. Но для этого надо две вещи: во-первых, найти этого самого исполнителя, а во-вторых, подобрать для него репертуар. С репертуаром особых вопросов не было. Песни других авторов — неоригинально, пусть уж сами поют. Эмигрантский репертуар — тоже вторично. Советские песни петь? — и вовсе не смешно, их и так каждый день играют на радио и телевидении. Остаётся что? — народные песни! Но, разумеется, не те "народные", что звучат в филармонии, а современные народные песни. Которые, благодаря новейшей истории нашей страны, оказались, в большинстве своём, блатными. Фукс ещё с 14 лет начал собирать тексты именно таких песен. По словам Валентина Шмагина, "Он часто говорил, что собрал

очень много, что блатные песни — это народный фольклор, что надо бы это оставить для потом- ков. Потом у него появилась идея найти хорошего исполнителя и записать всё имеющееся в хорошем качестве".

Конечно, исполнять блатные песни — идея тоже отнюдь не самая оригинальная. Мы уже писали о том, как пели эти песни во многих артистических компаниях, как многие авторы-исполнители начинали записываться именно с блатных песен. А к началу 70-х годов в магнитиздате уже существовало целое направление — исполнители "блатного фольклора", а проще — "блатняка".

Впрочем, то, что во второй половине XX века стали у нас называть "блатным" жанром, блатным, по сути, и не являлось. Мы считаем необходимым остановиться на этом подробно, потому что именно в это время началось размывание границ жанра, самое широкое его толкование, и, в конечном итоге, формирование удивительного советского феномена — магнитиздатовского "блатняка". Жанра, в котором и предстояло прославиться Аркадию Северному.

Эклектизм этого жанра (трансформировавшегося позднее в вовсе не поддающийся определению "русский шансон") в благословенные советские времена был вполне логичен и объясним. Несмотря на то, что жанр действительно включал в себя совершенно разнородные и, на первый взгляд, не имеющие между собой ничего общего песни, у них был тогда один всеобъемлющий признак. Это были, по меткому выражению Николая Резанова, "народные песни, запрещённые коммунистами". Действительно, главным оказывалось то, что твердокаменный официоз, не приемлющий вообще ничего живого, с одинаковым рвением отвергал и вишни из сада дяди Вани, и сигарету, которая гаснет, и Ванинский порт, и двух громил, и чёрную розу… Но у иных авторов и исполнителей бытовало желание не только спеть что-то, не приемлемое официозом, но и сознательно встать если не в оппозицию, то хотя бы в позу. Не протест, так фронда! И популярность приобретают именно такие, фрондерские песенки, в том числе и на маргинальную и на блатную тематику. Ибо у нас маргинал — не изгой, а герой! Герой, потому что он хоть и антисоциальным способом, но обозначает своё нежелание жить по законам гнусной Системы. А самый яркий герой из маргиналов — конечно, блатной (хотя противостояние благородного разбойника и мерзкой власти — антитеза и вовсе не советская, а Бог уж знает,

какая древняя.). А кроме того, есть неплохая возможность показать Совдепам даже не фигу, а голый зад: спеть что- либо похабное, циничное, в общем — эпатажное! А можно при всём этом делать ещё и "антисоветские" намёки. Народ, утомлённый бодягой коммунистического "искусства", всё это примет на "ура".

Подобных записей появилось огромное множество. Десятки известных, малоизвестных и совершенно никому неизвестных исполнителей распевали с магнитофонных плёнок практически тот же самый репертуар, что и в начале 60-х годов, разве что — с незначительными вариациями. Изредка разбавляя его современными авторскими песнями, причём зачастую переделанными уже до неузнаваемости и, тем самым, в течении буквально нескольких лет становившимися Народными. Это было в магнитиздате, а ведь, кроме того, своя "звезда блатной песни" местного масштаба была, пожалуй, на каждой улице.

Так что для того, чтобы удивить народ исполнением блатных песен, Фуксу надо было придумать что-то действительно оригинальное.

И в этот момент они с Аркадием, как мы уже говорили, вновь находят друг друга. Сначала — по телефону: "Рудик, привет! Что, не узнал? Это ж я же ж — Аркадий Северный!" — "Салют, Аркаша! Какими судьбами?!" Ну а дальше, как и положено, обмен какими-то дежурными фразами и — самое главное — для чего и был сделан звонок: "Рудик, бабки нужны! Дочка ж у меня растёт! Да не в долг. Может, халтура какая есть? Или что-нибудь на продажу?.. Что ещё умею? Ну ты ж знаешь — пить и петь!" — "Нет, Аркаша, ты сейчас человек семейный, тебе та спекуляция ни к чему. Мне оно самому уже боком вылезло. А вот с песнями. может быть, что- то и получится. Заходи." Приблизительно таким был, наверное, тот разговор, который, в сущности, в последствии перевернул Аркадию всю жизнь. Да простит нас читатель за столь вольную реконструкцию тех событий, но, как нам кажется, такой или примерно такой разговор должен был обязательно состояться.

И в один прекрасный день Аркадий заявляется в знакомый дом на Ропшинской, 25, где по- прежнему проживает в коммунальной квартире Рудольф Фукс. Здесь и состоялись первые, после долгого перерыва, записи — под стук в стенку недовольных соседей. Записывали на обычный ламповый "Днепр-11" — здоровенный такой ящик, но с неплохими для того времени характеристиками. И репертуар был самый обычный, без изысков: немного блата, немного лирики. И исполнение было, опять же, самое что ни на есть обычное. В духе тех самых "безымянных исполнителей", о записях которых мы писали чуть

раньше. Проскакивало, правда, иногда нечто "неуловимо-Северное", которое и пытался поймать Фукс, из-за чего, собственно, и писал ленту за лентой. И не только он. В квартире у Рудольфа постоянно тусуются разные люди: коллекционеры, барды, просто мелкие спекулянты. И хотя он пытается как-то развести во времени всё это разношёрстное общество, всё равно Аркадий иногда пересекается с кем-то и знакомится — с Георгием Толмачёвым, Валентином Шмагиным и многими другими "широко известными в узких кругах" деятелями подпольной звукозаписи. Записывается и у них. С превеликим удовольствием — и весело, и копейка идёт! Так бы и продолжалось оно какое-то ещё время, но однажды Рудольфу всё это надоедает. Ему, наконец, приходит в голову, как реализовать на деле ту самую фантастическую идею "о ленинградском Высоцком". Причём, ленинградском, но не совсем.

Фукс принимает, на первый взгляд, совершенно авантюрное решение; но пройдет совсем немного времени, и жизнь покажет, что оно было воистину историческим… Итак, Аркаше Звездину, скромному питерскому служащему родом из города Иваново, предстоит не больше, не меньше, как выступить в роли… "старого одессита"!

Впрочем, такая идея, конечно же, не являлась особо экстравагантной. И тема, на которую решил замахнуться Рудольф Фукс, была тогда просто обречена на популярность. К тому времени весь блатной жанр (а точнее — то, что называлось "блатным жанром" в широких народных массах) звучал с изрядным одесским акцентом. А многие даже ставили знак равенства между одесской и блатной песней. Хотя, конечно, одесская песня была блатной лишь частично, а если точней — то и вовсе не блатной, а разве что "приблатнённой". Зато колоритной! И, что совсем примечательно, этот колорит позволял многим поставить другой знак равенства — между одесской песней и еврейской! Хотя еврейским тот колорит тоже был лишь частично. Да мало ли чего там "частично" было — в Одесской песне! Уникальность одесской культуры именно в том и заключалась, что она представляла собой совершенно невообразимый конгломерат множества национальных и социальных культур, сошедшихся и спевшихся в чудесном Городе у Чёрного моря. И спевшихся, кстати, далеко не в последнюю очередь, на почве всеобщей "любви" к блатной романтике! Но, кажется, мы полезли уже в культурно-исторический анализ одесской песни, которому, по большому счёту, здесь не место.

В общем, в Питере, как, впрочем, и в других городах, "одесскими" назывались не то блатные песни с еврейской

тематикой, не то еврейские песни с приблатнённой тематикой. но, тем не менее, этот "одесский" колорит был всегда и везде достаточно популярен. Не чурался его даже советский кинематограф: в 1960-70-х годах фильмы про революцию и гражданскую войну просто-таки не обходились без кусочка "Одессы". Чего уж говорить о "неофициальном творчестве" советского народа. Народа, который обожал подобные романтические сюжеты, тем более, что в советской литературе, за все её годы существования, подобных "отклонений" было — раз-два и обчёлся!

И разумеется, наш магнитиздат тоже не оставил в стороне одесскую тематику. К началу 70-х годов по Союзу уже ходили плёнки Алика Фарбера и Алика Беррисона, — которых, кстати, частенько и называли не по имени-фамилии, а просто "одесситами". Музыкальное сопровождение там было примитивным, качество записи — зачастую просто жутким, но с тех плёнок перед советским народом представала мифически-романтическая "Одесса-мама". Бог его знает, насколько это соотносилось с реальной Одессой, но для народа это было совершенно неважно.

Так же не принципиально это было и для простых ленинградских служащих Аркадия Звездина и Рудольфа Фукса. У них об Одессе и одесских песнях было своё представление. При этом надо заметить, что побывать в самой Одессе Аркадию к тому времени ещё ни разу не довелось. А Рудольф только туманно рассказывал о своих попытках собирать фольклор среди карманников на одесском пляже, но, в то же время, говорил, что песни, колоритные истории, выражения и анекдоты он в основном привез из Бердичева, где жили родственники его жены.

А впрочем, всё это не главное!!!

Неважно, где и как нахватались Рудольф с Аркадием этого "одесского" духа, неважно, насколько он был одесским. Главное — что у них в итоге получилась-таки "Одесса", моментально увлёкшая и очаровавшая множество слушателей.

О "творческом процессе" её создания сам Рудольф Израилевич вспоминал так: "…На ходу сочинял, в автобусах; придёт какая-то мысль в голову — запишу. На кульмане писал, на работе — в "Ленпроекте"… И вот из этих записок вдруг получается нечто. Действительно, трудно определить жанр, в котором были написаны фуксовские творения! Хотя их уже повелось называть "литературно-музыкальными композициями", но этот термин лишь весьма приблизительно отражает сущность того, что получилось в итоге. И сам Рудольф Израилевич сегодня не может толком сказать, как же всё это зарождалось. Ни концепции, ни

сверхзадачи, ни режиссёрских расчётов — ничего этого не было и в помине: взял да написал! И вот: "Наконец, мой сценарий был закончен. Я позвонил Аркадию на работу, и мы условились о встрече. С волнением следил я за тем, как Аркадий читает протянутые ему листки бумаги с текстом сценария и песен. Ни он, ни я, конечно, не знали, что в этот момент решается его судьба: или оставаться начальником экономического отдела, а в этом случае он, возможно, был бы жив и сейчас, или возвращаться в магнитиздат, чтобы стать тем, чем он и стал впоследствии — Королём подпольной песни, но, увы, мёртвым королём.".

Мы не будем здесь вдаваться в философию и вслед Рудольфу Израилевичу рассуждать о том, что было бы, если. А только заметим, что не имеем ни малейшего представления о том, что же виделось тогда Аркадию при чтении этих текстов. А ведь ему надо было действительно что-то в них увидеть! Ибо "с листа" они не производят абсолютно никакого впечатления. И только исполнение этих композиций Аркадием Северным сделало их подлинными шедеврами. Но всё-таки — что же в них было такого загадочного? Ключевые реплики, играющие определённую роль в узловых моментах композиции, соотношение монологов и песен, гармонично распределённое во времени, виртуозно завязанные переходы и диссонансные разрядки по ходу течения произведения, выраженные как сюжетными, так и интонационными ходами. Примерно так можно было бы выразиться о творениях Фукса на литературоведческом жаргоне, которым мы, честно говоря, владеем довольно слабо. А если бы владели, то только заморочили б читателю голову. Потому что на самом деле мы и сами не знаем — чем же так интересны эти "произведения". Но ведь если бы знали, то, наверное, и не были б они столь интересны! И как про них говорить, мы тоже не знаем. Вероятно, не знал этого и Михаил Шелег, потому и решил он в своей книге просто привести целиком текст одной из этих "литературно-музыкальных композиций". Лишний раз доказав, что будучи перенесёнными на бумагу, все эти тексты представляют собой, по его же меткому выражению, полуграмотный бред.

> "Тогда всё зависело от того, понравится или не понравится ему сценарий", — *рассказывает Рудольф Фукс,* — "Поначалу он читал довольно хмуро, но постепенно сосредоточенность его пропадала, он начал улыбаться, а затем и просто захохотал. Ещё бы, ведь рассказ в сценарии вёлся от имени старой одесской бандерши тёти Беси, которая вспоминала свою бурную

ещё дореволюционную молодость и перемежала рассказ песнями типа "Алёша-ша, возьми полтона ниже.", "Луною озарились хрустальные воды…" и т. п. По ходу сценария появлялся её внебрачный сыночек Моня, их соседка тётя Хая, старый добрый Ёзель и прочие одесские персонажи, роли которых должен был исполнить сам Аркаша с песнями, шутками и т. д. ИАркаша, как говорится, сломался. Руки его сами потянулись к гитаре, сиротливо стоявшей в углу, и…"

— "… Аркадий Северный! Музыкальный фельетон "Вы таки хочете песни — их есть у меня!" Программа для Госконцерта!"

И сразу после объявления Аркадий выдаёт на одном дыхании с прикольнейшими вокальными выкрутасами, прибаутками, и неподражаемыми "одесско-еврейскими" интонациями "Алёша, ша!":

Как-то раз по Ланжерону я брела,
Только порубав на полный ход,
Вдруг ко мне подходят мусора:
"Заплати-ка, милая, за всё!"[5]

Песня идёт "в женском роде", но это, в общем-то, не особо и удивительно. Такое уже было неоднократно и до Северного. А вот дальше уже начинают воплощаться в жизнь те самые фуксовские задумки с одесскими персонажами. Из которых самым колоритным у Аркадия получился совершенно неожиданно для него самого, и для множества слушателей этой "программы", образ тёти Беси. И даже много лет спустя некоторые всё так же недоумевают: а чего это вдруг Северный заговорил от её лица? Настолько был неожиданным этот ход "драматурга" Фукса! Хотя, если вдуматься, и вполне объяснимым. Если уж делать что-то оригинальное, так не изображать же "нового Беню Крика". Но Фукс на этом не останавливается! "Композиционное решение" тоже задумывается достаточно оригинально. Обычный концерт, где песни предваряются какими-то пояснениями — слишком банально, настоящий спектакль с сюжетом — слишком сложно. Пусть будет просто череда "одесских" миниатюр, иллюстрируемых песнями, или наоборот — песен, иллюстрируемых миниатюрами и репликами. Это совершенно без разницы — всё равно "разговорная часть" очень слабо логически повязана с песнями, да и между собой эти "монологи" тоже почти никак не повязаны. Но, тем не менее, какой-то внутренний, скрытый сюжет разворачивается в этой композиции. Впрочем, для

этого надо прослушать её целиком. А она, кстати, долгое время гуляла по Союзу в урезанном виде, а то и просто частями. Что позволило проявиться ещё одному неожиданному качеству этого "Музыкального фельетона"! Он с одинаковым интересом слушается в любом виде.

"Программа для Госконцерта" в мгновение ока разлетелась по просторам страны. И на этот раз запись пришлась по душе как обычным, рядовым слушателям, так и серьёзным коллекционерам. Именно после этого концерта звучный псевдоним "Северный", придуманный когда-то Виктором Смирновым, становится известным всем и каждому. И именно с этого концерта, записанного "Жоре Толмачёву 14 ноября 1972 года", начинается стремительный взлёт к славе ранее практически никому неизвестного певца Аркадия Северного. А в "редакцию", то бишь — к Рудольфу Фуксу, "непрерывным потоком пошли письма". Очень многим в коллекционерских кругах, да и не только им, и в голову не могло придти, что "Программа" была сделана по чьему- то сценарию. Большинство считало, что вот, нашли какого-то старого одессита и просто записали его выступление на плёнку. И пока народ разбирается, что к чему, Фукс решает сделать продолжение, так сказать, "второй выпуск": "Вы хочете песен — их есть у меня!" В том смысле, что слушайте теперь ещё — сами просили! И вот в таком формате он и начинает сочинять, используя всё те же свои "одесско-бердичевские" заготовки, не вошедшие в первую "Программу". И, конечно же, остаётся верен себе в деле поиска оригинальных ходов.

На этот раз потоку одесского сознания будет придана форма "концерта по заявкам", переданного по радио! И надо сказать, что такой сюжет был вовсе не фантастическим. Никому, разумеется, и в голову не могло придти, что Аркадия Северного выпустили на советское радио; но в то время было очень широко распространено так называемое "радиохулиганство" (согласно терминологии советского права) — то бишь, несанкционированные выходы в эфир радиолюбителей-самоучек, которые на чистом энтузиазме собирали самодельные радиостанции. А передавать по ним норовили всякую "пакость", как отечественного, так и западного производства. И одной из основных составляющих этого "радиохулиганства" являлась как раз трансляция записей блатняка. Так что избранная Фуксом форма радиопередачи была вполне логична и понятна советским слушателям.

Правда, надо сказать, что сам Фукс радиохулиганством не занимался, и в эфир эту запись, естественно, не передавал. Она,

как и первая, быстро разошлась среди коллекционеров, а оттуда так же моментально распространилась и в народе. А потом, очень скоро, эта "Программа" действительно запускается в эфир с разных подпольных радиостанций! Но вот — когда, где и кем конкретно, — мы, увы, не знаем, и никогда уже не узнаем. Но о том, что таких трансляций было немало, можно говорить с уверенностью — нам приходилось слышать не одно воспоминание на эту тему. А кроме того, конечно, и красивые байки. Один такой слух даже был позже повторен Рудольфом Фуксом в статье "Король подпольной песни" — о том, что ленты с "Программами" были вывезены в Финляндию и переданы в эфир по финскому радио, а передачу об Аркадии Северном вёл живший там знаменитый певец русского происхождения Виктор Клименко! Честно говоря, эта история кажется нам довольно-таки фантастической, не говоря уже о её продолжении — как Клименко позже приезжал в Ленинград, имея на руках контракт от финского радио для Аркадия. Всё это, впрочем, неудивительно — едва возникнув, образ Аркадия Северного уже притягивает к себе, как магнит, всевозможные слухи и легенды. Но в данном случае не менее интересна оказалась и реальность. Ведь в результате именно хулиганских трансляций, а вовсе не вражьих голосов, происходит то, о чём Рудольф Фукс и не задумывался, сочиняя сценарий в форме "радиопередачи": слава "старого одессита" Северного действительно начинает распространяться не только в результате магнитофонной перезаписи, но и по эфиру! И, наверное, неспроста зазвучат потом в различных концертах фразы наподобие "Вновь в эфире Аркадий Северный.". Но это будет потом, а пока мы вернёмся на улицу Типанова, 29 — где на квартире жены Рудольфа Фукса Марины и была произведена запись второго "Музыкального фельетона", которая "и начинается с тех пор, когда мы закончили "На Богосьяновской":

На Богосьяновской открылася пивная,
Там собиралася компания блатная,
Там были девочки Тамара, Роза, Рая
И с ними гвоздь Одессы Стёпка-шмаровоз…

Как видите, с первого же куплета здесь начинаются чудеса: ведь как это ни покажется парадоксальным, но создаётся впечатление, что Рудольф с Аркадием умудрились, несмотря на сравнительно небольшой интервал между первой и второй "Программами", позабыть, на какой же улице они закончили! Ведь в финале первой "Программы" звучало "На Дерибасовской…" Но это, конечно же, просто очередная "находка" Фукса. Он решает на

этот раз дать другой, более оригинальный вариант этой популярной ростовско-одесской песни.

Но это только начало! "Это мы сделали, конечно же, для затравки" — как говорил сам Аркадий. Дальше начинается и вовсе что-то непонятное: многие известнейшие песни звучат здесь в никогда дотоле не слыханных вариантах! А некоторые, известные лишь парой куплетов, развёрнуты в целые баллады! Конечно, многовариантность — это свойство для блатной песни самое обычное, но откуда этот Северный выкопал такие перлы?… И оставалось только сочинять красивые сказки, что то ли в загадочном Ебулдинском спеце, то ли в тёмных переулках Молдаванки остались заповедники фольклора, не растерянного и не затронутого искажениями, и вот теперь нам поёт это всё старый бродяга Аркадий Северный… Пройдёт много лет, прежде чем народ узнает, как было на самом деле. Как молодой экономист Аркаша Звездин, пропустив стакан, гнал прямо с листа "неизвестные варианты" блатных песен, сочинённые молодым инженером Рудольфом Фуксом.

Да, Фукс не только сочинял монологи и реплики, но и без тени сомнения брался дописывать фольклорные песни! Дело в том, что многих песен Фукс целиком не знал, и вот, ничтоже сумняшеся, он решает заполнить пробелы своими силами. Впрочем, это тоже не удивительно: народные песни — потому они и народные, что их "улучшают" и дописывают все, кому не лень. Только далеко не у всех получается что-то путёвое. А вот многие фуксовские сочинения прочно вошли в фольклор. Видимо, что-то действительно "низошло" на Рудольфа в те годы, потому что творил он абсолютно неправильные с точки зрения литературности вирши, но именно в той "неправильности", которая обеспечивает загадочное обаяние фольклорных песен.

Да и с фантазией у Фукса было всё нормально. Достаточно вспомнить прозвучавшую в этом концерте весьма оригинальную версию о происхождении звучного имени "Гоп-сосмыком", ставшую уже почти классической. Или "Мою красавицу" — невероятно вольный перевод еврейской песни "Ba mir bistu shein" ("Для меня ты хороша"). А текст "Пиковой дамы", после прикосновения к нему пера Рудольфа, навряд ли узнал бы и сам автор этой знаменитой песни. Ну, и наконец, Фукс даёт "путёвку в жизнь" ещё одной тёте, в пару к тёте Бесе, — тёте Хае!!! На мотив джазовой мелодии 20-х годов "Joseph" ещё с нэповских времён были известны весёлые куплеты с припевом про трёх китайцев. Рудольф знает же только припев, и дописывает к нему куплеты опять-таки сам. И, что особенно примечательно, на основе "личных впечатлений", привезённых им всё из того же Бердичева:

Ах, Ёзель, Ёзель, старый, добрый Ёзель, Какие есть на свете имена! Состриг ли ты свою больную мозоль, Иль до сих пор она в тебе видна?

"… Именно Ёзель, а не Йозеф, как стали потом петь. Так звали дядю моей жены. И мозоль у него была, и все об неё спотыкались. Вот я про это и сочинил песню" — *так рассказывал об этом Рудольф Фукс. История, действительно, куда как содержательна. Что не помешало, однако, стать этой песне очень популярной.* "Как раз в это время кто-то нам принёс кассету с записями Аркадия Северного. Голос Аркаши всем очень понравился, но песни на кассете были не очень интересные, кроме одной — про тётю Хаю. А точнее — про дядю всем известного Рудика Фукса, про которого Рудик эту песню и написал, и которого звали Йозеф. Мы её выучили, и первый раз сыграли на дне рождения нашего официанта, которого тоже звали Юзя. Песня настолько понравилась народу, что мы её стали играть каждый день раз по десять на заказ"- *так вспоминал потом о своих впечатлениях от этого поэтического шедевра будущий "Брат Жемчужный" Евгений Драпкин.*

Вот такие они были, эти фуксовские творения. И это при том, что их тексты Аркадий зачастую умудрялся на ходу переврать ещё и от себя! А иногда исполняемые песни вызывают у него какие-то непонятные ассоциации, которые он спешит тут же озвучить и выдать на публику.

В итоге получаются совершенно бессмысленные, но почему-то смешные "миниатюры" — на уровне когда-то модных "абстрактных" анекдотов про напильники и крокодилов.

Да и вообще, то удивительное впечатление, что производят эти "композиции", определяется вовсе не их содержанием. Всё дело в специфической "северной" манере исполнения. Убрать её — и ничего не останется, — так, набор фраз. И, конечно же, вся эта "вокальная драматургия" достойна отдельного разговора. Но один из нас в своё время уже пытался изобразить нечто подобное. И в итоге убедился, что даже целая страница текста, посвящённого особенностям "одессизмов" Аркадия Северного, не передаст и доли впечатления, производимого одной лишь его фразой: "…Кудой по жизни не пойдёшь, тудой всегда же выйдешь к моргу!" Поэтому не будем мы этого делать и здесь. Каждый, кто хоть раз слышал эти записи, прекрасно поймёт, что мы имеем в виду.

Как, наверное, понимали и принимали всё это слушатели и в 1972 году. Ведь неспроста же стали эти концерты столь популярны! Причём, не только в Питере, но и в других городах. В первую очередь — в Одессе и в Киеве. Ведь именно отсюда шла

основная масса подпольных записей в 60-е — 70-е годы. Легендарная одесская толкучка! Вот что свидетельствует современник: "… Так как на эту толкучку, самую последнюю в стране, съезжались покупатели со всего Союза, то и распространялись записи по всему Союзу, знакомя любителей с полузабытыми песенками нэпмановских времён, 30-х и 40-х годов, лагерными и тюремными песнями. Нельзя сказать, что записи продавали совершенно открыто. В толпе покупателей чувствовалась определённая напряжённость, но, очевидно, милиционеры были подкуплены и беспокоили продавцов подпольных лент крайне редко". А магнитофонные ленты к этим самым продавцам попадали, в основном, от коллекционеров. И, стало быть, у них и надо искать новые и более качественные записи никому ранее неизвестного "одесского" певца. Но те и сами об Аркадии Северном ничего толком не знали.

Дело в том, что в те времена основным товаром были перезаписи западных грампластинок. А всё остальное, как то: бардовские и прочие гитарные (про них тогда говорили красиво — "напетые".) записи, коллекционировалось и продавалось постольку-поскольку. И распространялось или любителями, или через систему КСП. Каэспэшники тиражировали бардов, а любители — всё остальное. Для серьёзных коллекционеров это особого интереса не представляло. Ну, есть там Беляев, Дмитриев, ещё кто-то. Ну и что? Качество — неважное, да и где их найти? Исключение делалось только, пожалуй, для записей Высоцкого и Галича. И не только потому, что выше на уровень остальных, но и потому, что знали их все, "на виду" были. В результате междугородняя торговля почти не велась. Ведь западные диски провозились контрабандой и в Одессу и Питер, и в Киев и Москву практически одни и те же, и речь шла только о том, кто раньше получит их и успеет снять основной навар. А "напетые". Есть — хорошо! А нет — ну да и Бог с ними. Каналами их распространения никто и не интересовался, да и не было, как мы уже сказали, таких каналов.

Вот и последние записи Северного тоже какими-то окольными путями, через десятые руки попали на толкучку под видом обыкновенного блатняка. Но, в отличии от других, сразу же привлекли к себе всеобщее внимание. Настолько они были колоритны и оригинальны. А значит — на них можно неплохо заработать! Но для этого желательно найти самого исполнителя. И в этих поисках кто-то, наконец, узнает, что следы Аркадия Северного ведут вовсе не в Одессу, а в Питер. Есть там такой — Рудик Фукс. Вроде как он "откопал" где-то этого "старого одессита". И потянулись на брега Невы эмиссары из разных

городов Союза с целью заполучить к себе если не самого Северного, то хотя бы его записи. "Сколько и кто их был" — история об этом умалчивает. Также как и сам Рудольф Израилевич. Известно только, что одним из немногих, кто добрался до Фукса, был молодой киевский коллекционер Фридрих (Фред) Яковлевич Ревельсон. Но в итоге и он уехал обратно несолоно хлебавши. Впрочем, не совсем. Рудольф сначала огорошил его заявлением о том, что как раз в данный момент Аркадий Дмитриевич Северный отбывает очередной срок (положив начало очередной легенде "из жизни" Аркадия Звездина). А затем предложил Фреду записать песни в его, то есть "Рувима Рублёва", исполнении. Дескать: "Аркашка ж мои песни пел. Вот я тебе их тоже и напою. Для истории". Но, к нашему великому сожалению, записи эти так и не удалось разыскать. А, забегая немного вперёд, скажем ещё, что и следующая поездка Фреда к Фуксу в поисках Аркадия закончится не совсем удачно — вместо Северного он привезёт записи Александра Лобановского, который по какому-то мистическому совпадению также, по словам Фукса, то ли сидел, то ли находился под следствием. И лишь третья попытка будет удачной, но об этом позже. А тем временем зашевелились и питерские "бизнесмены". И среди них — Сергей Иванович Маклаков, человек, который сыграет в будущем немаловажную роль в жизни Аркадия Дмитриевича Звездина-Северного.

Маклаков давно был знаком с Рудольфом Фуксом, — ещё с начала 60-х годов, когда и тот, и другой, то сотрудничая, то конкурируя, торговали пластинками возле крупнейшего в городе универмага ДЛТ. Точно так же как и Фукс, Маклаков удостоился в своё время и чести быть пропечатанным в фельетоне. Правда, в другое время, так что на страницах советской печати "встретиться" им не довелось. С конца шестидесятых Маклаков, как и другие коллекционеры, наряду с западной музыкой начинает писать и отечественных исполнителей. И, конечно же, появление новых записей Аркадия Северного не проходит мимо него. Казалось бы, давнее знакомство с Рудольфом предполагало, что уж кому-кому, а Сергею Ивановичу не пристало верить сказкам про "старого одессита"! Тем более, что Маклаков был не просто знакомым Фукса, а почти его соседом. Сергей Иванович жил на Большом проспекте Петроградской стороны, в доме 29, а всего через квартал от него на Ропшинской улице жил Рудольф. Но, по-видимому, всё было не так просто. Когда Маклаков (не то сам, не то через каких-то знакомых), наконец, уговорил Фукса свести его с Аркадием Северным, он и сам толком не знал, кто ж к нему заявится. Вот как рассказывал об этом сам Сергей

Иванович:

> "Вот когда он первый раз ко мне пришёл… Ну, я записи-то слышал. Думал, понимаешь, — такой мужик, срока отбывал… Громадный должен быть, плечистый. Ну, такое впечатление, когда он поёт…
>
> Открываю дверь — стоит симпатичный молодой человек в галстуке… Высокого роста, с гитарой. Ну, как-то у меня настроение сразу испортилось. Ну, думаю, какой это Аркадий. Не может быть, чтобы это был Аркадий. Проходит в комнату, садится на диван, берёт гитару… Да, выпили мы с ним по рюмочке… Как запел — ну всё, ну что там говорить. Там уже всё ясно сразу стало…"

По словам Маклакова, в тот вечер Аркадий напел ему песен на целую бобину. Но, к сожалению, эта запись, судя по всему, не сохранилась. Известны лишь какие-то фрагменты гитарных концертов Северного, сделанных в этот период, возможно, и у Маклакова. Это вполне согласуется с рассказами Сергея Ивановича о том, что Аркадий записывался тогда у него неоднократно. Но такие записи не вполне удовлетворяли Маклакова. Ведь записываясь у него, Аркадий невольно возвращался к уже пройденному этапу — пел безо всякого сценария и выдержанной стилистики всё, что приходило ему или кому-либо из присутствующих в голову. Что после "Программ", конечно, слушалось уже совершенно не интересно. Маклаков, не обладавший литературным даром, ничего тут поделать не может, но ему тоже хочется записать что-то оригинальное. И, наконец, его замысел осуществляется.

Причём, не без участия всё того же Рудольфа Фукса, который однажды является к Маклакову вместе с Аркадием, к тому же и со своим магнитофоном. И вот на квартире Сергея Ивановича производится оригинальнейшая запись, которую первоначально планировалось посвятить его жене — Валентине Павловне. Но та, узнав, что ей собираются посвятить, сразу же отказывается от такой чести. По причине вполне весомой — записываемое произведение было действительно очень своеобразно.

Оказалось, что Аркадий Северный на этот раз решил почтить своим вниманием мощнейшие пласты русской культуры — сексуальный юмор и ненормативную или инвективную лексику. Попросту говоря, — похабщину! Явление, занимающее определённое место в нашей жизни, о котором, впрочем, до сих пор не стихают дискуссии. Мы же не видим смысла обсуждать здесь эту тему. Наука уже сказала об этом своё слово, ничего,

правда, не доказав разного рода "кисейным барышням". Но, надеемся, что среди наших читателей таковых нет.

С чего вдруг Аркадия потянуло на это ёрничанье — вполне понятно. Мы уже говорили, какую роль оно играло в нашей уличной песне. А вот что писало об этом в 1991 году "Литературное обозрение": "Это — форма нашего бунта. Это вечный русский бунт, социально- эстетический протест, жажда безудержной и безграничной свободы в ситуациях кризисов, оборачивающаяся, увы, самозабвенным беспределом. Это апофеоз дерзости, вызова и оскорбительного преступания любых запретов и правил, за которым, если вслушаться, прячется подавленное отчаяние".

А для иных это был прямо-таки стиль жизни. Нечто подобное, кстати, можно сейчас прочитать в статьях про другого исполнителя тех лет, прославившегося, в основном, именно за счёт исполнения песен такого жанра, — Константина Николаевича Беляева. Для Аркадия же это — только эпизод. Но и в похабщине им с Фуксом хочется сделать что-то оригинальное. И вот на свет извлекается тот самый "поэт допушкинской поры", благодаря которому Аркадий когда-то сошёлся с Рудольфом, — Иван Барков.

"Малая Советская Энциклопедия гласит так, что Барков Иван Степанович, года рождения 1732 тире 68 — поэт восемнадцатого века… Для своего времени хорошо владел стихом, печатал исключительно переводные произведения. Оригинальные его стихотворения, распространявшиеся в рукописях, имели характер самой грубой непристойности. "Барковщина " стала термином для подобного рода литературы. Наиболее известным произведением Ивана Сергеевича, дошедших до наших дней, является "Лука Мудищев…"

Как вы прекрасно понимаете, последнюю фразу Малая Советская Энциклопедия явно не "гласила". Да и в остальном Аркадий умудрился напутать: в энциклопедиях Барков числится Семёновичем, и лишь "по некоторым сведениям" — Степановичем, но уж никоим образом не Сергеевичем. Не говоря уж о том, что все современные исследователи единодушно считают "Луку Мудищева" гораздо более поздним произведением, перу Баркова никак не принадлежащим. Что, конечно, не мешало этому "Луке" быть у нас поголовно известным и любимым чуть ли не с детского сада. И потому Аркадий прекрасно понимает, что обычная декламация знаменитой поэмы при всём желании не будет чем-то из ряда вон выходящим. А значит. Где там наша гитарка? Четырёхстопный ямб "Луки" прекрасно ляжет на четыре четверти рок-н-ролла! И понеслась:

Не тот лукав, кто в Бога верит,
И каждый день во Храм идёт…

Впрочем, наверняка большинству наших читателей доводилось слышать это "экспериментальное" исполнение бессмертного произведения. Рок-н-ролл — это, конечно, оригинально, но ведь в "Луке" почти 300 строк! Тут любая "оригинальность" утомит своим однообразием уже к середине. Тем более, что в отличии от рок-музыкантов, Северный совершенно не знает гитарных импровизаций и шпарит всё почти в одном и том же ритме. Ему и самому вскоре всё это надоедает, и он уже старается поскорее допеть; а иногда, для оживления, вставляет какие-то свои реплики. И когда, наконец, этот матерный рок-марафон завершается, Аркадий уже не в силах ни петь, ни играть. "Ребята! Чтобы немножко у меня поостыли пальцы, они болят, иногда бывает, я вам немножечко из блатной жизни прочитаю несколько басен…" Басни, разумеется, тоже скабрёзные. И, по всей видимости, Аркадий и его "продюсеры" свою потребность в исполнении похабщины этим вполне удовлетворяют. По крайней мере, кроме "Луки", известно совсем немного подобных песен, записанных в этот период: "Садко — богатый гость", "Не ходи ты так поздно из дома.", "Океан шумит угрюмо", ну и ещё что-то.

Глава третья
"По чужому сценарию"

"Зал ошарашено молчал…"

А. Северный, 1972 г.

Вдохновлённый успехом "Программ для Госконцерта", Рудольф Фукс, как заправский драматург, начинает штамповать сценарии один за другим. Сколько всего их было сделано в начале семидесятых, уже и сам Рудольф Израилевич не помнит. К тому же, по каким-то неведомым нам причинам, концерты эти получили не самое широкое распространение. А оригиналы, судя по всему, давно уже утрачены. До нашего времени дошли, не считая "одесских программ", по крайней мере, четыре записи концертов Аркадия Северного, сделанные в разное время по сценариям Фукса. Хотя, скорее всего, их было больше. Ведь по разным коллекциям до сих пор гуляют куски каких-то записей Северного, сделанных в те далёкие годы. И, может быть, ещё долго, в самых неожиданных местах, будут всплывать такие загадочные фрагменты. Их поиск и атрибуция — увлекательнейшее занятие для исследователя, но не предмет нашей книги. Поэтому остановимся всё-таки на известных нам сценарных концертах, позволивших Аркадию Северному так ярко проявить свой талант ещё и в драматургической импровизации.

Итак, Рудольф Фукс открывает свой подпольный "театр у микрофона", в котором будут звучать исключительно литературно-музыкальные композиции-моноспектакли блатного актёра Аркадия Северного. Это: "О Севере дальнем" или "Посвящение Косте-капитану", "О стилягах", "О шансонье и шансонетках", и, наконец, "В Проточном переулке" или "О московском дне".

Даже беглого взгляда на репертуар этого "театра" достаточно, чтоб понять: новоявленного драматурга Рудольфа Фукса занимают совершенно разные стороны нашей жизни, которые объединяет только одна грандиозная и всеобъемлющая идея. Всё это недостойно советского человека. В самом деле! Ну, не должны интересовать строителя коммунизма ни "Одесса девятьсот лохматого года", ни мир воров в законе и будни ГУЛАГа, ни упадочническая музыка буржуазного джаза и жизнь "плесени"-стиляг, ни столь же упадочническая музыка старинной русской эстрады. А Рудольфа и Аркадия это интересует! Почему? Да

просто потому, что они — нормальные люди, хоть и не борцы с режимом. Сознательными "музыкальными диссидентами" назвать их можно было бы только с очень большой натяжкой.

Диссиденты ведь в своём большинстве всё-таки были идейными борцами с Системой. А какая у Аркадия в эти годы могла быть Идея? Семью кормить надо! Дочке-то — всего ничего. И почему бы не подработать немного, тем более, что это именно тот редкий случай, когда работа делается с удовольствием. Вот он и соглашается на все предложения Фукса, зачастую и не особо задумываясь над текстами, которые тот ему даёт. Иногда они вдруг становятся ему скучны и он шпарит их скороговоркой, путая слова и глотая абзацы, чтобы скорее добраться до песни. А иногда вдруг заигрывается и начинает что-то добавлять от себя. Причём это "от себя" идёт у него не только от лица скромного советского служащего Аркадия Звездина, но и от лица и имени Аркадия Северного — героя и ведущего всех этих программ и концертов. И заигрывается Звездин-Северный настолько натурально, что до сих пор невозможно определить, где он рассказывает действительно случай из своей жизни, а где — фантазирует и импровизирует на тему "как это могло быть у Аркадия Северного".

Ведь для него, да и в какой-то мере для Фукса, всё это — просто своего рода игра, отдушина среди мерзости будней соцреализма. О том, что такие "игры" расшатывают Систему не хуже правозащитных прокламаций, никто из них тогда и не задумывался. Об этом в своё время задумаются органы. Потому что в советском народе оказывается весьма немалое число интересующихся подобными "недостойными" предметами! Кстати, поэтому Рудольфу Фуксу не особо-то и приходится ломать голову над вопросом: а какой же такой "запретной" тематикой его театр сможет заинтересовать публику? Ведь публика — это точно такие же "несогласные", как и Звездин с Фуксом.

Здесь нам придётся прерваться, потому что дальше нужно было бы говорить о том, кто же составлял соответствующую аудиторию в те времена, а это — предмет отдельного социологического исследования. Хотя, вероятно, ответ на многие вопросы о пропавших, или не получивших распространения записях "театра" Фукса-Северного, и надо искать, анализируя ту среду, а точнее — распространение записей в ней. Но оставим это для будущих исследователей.

Мы же хотим отметить, что разговор об "антисоветской" сущности фуксовского театра начат был для того, чтобы подчеркнуть другой, очень важный момент. Дело в том, что вне

контекста этой "оппозиционности" невозможно получить полное представление об этом уникальном явлении, и о том, чем были для нас эти записи в душные 70-е годы. Современному человеку, не знакомому с реалиями советской жизни, и, соответственно, не способному представить себе, как же всё это воспринималось простым советским слушателем, фуксовские тексты покажутся в лучшем случае примитивными. А то и просто бредовыми. И по форме, и по содержанию. Что ж поделать, — чтобы понимать суть и чувствовать весь аромат этих "драматургических" игр, надо действительно прожить ту, советскую жизнь.

Но перейдём, наконец, непосредственно к репертуару этого уникальнейшего "театра"! Итак, "У меня в руках письмо…"*Разумеется, письмо! "Ответ радиослушателям", как жанр, обкатанный ещё на "Программах для Госконцерта", продолжает своё развитие. Чего же хотят "дорогие слушатели" на этот раз? А вот что:* "…Мне и моим друзьям кажется, что Вы плохо оправдываете свою гордую фамилию — Северный, тем, что мало поёте песен о Севере дальнем. Всё как-то Вас больше тянет на юг, в Одессу-маму, к Ростову-папе поближе. Да о Воркуте-мачехе Вам и вспомнить-то не хочется. Мы, конечно, понимаем — воспоминания не из лучших, но, как говорится, из песни слова не выкинешь, как не вернуть тех лет, в которых "счастья не было и нет" — как выколото у меня на груди. Ваш друг, известный в прошлом — Костя- Капитан".

Что ж, как видите, в этом вступлении ни разу не произносятся слова "лагерь" или "зона". Но советскому человеку и так понятно, о чём тут речь. Не так уж и много лет прошло со времён страшной эпохи ГУЛАГа, да и в "благословенные" 70-е лагерная тема ещё оставалась достаточно актуальной.

Идут на Север срока огромные, Кого не спросишь — один указ. Взгляни, взгляни в глаза мои суровые, Взгляни, быть может, в последний раз…

Впрочем, нет нужды доказывать лагерную сущность лучшей в мире Страны Советов. Рудольф Фукс прекрасно знает, насколько всё это близко нашему народу.

Да и ему самому, кстати, эта тема тоже совсем не чужая! Ведь, как мы уже говорили, Фуксу довелось-таки самому побывать "у хозяина", а лагерные песни он начал собирать ещё задолго до кичи. Так что материала у него хватает. Но Фуксу удаётся отличиться не только в подборе песен, но и в "литературной" части — в описании блатного мира и сталинских лагерей. Правда, живых воров в законе ему вряд ли доводилось видеть на общем режиме, но предметом наш "драматург" немного владеет. И свои знания он черпал не только из одиозного сталинского

фильма "Заключённые" про беломорканальскую перековку, откуда и вытащил "автора письма" — Костю-Капитана. Фуксу довелось читать и Солженицына, и Шаламова, и других, уже запрещённых в то время писателей. И хотя лагерной теме в литературе дали появиться только на короткий миг после двадцатого съезда, а потом очень быстро прихлопнули, но ведь в СССР уже появился самиздат.

И раз уж зашла речь о Солженицыне, мы не можем не привести цитату из сценария этого концерта — фрагмент, не вошедший в запись, но сохранившийся в старой тетрадке у Рудольфа Израилевича, монолог о политзеках ГУЛАГа: " Я, конечно, не Солженицын, и не могу претендовать на его лавры певца погибших и искалеченных судеб…" Эта тема, как нам кажется, очень показательна. Пусть Аркадий с Рудольфом и не решились "публиковать" такое совсем уж неприкрытое диссидентство, как и другой фрагмент из той же тетрадки — рассказ о печально известном воркутинском лагерном восстании 1943 года; но об образе их мыслей это говорит достаточно красноречиво.

Впрочем, Аркадия Северного и без Солженицына уже можно было считать если не антисоветским, то, по крайней мере, нонконформистским певцом. Ведь и сама блатная романтика была изначально противопоставлена официальной советской идеологии; причём в те времена, когда никакой антисоветчины у нас вообще не было! Несмотря на то, что блатные никогда, конечно, не ставили себе задачу свержения Советской власти, но этика и идеология блатного мира подразумевали открытое "нет" ментам и коммунистам. Как бы ни тешили себя последние сказкой о "социально близких". И увлечение блатной романтикой у послевоенного поколения не в последнюю очередь было связано именно с этой "протестностью". Однако в семидесятых, когда у нас появились во множестве уже настоящие, идейные диссиденты, блатной протест стал выглядеть несколько иначе. И кто знает? Может быть, коммунисты специально не преследовали поэтов блатной романтики, чтобы этот, уже неопасный протест отвлекал от другого? Но о тайнах такого рода нам ещё долго придётся только гадать.

Впрочем, к самому концерту "О Севере дальнем" наше "политическое отступление" имеет очень небольшое отношение. Ну какая там, к лешему, романтика. "Ох, волюшка, добрая воля! Как счастье моё далеко." Ведь одним из лейтмотивов классической блатной песни является вовсе не романтика, а тоска по воле. Что, конечно, также не могло понравиться Режиму. Но Бог уже с ним, с режимом. Вернёмся к нашему подпольному

"радиотеатру на магнитной плёнке". У Рудольфа Фукса уже наготове целая сага о жизни московского дна, причём как раз с некоторым "воровским" уклоном.

Причём, на этот раз он не пишет сам "литературную часть", а составляет её из фрагментов различных произведений, зачастую оч-чень малоизвестных авторов. И настолько малоизвестных, что до сих пор исследователи спорят — что чьему перу принадлежит. На сегодняшний день можно сказать только то, что большая часть этих фрагментов взята из книги Александра Вьюркова "Рассказы о старой Москве", а остальное требует ещё дополнительных изысканий… Дело в том, что произведения эти Рудольф Фукс в основном черпал из периодики начала 60-х годов, когда на волне "оттепели" советские газеты и журналы печатали множество произведений до той поры запрещённых. Нам, к сожалению, также не удалось точно атрибутировать все эти " фрагменты и отрывки".

Но обратимся уже непосредственно к этой композиции, получившей впоследствии названия "О московском дне" и "В Проточном". Вероятно, большинство слушателей обратило внимание на то, что "большая литература оказалась Северному не по зубам", — как совершенно справедливо написал М. Шелег. Хотя, с другой стороны, говорят же некоторые, что Северный мог бы напеть или начитать даже "Теорию поля" Ландау и Лифшица, и это было бы тоже достаточно интересно! Но это, наверное, для совсем уже "тонких ценителей". Так получилось и с "Проточным". Как ни странно, но, видимо, Рудольф Израилевич со своей тягой к экспериментам в этот раз немного недооценил свою способность к составлению сценариев для Северного. И зачем ему только понадобилась эта "большая литература"… Однако, как бы там ни было, а "литературные чтения" в исполнении Аркадия Северного всё-таки состоялись. Причём, начало было очень многообещающим! Миниатюру И. Ильфа про галифе Фени Локш Аркадий исполняет в своей неподражаемо смачной "одесской" манере, как тому и следует быть. Ну, а дальше. Впрочем, мы не видим смысла в подробном разборе этого безобразия. Ну что хорошего могло получиться из попытки прочесть "с выражением" достаточно сложный литературный текст, который видишь в первый раз? Когда во фразах все паузы и акценты выскакивают абсолютно вне всякой связи со смыслом, — это, конечно, оригинально, но. В общем, редкий любитель мог дослушать всё это до середины.

Впрочем, похоже, что это был не единственный эксперимент Северного в данной области. Сохранился ещё маленький фрагмент записи, сделанной неизвестно кем и когда. По крайней

мере, Рудольф Фукс не смог припомнить каких-либо подробностей, связанных с этой записью. Так что вопрос об её истории пока, увы, остается открытым… А запись, между тем, весьма интересна и немного загадочна! Правда, Аркадий на ней читает не целиком произведение, а только два небольших отрывка. Вернее, даже, две "цитаты" из романа Куприна "Яма". И здесь, кстати, вовсе не приходится удивляться тому, что для чтения взят был именно этот текст, — ведь в нём идёт речь о блатных песнях! Что само по себе было достаточно редким делом для литературы, издаваемой в СССР. И естественно, что люди, которым тема сия была небезразлична, по особому реагировали тогда на все подобные фрагменты; можно сказать, — "выковыривали" их из книжек, как изюм из булок. Ну и как же "блатному артисту" Аркадию Северному было не зачитать подобное, а заодно и спеть! Тем более, что текст и песни здесь вполне естественно дополняют друг друга, — не так, как было в "Проточном". А кроме того, на этой записи Аркадий призывает невидимых нам то ли радиослушателей, то ли зрителей заказывать песни. Но мы, к сожалению, пока не знаем каким был этот концерт в полном виде, а, следовательно, и о замыслах его "режиссёров-постановщиков" судить не можем. Очень вероятно, что это действительно была запись, намного превосходящая своими находками "Проточный", да и другие "сценарные" концерты. И тогда очень жаль, что какие-то деятели так безжалостно покромсали её. Но и очень возможно, что это были просто "наброски" к какой-то другой, к сожалению, несостоявшейся затее.

Впрочем, фантазировать над этой небольшой записью можно долго и много. Чего стоят хотя бы первые фразы Северного: "Ну так вот, ребята: в моём распоряжении осталось всего каких-нибудь сорок минут. Я прощаюсь с Вами. Больше вы никогда не услышите моих записей."

И чуть дальше опять: "Все здесь не поверят, что я сегодня действительно пою прощальный концерт. А сегодня он у нас действительно "прощальный". Заказывайте музыку, заказывайте песни!.." С чего бы это вдруг такой неожиданный поворот событий? Только-только пришла первая слава и, вдруг, — "больше вы никогда не услышите моих записей"… Ну, в самом деле, — не могло ж Аркадию уже в том далёком году осточертеть всё это "музицирование"?! Которое для него, к тому же, ещё отнюдь не стало стилем жизни… А чтобы это было ловким режиссёрским ходом, для привлечения внимания слушателей, — тоже весьма сомнительно. Кто б мог до такого додуматься в те времена? А впрочем… кто ж его знает? Но гадания вряд ли приблизят нас к

истине. Остаётся надеяться, что дело когда-нибудь прояснится, если будет найдена полная запись, или её непосредственные организаторы.

Но пора уже вернуться к бессмертной "драматургии" Рудольфа Фукса. После всех этих литературных изысков его посещает действительно интересная мысль. А зачем искать "несоветскую" романтику и экзотику где-то в старой Одессе или в воровском мире? Ведь она же была и в их с Аркадием боевой юности! Когда называли они друг друга прекрасным словом "Чувак", и гордо носили навешанное им комсомолистами высокое звание — "Стиляга".

И это, конечно, уже не нуждается в подробных разъяснениях! Мы уже упоминали в начале книги о "не совсем советской" молодёжи пятидесятых; да и вообще, наша художественная литература и публицистика уже отдали должное этому первому в советской истории нонконформистскому молодёжному движению, первой, можно сказать, духовной оппозиции. Может быть, "оппозиция" — слишком громкое определение, но нельзя забывать, что это движение возникло ещё при жизни Сталина, когда носить "иные" брюки или слушать "не ту" музыку, как никак, требовало некоторого гражданского мужества. Да, великий эксперимент большевиков по выращиванию "нового человека" раздавил не всех. И, конечно, даже через двадцать лет, в середине семидесятых, когда уже вовсю подрывают комсомольскую идеологию волосатые хиппи, грязные панки и идейные диссиденты, тема стиляг остаётся интересной и романтичной. И вот Фукс пишет композицию о том, что известно ему уже не понаслышке — о весёлой жизни и музыке пятидесятых:

Каждый должен быть вызывающе одетым,
Тот плебей, кто не носит узких брюк!
А на мне пиджак канареечного цвета,
И на подошве толстый каучук!

В принципе, в этой композиции не так уж и много рассказов, да и они здесь не художественные, а скорее "музыковедческие". Для тех, кто мало знаком с такой вот страницей нашей истории, о которой не писали в учебниках — это просто информация; для тех, кому всё это было родным — ностальгическое воспоминание. Но колорит времени, конечно же, воссоздаётся не музыковедением, а песнями. Которые мастерски исполняет ленинградский студент Аркаша Звездин. Ведь именно такую роль здесь приходится играть Северному. Не изобретать образ старого одессита, или тёртого каторжанина, а просто сыграть самого себя

из тысяча девятьсот пятьдесят далёкого года. И просто спеть так, как когда-то пелось в общаге Лесотехнической академии под восхищённые взгляды чувих.

Другую композицию Фукс пишет уже на чисто музыкальную тему. Это рассказ о старинной русской эстраде, о той великой эпохе в нашей музыкальной истории, про которую советский официоз и в 70-е годы ещё говорил сквозь зубы. Хотя, конечно, были в СССР и коллекционеры, и энтузиасты-специалисты по этой музыке — и историки и музыковеды. Причём довольно серьёзного уровня. А Рудольфа Фукса, пожалуй, никак нельзя было назвать "одним из ведущих советских деятелей данного направления". Он просто любил эту музыку, и постарался сделать вместе с Аркадием интересный рассказ с интересными песнями:

Там, где избушка над речкой стояла…
В этой избушке горел огонёк.
Ветер, не плачь! Милый ветер, не надо!
Прошлые грёзы назад не вернёшь…

Ветер угрюмо в окошко стучится,
Падают листья и смотрят в окно.
Надо же было такому случиться —
Кончилось всё между нами давно.

Романс этот интересен не только сам по себе, но и заслуживает некоторой паузы в нашем повествовании. В комментарии к нему на концерте Северный говорит, что его пела ещё Варя Панина. Что ж, вполне возможно, хотя мы в репертуаре Паниной этого романса так и не нашли. Но известно множество его переделок 1930-40-х годов. Почему мы акцентируем ваше внимание на этом? Дело в том, что мелодия "Избушки" почти один к одному соответствует другой знаменитой песне. А именно — "Поручику Голицыну"! Что наводит на некоторые мысли. Ведь один из нынешних "авторов" этой песни утверждает, что в 1961 году он написал и слова и музыку "Поручика"!? Не вяжется как-то с музычкой. Да и текст тоже: "По Дону угрюмо идём эскадроном." Но всё-таки не будем на этом останавливаться надолго, тем более что о "Поручике Голицыне" мы вспомним ещё чуть позже. А пока вернёмся на наш концерт.

Что особенно примечательно, в самом начале этой записи произносится "шансон" — слово, которое склоняется сейчас на все возможные лады. Слово, на которое уже столбят авторские права и даже делают музыкальным термином. Хотя до сих пор никто

так и не смог толком определить — а что же слово сие означает? Но мы не станем сейчас разводить рассуждения на эту тему. Хотелось бы только сказать, что при всём нашем отрицательном отношении к этому термину мы не можем не отметить один интересный и символичный момент. Фукс начинает разговор о шансоне, и начинает так, как и положено, исходя из классического понимания этого слова. С романсов и кафешантанных куплетов. Но что-то очень быстро сносит его на родимый блатняк:

Течёт речечка
По песочечку —
Бережка крутые.
А в тюрьме сидят
Арестантики —
Парни молодые…

Что ж поделать! Россия не Франция, и без этой вечной темы у нас не обходится ничего. И как простое старонемецкое слово "Freier" (жених) стало почему-то обозначать жителей криминальной страны, ничего не смыслящих в её понятиях, так и несчастное французское слово "СИашоп" (песня) приклеили именно к блатной песне. Исполняемой как раз теми самыми "женихами".

Впрочем, у Рудольфа Фукса в разговор о шансоне блатняк вклинивается как раз таки на достаточно серьёзном основании. Блатные песни имеют ту же музыкальную основу, что и классический шансон, а вместе они восходят к народной музыке — вот основная мысль Фукса. Полностью он сформулирует её и в одном из следующих концертов, посвящённом уже народной песне на стихи русских поэтов.

"Нам, любителям и собирателям так называемого блатного жанра и старых русских каторжных и тюремных песен, часто больно и досадно, когда слышишь, как ругают этот жанр, уходящий своими корнями в седое прошлое. На примере нижеследующих песен мне хотелось бы показать, что многие блатные песни произошли из народных и многие писались русскими поэтами…"

Этот концерт будет записан несколько позже, в начале 1975 года, да и "драматургическим" он уже, строго говоря, не является. Но поскольку действительно очень многое объединяет его с композицией "О шансоне", мы сочли целесообразным рассказать о нём именно здесь.

Видимо, "музыковедческие" изыскания в области блатной

песни столь глубоко завели Фукса в русско-цыганский романс и народную песню XIX века, что он решает: пусть песни этого жанра прозвучат в исполнении певца, прославившегося своим одесско-блатным прононсом! Кто знает? может, они и должны звучать именно так? В любом случае, это уже не могло оказаться хуже того, что делала с этим жанром наша "оперно-академическая" школа. Так что будьте добры, маэстро, исполните нам уже таки романс.

И Аркадий исполняет. Разумеется, ему приходилось исполнять романсы и раньше, не раз демонстрировал он и своё владение псевдоцыганской манерой исполнения — с этаким "надрывом". А точнее, своё понимание этой манеры. Пение Северного слишком своеобразно, чтобы квалифицировать его какими-то общепринятыми терминами, оно выпадает из всех известных исполнительских "школ" и манер. И потому мы не берёмся описывать то, как исполнил Аркадий русско-цыганские песни в этих концертах. Это тема отдельного и серьёзного исследования. Несомненно одно — Аркадия роднит с классиками жанра исполнительская "драматургия голоса", посредством которой разыгрываются и изображаются в песне чувства и страсти. Которых как раз и лишён прилизанно-вычищенный филармонический вариант. А вот что касается оценок они могут быть самыми разными. Хорошо или плохо сработали в жанре романса всевозможные штучки-примочки Северного — дело вашего вкуса. Кто-то увидит здесь совершенно излишний и неизящный балаган, а кому-то даже случайные и, на первый взгляд нелогичные, вокальные выкрутасы и реплики Аркадия покажутся гармоничными. Но именно этим и интересен концерт. Настоящий талант — он всегда неоднозначен.

А несколько лет совместной работы с Фуксом позволили Аркадию Северному проявить свой талант в самых разнообразных "амплуа". В фуксовских "постановках" он демонстрирует способность блестяще обыграть любую стилистику, — как и пристало настоящему Артисту. И даже более. В "Театре у микрофона" разворачивается целый ряд очень оригинальных и романтических "образов", созданных не столько текстовками Фукса, сколько игрой Аркадия. Ему удаётся своим исполнительским мастерством не только реализовать замыслы Фукса, но и заставить играть его тексты такими гранями, о которых не подозревал и сам автор! А ведь кроме "драматургических" концертов в это же время писались ещё и "обычные" — сколько их было, наверное, никто уже и не вспомнит. От многих остались только куски, разбросанные по разным плёнкам, но некоторые сохранились почти полностью.

Например, концерт "Люблю я сорок градусов". Хоть и не сценарный, но всё-таки тематически выдержанный и достаточно оригинальный концерт, который Фукс составляет почти целиком из своих авторских песен. Но не совсем обычных! Здесь буквально через раз пойдут весьма оригинальные переделки песен очень популярных в ту пору бардов. И почти все с лагерным уклоном! К большому негодованию многих ревнителей "чистого искусства" КСП:

Мне этот суд не забыть никогда,
Лица прохожих,
Что в зале судебном сидели тогда…
Боже мой, Боже…

Но мы вполне понимаем, по каким мотивам Рудольф Фукс устроил такое пасквилянтство. Всё-таки, знаете ли, ходить по лагерной стране и сочинять песни о "простых человеческих вещах". это как-то уж слишком утончённо.

Однако гораздо интересней здесь следующий момент. Каждое из фуксовских сочинений сопровождается посвящением, но ни одно не обращено к автору самой песни, которая столь безжалостно "перерабатывается"! Евгению Клячкину посвящена переделка Анчарова, Визбору

Дулова, Окуджаве — Кукина, Галичу — Высоцкого, самому Высоцкому — переделка народной песни из его репертуара.

Зачем нужна была такая тонкость? Любителям жанра в течение почти 30 лет предоставлялась возможность пофантазировать на эту тему, и только теперь сам автор этого безобразия Рудольф Фукс рассказал, как же всё получилось. Началось с того, что переделка анчаровских "МАЗов" была посвящена Евгению Клячкину, хорошему знакомому и коллеге Рудольфа (Евгений Исаакович в то время тоже работал в институте "Ленпроект") потому, что Клячкин сам неоднократно пел в компаниях эту песню. Неискажённую, разумеется. Но поскольку об этом знали далеко не все простые советские слушатели, Фукс понял, что посвящение Клячкину зазвучит несколько парадоксально. И тогда до кучи, и по приколу, все остальные посвящения тоже были "передвинуты". Заодно и для того, чтоб не обидеть авторов. И ещё с одной, совсем уж тонкой подкладкой — издёвкой над неважной осведомлённостью "соответствующих органов". Ещё свежа была в памяти история, как прокололись "Советская Россия" и отдел пропаганды ЦК, наехав на Высоцкого за песни, написанные другими авторами.

Конечно, о художественности этих "переделок" можно

спорить. Но исполнительский шарм Аркадия в очередной раз вытаскивает их на уровень настоящих перлов магнитиздата. Как и замечательную композицию про слезу, которая, стал быть, скатилася. Ну, казалось бы, что смешного в строчках: "Пускай слеза скатилася, пускай… Мы едем, едем строить на Алтай!!!" А послушайте, как это спето. Просто вопль сумасшедшего комсомольца! Почти как в жизни.

Ну, а жизнь человеческая — это отнюдь не только концерты. И гораздо сложнее и драматичнее театра. В ней иногда случаются события и действия, которые откладывают отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека. Конкретного, живого человека, а не героя популярной пьесы. Так произошло и у Аркадия. В 1974 году Звездины официально оформляют развод, хотя это уже чистая формальность. Но мы не будем вдаваться в подробности случившейся семейной драмы — кто прав, кто виноват. Ещё живы её участники, и мы не хотим, хотя бы ненароком, причинить кому-либо боль. Скажем только, что однажды Аркадий уходит из дома — навсегда и в никуда. Оставляя где-то в прошлом семью, квартиру и даже фамилию — всю свою прежнюю жизнь. А, кроме того, примерно в это же время, он лишается и работы в "Экспортлесе". Ну какая может быть "трудовая деятельность" в таких вот обстоятельствах?..

Скорее всего, мы уже никогда не узнаем, где он в течение многих месяцев находил себе пристанище. Можно только гадать. Вот разве что С. И. Маклаков вспоминал о том, как Северный показывал ему парадные, в которых ночевал когда-то. Причём мест таких, по словам Сергея Ивановича, было очень и очень много. Конечно, были какие-то друзья и знакомые, но без работы и денег на одних друзьях никто не продержится. Даже такой неприхотливый человек как Аркадий. Может быть, именно в это время он приобретает привычку "не есть". Ведь в дальнейшем буквально все, кто более-менее близко знал Северного, отмечали его совершенное равнодушие к еде как таковой. Даже в дорогих ресторанах он мог сидеть часами за столом, ломившемся от всевозможных яств, но ни разу ничего не попробовать. Срабатывала, может быть, память о той, другой жизни, когда он был Аркадием Звездиным, которому и простейшую закуску не на что было взять?.. Но всё это было потом — "мой адрес не дом и не улица — мой адрес Советский Союз".

А что же Рудольф Фукс? Увы, он уже не стал продолжать свои драматургические опыты. По-видимому, все интересные для себя темы он исчерпал, да и вообще ему, как натуре увлекающейся, хотелось уже проявиться в чём-нибудь новеньком! Тем более, новые веяния были уже на подходе. Блатная песня уже хотела

звучать по-другому.

Глава четвёртая "Имени завода имени Степана Разина"

"Ну что ж ты меня не узнал,
что ли? Я же ж Аркадий Северный!"

А. Северный, февраль 1975 г.

К началу 70-х годов идея записать "блатные" песни в сопровождении оркестра носилась в воздухе. Чёрный рынок был просто завален контрабандными дисками с записями эмигрантов различного толка: Рубашкин, Ребров, Димитриевичи, Ивановичи и прочие "цыганки" Раи и Маши. Все они пользовались бешеным спросом. Также по-прежнему шли "на ура" старые записи Вертинского, Лещенко, Козина и других классиков жанра. Но репертуар как тех, так и других не отражал, так сказать, "современное состояние вопроса". Однако, также перестаёт отвечать требованиям времени и наше отечественное творчество, о котором мы уже говорили выше, — все эти барды и "исполнители народного фольклора", которые записывались, большей частью, под гитару, лишь иногда разбавляемую простенькой гармошкой, аккордеоном или фортепиано. Таким образом, возникла дилемма: или слушать "не совсем то" под хороший оркестр, или "то, что надо", но под одну гитару. На хреноватеньком бытовом магнитофоне, и с соответствующим качеством.

Но недаром Совдеп — царство абсурда и парадоксов! "Эх, ты, жизнь кабацкая, с песней залихватской!.." — эту несоветскую, андеграундную, и почти запрещённую музыку можно было просто пойти. и послушать живьём. В ближайшем ресторане.

Как известно, рестораны в СССР были далеко не просто заведениями общепита! Это был своего рода социально-культурный феномен, потому что в стране победившего социализма люди действительно ходили в ресторан не только выпить водки, но и глотнуть ещё кой-чего. Там был всё ж таки хоть и маленький, но кусок "буржуазности" среди беспросветных совдеповских будней великих строек. Можно даже сказать — очаг не совсем советского образа жизни. И музыку там, соответственно, частенько играли не ту, что по радио. Можно было услышать и блатные, и прочие "несоветские" песни: уличные, эмигрантские, а потом — и бардовские. Впрочем, дело

здесь было не только в "оппортунизме" кабацкой жизни. Ведь именно в ресторанах и родилась когда-то та замечательная музыка дореволюционной эстрады и эстрады времён НЭПа, традиции которой продолжили деятели эмиграции. А у нас эта "пошлая и мещанская" музыка и сохранилась только в ресторанах, — уже советских, — что было само по себе каким-то чудом. Совершенно необъяснимая промашка Коммунистической партии. Хотя, конечно, нельзя исключать, что "клапан" такого рода был оставлен ею вполне сознательно. Но не будем сейчас углубляться в сферы тайной политики. Факт остаётся фактом: в ресторанах Советского Союза существовала своя, оригинальная музыка, существенно отличающаяся от официальной эстрады.

Правда, в кабаках тоже не пели совсем уже всё подряд: кто его знает, что за посетители сегодня собрались; в лучшем случае кому-то может просто не понравиться, а в худшем — и настучать могут, куда следует: "Что, мол, за репертуар у ваших музыкантов?" Да и не будешь же каждый день в кабак ходить, чтобы музыку слушать! Хочется и дома такую возможность иметь, но не водить же к себе домой весь оркестр? Но: слава научно-техническому прогрессу! По сравнению с шестидесятыми, когда Рудольф Фукс со товарищи ставил свои первые опыты, техника шагнула далеко вперёд, и, обладая соответствующими навыками и смекалкой, записать оркестр на магнитофон прямо в кабаке особого труда не составляет. Надо только договориться с руководством ресторана, заказать зал под какое-нибудь мероприятие, принести магнитофоны, подключить их. и вперёд! Такие попытки предпринимались в разные годы неоднократно. Но, при кажущейся простоте процесса, приличных записей не получалось. Не всегда хорошая акустика в сочетании с шумом в зале, отсутствие необходимых технических средств, ограниченность во времени и просто непрофессионализм исполнителей — всё это мешало созданию качественной фонограммы. Наверное, именно по этим причинам такие записи дальнейшего распространения практически не получали.

Но, тем не менее, энтузиасты "звукозаписывающей индустрии" методом проб и ошибок двигались вперёд. Вершиной этих экспериментов стали ресторанные концерты легендарного исполнителя Алика Беррисона, сделанные в Одессе и других городах тогда ещё Советской Украины. Больше ничего подобного никому уже повторить не удалось. Но сама идея сделать качественную запись при участии ресторанных музыкантов оказывается очень плодотворной. В самых разных уголках Союза, независимо друг от друга, продолжаются попытки её осуществить — но уже не в ресторане, а в "студии", чаще всего домашней; а у

самых наглых — в каком- нибудь "казённом" помещении. Этих записей было не так уж много, а сохранилось ещё меньше: Фарбер, Кисловодский, "Бородачи". От некоторых и имён даже не осталось — какие-то сплошные "Одесситы". Все они играли в старом, "классическом" ресторанном стиле, — кто попроще, кто посложней. Особняком от них стоит очень технически мощная по тем временам запись ансамбля под управлением Анатолия Мезенцева, из ресторана "Магадан" — центрового кабака столицы Колымского края. Запись сделали в 1972 году сами музыканты, по заказу лично знакомого с ними питерского коллекционера Леонида Павлова. Это была совершенно новая, современная аранжировка блатных песен в стиле ВИА, который тогда стремительно распространялся по ресторанам нашей Родины, вытесняя старый, добрый джаз. В этом стиле вскоре заиграют блатняк в подавляющем большинстве кабаков; в нём же будут записываться и многие подпольные ансамбли, и очень многое из него плавно трансформируется в современный "шансон". Впрочем, к нашей истории всё это уже не имеет почти никакого отношения.

Разумеется, Ленинград не остаётся в стороне от всех этих великих идей оркестровки блатных песен. Почти одновременно, но каждый по-своему, берутся за это дело уже знакомые нам Рудольф Фукс и Сергей Маклаков.

Впрочем, первоначально идея у Фукса оказывается вовсе не такой уж "великой". Он решает просто записать песни в исполнении Аркадия Северного под обычное "домашнее музицирование", то есть — сделать своего рода повтор давнишнего опыта 1963 года. И поиском музыкантов для этого особо не утруждается. Недалеко от него живёт известный во всех окрестных дворах аккордеонист Костя — не профессиональный музыкант, но желанный гость на всевозможных вечеринках и посиделках. Знавал его, кстати, и Маклаков. За стандартное вознаграждение Костя охотно соглашается подыграть. Но гитара с аккордеоном — это всё-таки мало! И чтоб сопровождение не звучало совсем уж "по-дворовому", Фукс решает подключить ещё и пианиста. Им в итоге оказывается чей-то знакомый музыкант из ресторана гостиницы "Астория" — Александр Резник.

Сейчас уже и сам Рудольф Израилевич не может сказать, как задумывался этот концерт. Может, он затевал эту запись просто так, а может — и с какими-то очередными "легендарно-романтическими" задумками, без которых его творческая натура, кажется, уже просто и не могла существовать. Впрочем, сюжет тут складывался и сам по себе: "старый блатной одессит раздобыл себе ансамбль"! Но, судя по репертуару этого концерта, Фуксу

просто хотелось посмотреть, как прозвучат "в инструментальном сопровождении" песни, уже не раз исполнявшиеся Аркадием под гитару. Действительно, новых песен здесь всего три. Хотя именно в их числе наиболее оригинальный номер этого концерта — "Ворона где-то сыр у фраера помыла". Песня на блатном жаргоне, но под чисто джазовую музыку, с какими-то невразумительными выкриками на английском языке, и прочими вокальными выкрутасами, демонстрирующими, что "одессит" Аркаша джазом тоже немножко владеет. Но большинство песен оставляет всё-таки двойственное впечатление.

Конечно, Аркадий поёт, как всегда, с экспрессией и своим незабываемым "прононсом". А Саша Резник демонстрирует затейливые вариации в самых разных стилистиках. И всё равно видно, что с музыкальной точки зрения этот концерт был сделан "левой ногой"! Разве что совсем уж "тонкий" ценитель мог найти в этой игре какой-то особый шарм. Например, в контрасте виртуозности Резника и примитивизма Кости. Иной раз это действительно выглядит интересно. Взять хотя бы песню "Как-то по проспекту" — Костя тянет меха по классике романса, Резник творит какие-то блюзовые пассажи, а Аркадий пытается попасть одновременно в игру и того и другого. Но в те времена ещё не избалованному оркестровками блатняка слушателю даже такое исполнение должно было бы понравиться. Тем не менее, мы не возьмемся однозначно утверждать, что эта запись стала в народе особо популярной! У многих она вообще не отложилась в памяти. Вполне возможно, что Фукс тогда и не дал этой записи особого распространения, посчитав её "недоработанной".

Но, в любом случае, дальше он подходит к задаче уже более обстоятельно и серьёзно. В том, что именно Северного надо записывать и в дальнейшем — у него нет и сомнений. Кого же ещё? У Аркадия вдобавок к огромному опыту пения под собственную гитару теперь уже есть небольшой опыт пения и под аккомпанемент скромного ансамбля "п/у А. Резника". А подыскать новых музыкантов для сопровождения — это Фуксу проблемы составить не должно. Но не менее важно найти помещение с соответствующей акустикой. Скорее, даже не само помещение, благо таковых в Ленинграде во все времена было предостаточно, а знакомого, который мог бы запустить в зал всех необходимых участников с инструментами и техникой, и закрыть глаза и уши на всё происходящее. И тут Рудольфу улыбается судьба. Впрочем, она, как известно, улыбается активным людям, а на отсутствие деловой активности Фукс никогда не жаловался. И она приносит плоды: нужный знакомый находится прямо по месту службы, в "Ленпроекте"! Фукс носит плоды: нужный знакомый находится

прямо по месту службы, в "Ленпроекте"! Фукс давно присматривался к актовому залу родного института — там хорошая акустика, и есть приличный концертный рояль. И вот Рудольфу удаётся заинтересовать и вовлечь в свои замыслы заведующего радиорубкой Леонида Вруцевича. Таким образом, Проектный институт жилищного строительства и культурно-бытовых зданий "Ленпроект" и определился под площадку для блатных концертов. Забегая немного вперёд, скажем, что в таком качестве актовый зал "Ленпроекта" будет использован ещё не раз. И тут нельзя не отметить одну деталь: антураж выбранного места оказался просто-таки в разительном контрасте с характером планируемых мероприятий! Огромное здание "Ленпроекта" с монументальной колоннадой представляло собой очень яркий образец помпезного сталинского ампира, да к тому же и находилось на площади Революции, прямо напротив Музея Великой Октябрьской Социалистической, что в бывшем особняке Кшесинской, с балкона которого неоднократно произносил свои речи сам Вождь мирового пролетариата! В общем, самое место для блатной музыки. Впрочем, такие сюжеты на грани сюрреализма были не так уж редки в советской жизни, и сам Рудольф Фукс вряд ли тогда обращал внимание на комизм ситуации. Для него гораздо важнее, что найдено подходящее помещение! Так что с этим всё на мази, но пока Фукс занимается организационными делами, его всё-таки опережает Сергей Иванович Маклаков.

Он решает все проблемы гораздо проще и делает запись на частной квартире. Некоторая потеря звука, зато быстрее и дешевле! Дело за малым — кого привлечь в ансамбль? В те годы в Питере насчитывалось около семидесяти ресторанов, так что была неплохая возможность найти в них музыкантов, любящих и понимающих блатную музыку, и согласных подписаться на подпольное безобразие. Маклакову из всех знакомых ресторанных коллективов наиболее подходящим показался ансамбль из плавучего ресторана "Парус", — который, кстати, и находился не так уж далеко от его дома: в самом начале Большого проспекта Петроградской стороны, на Ждановской набережной возле стадиона имени Ленина. Сам Сергей Иванович был не то что завсегдатаем "Паруса", но зачастую посиживал там. Причём не за столиком, а в буфете, который находился возле самой эстрады. Наверное, чтоб музычку лучше слышать. Личность его давно примелькалась музыкантам, знали они и о том, что Серёжа, помимо всего прочего, и записями модными приторговывает. Потому и не удивился никто особо, когда однажды он подошёл к ним и предложил сыграть "на дому". Причём, не просто сыграть, а

ещё и записаться на хорошую аппаратуру. И, хотя гонорар был сравнительно небольшим, согласились — а почему бы и нет? Да и самим было интересно попробовать, как их игра ляжет на плёнку.

Запись состоялась в декабре 1974 года, на квартире у одного из знакомых Сергея Ивановича, поскольку его собственная комната в коммуналке никак не годилась под такое мероприятие. Находилось это историческое место всё на той же Петроградской стороне, на улице Блохина, всего в двух шагах от "Паруса". Репертуар концерта подобрали современный, причём в его подборе самое активное участие принял новичок "Паруса" — Гена Яновский, только что приехавший в Питер из Сочи. Как вспоминает сам Геннадий Борисович, большую часть песен он незадолго до этого слышал в исполнении своих знакомых музыкантов из кисловодского ресторана "Храм воздуха". Кстати сказать, этот ансамбль уже успел к тому времени сделать и запись, причём практически с тем же репертуаром, с каким пришли к Маклакову музыканты "Паруса". Ну, а в музыкальном стиле, который выбрала для себя наша компания, сразу узнавалась столь популярная тогда эмигрантская музыка. Этот момент особо подчёркивал и один из участников концерта, Александр Кавлелашвили: "Решили играть под эмигрантов, под Бориса Рубашкина. А у нас Коля Резанов с таким голосом. Ну, не совсем с таким, конечно… В общем, наш Рубашкин, только охрип немного". Он же рассказывал, что ансамбль первоначально решили назвать "Имени завода Степана Разина". Но потом кто-то вспомнил прозвище Николая Резанова — "Жемчужный", которое ему навесили в джаз-оркестре И. Вайнштейна, и предложил: "Давайте будем "Братья Жемчужные". Самому Николаю это не особо понравилось, и в итоге остановились на компромиссном решении: "Ансамбль братьев Жемчужных имени Завода имени Степана Разина". Мы же не будем подробно останавливаться на этом концерте, о нём и так уже достаточно написано, а напомним только о музыкантах, принимавших непосредственное участие в записи. Итак: гитара — Николай Резанов, аккордеон — Александр Кавлелашвили, ударные — Геннадий Яновский и бас — Роберт Сотов, он же, кстати, был единственным "не поющим" в этот день. Часть музыкантов "Паруса" в этот раз осталась за бортом: духовую группу решили не брать, так как присутствие этих инструментов не укладывалось в изначально заданное условие — играть "как эмигранты". Не при делах оказался даже официальный руководитель ресторанного ансамбля Геннадий Лахман, ведь он играл на саксофоне. Но, как бы то ни было, именно в этот день родился новый ансамбль, название которого вы ещё неоднократно встретите на страницах нашего повествования.

А что же Фукс? У него уже почти всё готово — и студия, и техническая поддержка. В общем, Фукс действует по пословице: "не имей сто рублей, а имей сто друзей"! В том смысле, что тогда и твой рубль не пропадёт даром. Собрать музыкантов на концерт берётся ещё один знакомый — Владимир Ефимов. Он работал когда-то в системе "Ленконцерта", потом — инженером по звуку на "Ленфильме", прекрасно знает многие эстрадные коллективы, ему и карты в руки. Причём Фукс с Ефимовым ставят себе довольно высокую планку: им нужен не просто какой-то оркестровый аккомпанемент к блатным песням, а нужна действительно стильная и оригинальная музыка. Вот что вспоминает по этому поводу сам Владимир Ефимов: "В самом конце 1974 года Рудольф мне поставил задачу — подобрать музыкантов, чтоб сделать оркестровую запись Аркадия. Я обратился к Володе Васильеву, которого знал ещё по армейскому оркестру, — он в то время работал басистом в "Поющих гитарах", и был известен в музыкальном мире Питера под кличкой "Царь". Кстати, он до сих пор басист в "Поющих", и до сих пор — "Царь". Так вот, Володя Васильев взялся собрать подходящий состав, и довольно быстро с этим справился".

Итак, какой же всё-таки состав собрал Володя Васильев? Пианист — Александр Резник. Он уже зарекомендовал себя мастером, который может сыграть в любом стиле. В том числе и "под старую Одессу", как было на этот раз задумано. А раз Одесса — значит, должна непременно быть скрипка! Что такое одесский скрипач — после Куприна говорить уже не приходится. Но и в Питере пока ещё тоже есть скрипачи, у которых наряду с блестящей техникой присутствует в игре и "одесский акцент", и та импровизация, благодаря которой явился на свет уникальный стиль "клезмер", о котором речь будет впереди. Такого скрипача тоже находят — это Семён Лахман. Далее — ритм-группа. На басу, разумеется, берётся играть сам "Царь". Правда, ему полузапретные гармоники рок-н-ролла гораздо ближе, чем "Одесса", но тем оно и интереснее: партия одесского баса, сыгранная почти настоящим рокером! Остаётся ударник, на роль которого Васильев приглашает одного из своих знакомых, Юрия Смирнова. И надо сказать, забегая немного вперёд, что с ударником в этом концерте произойдут самые настоящие чудеса! Дело в том, что если Ефимов с Васильевым решили действительно совсем уж стилизоваться под "старую Одессу", то меньше всего им пришлось бы думать об ударнике. Ведь в той "Одессе" никаких ударных установок и близко не было, а был, в лучшем случае, барабан через плечо; чаще же отбивали ритм на бубне, а то и просто гвоздиком по тарелке. И вот, несмотря на то,

что у организаторов концерта вовсе не было мыслей о столь уж "тонкой" стилизации, — в итоге почти что так всё и получилось! Но об этом мы расскажем чуть позже.

Итак, ансамбль собран. Задача ему, как мы уже говорили, поставлена грандиозная: сделать музыку "за Одессу"! Конечно, такая творческая концепция представляется вполне логичной, — какая ж ещё музыка должна сопровождать Аркадия Северного? Ведь Северный у нас кто? — "старый одессит"! Значит, и музыку надо приделать соответствующую, или, по крайней мере, изобразить какие-то свои представления о такой музыке. А это было не таким уж простым делом. Ведь на немногочисленные предшествующие образцы "блатного" аккомпанемента особо ориентироваться не приходилось. Здесь не подходила ни эмигрантская музыка — как правильный эстрадный аккомпанемент Лещенки, так и стиль "la russe" Рубашкина; ни наши отечественные опыты, являющиеся большей частью перепевами той же эмиграции. Новоявленный электрический стиль "ВИА", достаточно оригинальный по тем временам, тоже абсолютно не попадал в стилистику и эстетику образа Аркадия Северного. В общем, нашей компании предстояло, ни много, ни мало — самой воссоздавать эту "старую Одессу"!

Впрочем, воссоздавать не совсем с нуля. Как мы уже говорили, в ресторанной музыке, несмотря на все усилия коммунистов, всё-таки сохранились традиции старой эстрады, "нэпманской" музыки, и многого другого. И в том числе — такого музыкального феномена, как одесский джаз.

Здесь мы позволим себе небольшое "музыковедческое" отступление. Ведь самого понятия "одесский джаз" у нас официально никогда не существовало, и известно оно лишь как одна из хохмочек Леонида Осиповича Утёсова. А ведь такая музыка была на самом деле! Только носила малопонятное для простых советских людей название "клезмер". Но, несмотря на то, что само это слово редко кому доводилось слышать, музыка была знакома и узнаваема. Впрочем, на феномене клезмера мы не будем подробно останавливаться, о нём и так написано немало серьёзных статей и исследований. Скажем только, что эта музыка, возникшая в среде еврейских музыкантов Восточной Европы, была характерна не только национальным колоритом, но и весьма своеобразной манерой игры. Клезмер строился на принципе импровизационного обыгрыша оркестровки, — чем и был похож на американский джаз, хотя возник совершенно от него независимо. А в Одессе в манере клезмера обыгрывались уже не только еврейские мелодии. В нём зазвучала музыка и всех остальных народов этого интернационального портового города:

русская, украинская, цыганская, греческая, молдавская. Вот это и был одесский джаз.

Ещё в начале XX века он вышел за пределы Одессы, и оказал большое влияние на ресторанно-эстрадную музыку всей России. Он остался действительно знакомым и узнаваемым, несмотря на то, что в СССР официально мелькал только в виде редких "иллюстраций" в фильмах и спектаклях про Гражданскую войну или НЭП. Так, "на слуху", одесский джаз и жил вплоть до 70-х годов, и традиции его, слава Богу, всё-таки сохранились. И вот теперь в такой музыке и предстояло поработать нашему свежеиспечённому ансамблю, аккомпанирующему "старому одесситу" Аркадию Северному.

25 января 1975 года вся компания собирается на квартире Владимира Васильева, на Наличной улице, дом 7. Владимир Ефимов приносит свой магнитофон, а Рудольфа Фукса на это мероприятие даже и не приглашают. Вероятно, Ефимов рассматривал эту запись, как репетицию, проверку перед тем, чтоб "показать товар лицом". Запись получилась короткой, всего на 30 минут, но весьма любопытной. Во-первых, довольно неожиданным "вступлением" Северного к песне "Пропил Ванька": "Сегодня вы услышите то, что слышали, и то, что ещё никогда не слышали. Но сегодня я хочу отдать дань моему лучшему другу Алёхе, батька которого пропил всё на свете…" Вы уже, наверное, поняли, что "Алёха" — это Алёша Димитриевич, знаменитый русский певец, живший во Франции. Аркадий, как вспоминали многие, очень любил его творчество. И при этом, конечно, дело не обошлось без рассказов об их личных встречах! То в Москве, куда Димитриевич якобы специально приезжал, чтобы встретиться с Северным, то в Париже, во время одной из "загранкомандировок" Аркадия. Потому-то он здесь и называет Алёшу своим "лучшим другом". Эти истории настолько красивы, что мы даже не видим нужды их комментировать. Но скажем, немного забегая вперёд, что в легенде про "творческий союз" Димитриевича — Северного они были далеко не последними.

А, во-вторых, было и ещё одно интересное обстоятельство этой записи. Дело в том, что Владимир Ефимов пригласил на эту запись кроме музыкантов также и некоторых своих знакомых. И был в их числе электрик с улицы Олега Кошевого Володя Раменский. Имя которого вы ещё неоднократно встретите на страницах нашего повествования. С ним, кстати, был знаком тот же Сергей Маклаков, что немаловажно для понимания дальнейших событий творческой биографии Аркадия. Но не будем опережать события. А скажем только, что Раменский не просто присутствовал на записи. В этот день впервые прозвучала

песня на его стихи! Причём — одна из лучших:

Как хотел бы я стать Есениным,
Чтоб от ласки моих стихов
Яркой, пламенной и весенней
Сохранилась твоя любовь…

О том, что Владимир пишет стихи, знали только самые близкие его друзья и родственники, а также. литконсультанты и редактора различных изданий. Раз за разом возвращавшие ему стихи по всяческим формальным причинам. Но именно с песни "Как хотел бы я стать Есениным", к нему придёт, без всякого преувеличения, настоящая, народная, известность, для получения которой не нужны публикации в "толстых" журналах, и именно с этого дня Владимир станет одним из наиболее близких и верных друзей Северного.

Ну, а главным событием дня была, конечно, удачно прошедшая оркестровая проба, хотя Сергей Иванович Маклаков, которому через несколько дней продемонстрируют эту запись, и скажет: "Дерибас!" Имея, впрочем, в виду не музыку, и не пение Аркадия, а звукорежиссуру, которую, по его мнению, он со своей аппаратурой мог бы обеспечить гораздо качественнее. Но эта запись заставит его всё-таки кое о чём задуматься, и зародит идею, которую он с успехом воплотит через три месяца. Но мы об этом ещё расскажем, а сейчас для Аркадия Северного и Рудольфа Фукса важно только одно: всё, наконец-то, готово для записи под "одесский" ансамбль!

И вот, наконец, — февральский день 1975 года, актовый зал института "Ленпроект". Администрации и партийного руководства в институте нет, — воскресенье. Вахтёры тоже не особо удивлены шныряющими в актовом зале людьми, ведь Фукс всё предусмотрел! Это же просто очередная репетиция "ленпроектовской" самодеятельности. с приглашёнными товарищами.

Ничего особенного. И вахта спокойно пьёт чай, а в актовом зале тем временем начинается историческая запись: "Ну что ж ты меня не узнал, что ли? Я же ж Аркадий Северный!" И.

Здравствуйте, моё почтенье,
От Аркашки нет спасенья…

В общем, — азохтер махтер абгемахт фахтовер ят![6] А что мы ещё можем тут сказать?!! Разве можно рассказать об этой

колоритнейшей музыке, об этих замечательных песнях, и о том, как мастерски их спел Аркадий! Это надо просто слушать и переслушивать, находя каждый раз что-нибудь новое, каждый раз удивляясь тому, сколь великолепно открылась тогда эта новая страница советской блатной музыки. Но мы пропустим "лирическую" часть, оставим какому- нибудь будущему Поэту возможность описать впечатления от этого концерта, и вернёмся к истории того знаменательного дня.

Основную техническую поддержку обеспечивал Леонид Вруцевич. В ход пошло всё казённое оборудование радиорубки актового зала, предназначенное для проведения ответственных партийных мероприятий: микрофоны со стойками, усилители, и, конечно, магнитофон. Хоть и советский, но всё-таки студийный высокоскоростной магнитофон "Тембр". Однако Ефимову с Фуксом хочется запечатлеть этот исторический концерт и на свои аппараты! Поэтому Ефимов приносит свою "Яузу-10" — первый отечественный ламповый стереомагнитофон, весьма удачно усовершенствованный хозяином, но не берущий большую катушку; а Фукс — тоже что-то родного советского производства, чуть ли не "Днепр". Но мы не будем подробно описывать, как размещали и параллелили микрофоны, пытались сделать разнос по каналам, не имея никакого пульта. Несведущим людям это неинтересно, а знатоки могут оценить сами, прослушав эту, кошмарную с точки зрения профессиональной звукорежиссуры, фонограмму. Но разве могло это смутить простого советского слушателя, никогда не слыхавшего блатных песен в таком музыкальном сопровождении! Ведь оно здесь оказалось, пожалуй, не менее привлекательным, чем тексты песен. Конечно, народу было очень интересно послушать с магнитной ленты такую музыку, которая в СССР столько лет официально не признавалась, и нигде, кроме ресторанов, не звучала А музыканты всё это прекрасно понимали. Недаром же во всём "блатняке" 70-х годов столь часто будут использоваться длинные проигрыши, а то и вовсе чисто инструментальные композиции. Ну, а в народной любви к этой музыке сказалась, вероятно, ещё и пресловутая романтика подпольщины: чем изысканней музыка, тем, значит, и круче выглядит наше подполье. Пусть все знают, что блатную музыку в СССР делают не опустившиеся личности по тёмным подвалам, а профессионалы высшего класса!

И вот, на одном дыхании, под сногсшибательный аккомпанемент, Аркадий выдаёт великолепный сеанс "за Одессу", состоящий как из классических, так и из новых, в том числе и написанных Фуксом, песен. И тут у Владимира Ефимова заканчивается его 30-минутная плёнка. Поменять её — дело,

конечно, одной минуты, но в это время происходит непредвиденная заминка. Ударнику Юрию Смирнову уже надо срочно уходить по своим делам, и он, несмотря на уговоры, исчезает. Поджимает время и Александра Резника, но дружными усилиями его всё-таки уговаривают остаться. Ведь без Резника ансамбль совсем рассыплется! А ударник — уж Бог с ним, решим как-нибудь проблему. Тем более, что никакой особо виртуозной игры в "первом отделении" он и не продемонстрировал! И вот сам Аркадий заявляет, что отобьёт ритм ничуть не хуже. Причём безо всяких там барабанов, а при помощи обычной, свёрнутой в трубку, газеты. Ну, не Бог весть что, конечно, — но мы же "в Одессе"! Пойдёт. Можно начинать "второе отделение". А тем временем Ефимов, пользуясь неожиданно затянувшейся паузой, перенастраивает микрофоны, а заодно подключает и ещё один дополнительный, для себя. В него он будет подавать различные реплики на протяжении всей остальной записи, по его собственным словам — "чтоб веселее было", а по словам Фукса — "чтоб только испортить фонограмму".

В общем, вторая часть записи оказывается по звучанию совсем не похожа на первую. И репликами Ефимова, и иным звучанием инструментов, и газетой Аркадия. Который, впрочем, потом забрасывает и её, и ритм ведётся уже непонятно кем и на чём. Сколько песен было спето тогда, и на чём завершился концерт — сейчас уже никто и не помнит, а аутентичной, то есть полной оригинальной записи, к сожалению, отыскать пока так и не удалось. А может быть, её и вообще не существовало… Сделать же какие-либо определённые выводы по сохранившимся фонограммам очень трудно. Тем более что, как выяснилось, большинство из них представляет собой. монтаж. В который кроме записей этого исторического дня, вошло ещё и то, что было записано через неделю! В следующее воскресенье в том же актовом зале "Ленпроекта" и с тем же составом музыкантов производится ещё одна запись. Но что тогда было записано — это тоже остаётся пока тайной. Владимир Ефимов вспомнил только, что"… Последней песней была "Постой, паровоз", после чего оставался небольшой кусок ленты, и Аркадий начал интересную импровизацию на тему "Клён ты мой опавший". Но, к сожалению, лента всё-таки закончилась…"

А впрочем, все эти подробности сейчас уже не так и важны. Ведь именно в таком виде этот концерт навсегда полюбился и запомнился почитателям жанра, и вошёл в историю под названием "Первый одесский".

Но не успевает изумлённый советский народ придти в себя от этого "привета из старой Одессы", как Сергей Иванович Маклаков

преподносит ещё один шедевр подпольной музыки.

Он уже имеет собственный опыт удачной оркестровой записи "Братьев Жемчужных". А тут вдруг такой впечатляющий успех только что сделанного концерта его давнего знакомого Аркаши Северного! Причём тоже под ансамбль. И Сергею Ивановичу приходит в голову беспроигрышная идея: совместить игру "своих" музыкантов с пением "блатного маэстро". Особых сложностей в организации такой записи Маклакову ждать не приходится. Только вот место для неё ему опять надо искать где-то по знакомым. И он находит — на этот раз под студию предоставляет свою жилплощадь Дмитрий Калятин. Это имя ещё не раз встретится на страницах нашего повествования. Аркадия с Димой и его семьёй свяжут долгие дружеские отношения, и даже большее. Но об этом мы расскажем позже, а сейчас немного остановимся на неординарной личности самого хозяина квартиры.

Дмитрий Михайлович Калятин, радиолюбитель и музыкальный коллекционер "средней руки", попал в мир бомонда блатной музыки Питера, когда случайно познакомился с Рудольфом Фуксом на пляже в Сестрорецке. Причём, Дмитрий Михайлович ходил на пляж отнюдь не загорать: "Я ставил в приёмники типа "ВЭФ", "Спидола" дополнительные платы, чтоб ловить волны 13 и 16 метров. Это — зарубежные станции, сплошная музыка, "Би-Би-Си", "Голос Америки", — и в этих диапазонах не работали наши глушилки. В те годы транзисторы были в большой моде. Я просёк этот момент. Всю неделю готовил платы, паял. А в воскресенье пройдёшь по сестрорецкому пляжу — за час в кармане стольник… На пляже в хорошую погоду приёмников — море. Я это место называл "еврейское лежбище", а сам город — Жидорецком. Ну, понятно почему".

К рассказу Дмитрия Михайловича мы можем добавить только одно пояснение: Сестрорецк находится на побережье Финского залива, в Курортном районе, считавшемся всегда фешенебельным. И, естественно, что состоятельные ленинградцы, среди которых было немало евреев, предпочитали снимать дачи именно здесь. Рудольфа Фукса тоже нельзя было назвать малоимущим. В Сестрорецке он бывал часто, и вот так однажды и познакомился с Калятиным, во время одной из "торговых операций". Кстати, Фукс тоже называл несчастный город Сестрорецк "народным" именем, но совсем другим: "С Димой я познакомился на пляже в Сестроблядске. Он там приторговывал радиодеталями, а попутно интересовался записями. Зашёл разговор о Северном. У него были записи, но довольно плохого качества. Ну, я ему рассказал немного, что я сам Северного

записывал. А потом думаю: он работяга, и Маклаков работяга, сведу-ка я их. И свёл. Так Калятин с Серёгой и познакомились…"

Познакомились и сразу же нашли общий язык на почве любви к музыке, а также, чего греха таить, и к весёлому застолью. Потому вот при подготовке к первой записи Аркадия с "Братьями Жемчужными" Маклаков сразу вспоминает о Диме и звонит ему: "Будем записывать 2-й концерт "Братьев Жемчужных. Хочешь участвовать — вноси "капусту". В общем, по словам Калятина: "Взнос был 50 рублей. Они не определились с местом, и я предложил свою квартиру: мои домашние уезжали на майские праздники на дачу".

А трёхкомнатная квартира Калятина, надо сказать, прекрасно годилась под студию: большая, с минимумом мебели и, к тому же — есть пианино! При таком раскладе вполне можно было стерпеть тот недостаток, что находилась она в Весёлом посёлке, в те времена — глухой окраине Питера.

Таким образом, вопрос со студией решён, а фирменная аппаратура у Сергея Ивановича всегда наготове. Но надо ещё что-то решать с музыкантами. И тут Маклаков решает: не мелочиться! Оркестровая запись с Аркадием Северным должна быть действительно под оригинальный оркестр, а не под квартет, изображающий "эмигрантов". И он приглашает на запись уже весь состав ансамбля из "Паруса"! Музыканты, естественно, охотно соглашаются. Говоря словами Геннадия Яновского — "для обогащения аккомпанемента и для заработка музыкантам". И хотя, по сравнению с предыдущим составом, добавилось всего двое музыкантов — духовики Геннадий Лахман и Виктор Белокопытов, — вся музыкальная концепция при этом поменялась коренным образом. Впрочем, к этому мы ещё вернёмся.

Итак, Аркадий Северный и "Братья Жемчужные". Долгие годы эти два имени будут для многих людей одним, неразрывным понятием. Благодаря затее Маклакова, в творчестве Северного открывается действительно новая, яркая страница. И началось всё это 30 апреля 1975 года. Но сам Сергей Иванович, конечно, ничего пока об этом не подозревает. И вовсе не думает об "исторической значимости" этого дня, когда назначает общий сбор участников мероприятия на Ждановской улице…

"На заливе лёд весною тает", а на вольной воде речки Ждановки весело покачивается плавучий ресторан "Парус". Рядом же, на набережной, где уже встретились Маклаков с Калятиным, появляется какой-то "плюгавенький мужичок, доходяга, ручки-ножки со спичку". Именно так характеризовал своё первое впечатление от встречи с Аркадием сам Дмитрий Михайлович. И точно такой же была реакция у всех, впервые видевших

Северного: изумление от того, насколько его внешний вид не соответствует голосу, столь знакомому по записям. Мгновенно рассеивающееся при первых же словах: "Я — Аркаша". Но вот уже подано такси, музыканты грузят инструменты, и три тачки мчатся через весь город на правый берег Невы, на улицу Евдокима Огнева. А ехать туда от "Паруса" почти целый час, и всё это время Аркадий с Маклаковым и Калятиным обсуждают детали предстоящего концерта. Да так, что в конце концов обращают на себя внимание водителя. "По дороге таксёр — его Юрой звали, — как услышал, что мы Аркадия Северного везём, загорелся: "А можно я с вами побуду?" — "Ты же на работе!" А он распалился: "Всё, бросаю смену, остаюсь!" Поставил тачку у меня под окнами, выключил счётчик. Потом каждый час бегал за водкой в магазин. И не зря: Аркаша ему песню посвятил!.." — вспоминал Дмитрий Михайлович. Таким образом, число участников мероприятия увеличивается ещё на одного человека — простого питерского водителя таксомотора Юрия Давыдова. Впоследствии Юра достаточно близко познакомится с Аркадием Северным, и тот посвятит ему уже не одну песню, а целый концерт. Но это будет не скоро.

А пока что Сергей Иванович начинает готовить к записи свой аппарат. По воспоминаниям самого Маклакова — ламповый стереомагнитофон "Sony", по воспоминаниям Калятина — какой-то квадромагнитофон, а по словам Михаила Шелега — ещё и с микшерским пультом, изготовленным товарищем Сергея Ивановича — Владимиром Мазуриным. Но не будем глубоко вдаваться в эти технические подробности, музыкальная часть всё-таки интереснее.

Итак, музыканты занимают свои места. Гена Яновский усаживается за ударную установку, которую привезли заранее. Алик Кавлелашвили — за фоно, но и аккордеон у него наготове. Роберт Сотов настраивает контрабас, Коля Резанов — гитару с банджо. "Новообращённые" члены коллектива Лахман и Белокопытов берут в руки саксофон и трубу, и. Будет сейчас вам джаз! Давай, Аркаша!

И Аркаша "даёт":

"Прослушав концерт "Братьев Жемчужных" в Одессе, я срочно сел на самолёт и вылетел сюда, в Петербург, для того, чтобы записаться вместе с этими "Братьями", концерт, который будет посвящён для музыкальной коллекции Сергея Ивановича и Дмитрия Михайловича. Со мной ещё тут небольшой маленький Моня, сыночек мой приехал, и поэтому: Начали!

Не забывай меня, мой друг Серёга,

Не забывай, не хмурь своих бровей,
Ведь в жизни нам не так осталось много,
Давай смотреть на жизнь повеселей!"

Весьма примечательно, что этот концерт начинается с песни, написанной "ещё никому неизвестным поэтом" Владимиром Раменским, который, как вы помните, принимал участие в январской записи Аркадия в у Володи Васильева. Он действительно почти ещё никому не известен, ведь та "репетиционная запись" практически не распространялась. Но на этом концерте Аркадий споёт ещё одну песню на стихи Раменского, полюбившуюся ему тогда же, в январе: "И вот мы вместе с "Братьями Жемчужными" сейчас сыграем чуть-чуть подражание Есенину…"

Это, конечно, лирика и по духу и по сути, но, тем не менее, сегодня звучит самый настоящий джаз! А что? — ведь все музыканты "Паруса" — джазмены по духу, и в прошлом — члены различных известных джазовых коллективов. Вынужденные уйти в ресторан, потому что Советская власть, как известно, неустанно заботилась о заработках музыкальных коллективов. Точнее — о том, чтоб эти заработки, упаси Бог, не были большими. Впрочем, советские люди вполне могли быть за это ей благодарны, так как в итоге у них появлялась возможность послушать в ресторане классных музыкантов! Таких, как наша команда. Несмотря на то, что ребята они, в основном, молодые (Резанову в 1975 году исполнилось только 26 лет!), и замечательного джаза периода сороковых и начала пятидесятых практически не застали. Да и ресторанный джаз в середине 70-х годов уже не в моде, и подобные коллективы держатся только стараниями. постановлений и регламентов "Ленконцерта". Перепуганные наступлением рока чиновники в панике пытаются прикрыться от него джазом, который так беззаветно топтали ещё двадцать лет назад.

Это действительно шоу абсурда, но факт остаётся фактом. Впрочем, для нас главное, что в "Парусе" собрался великолепный коллектив, который сейчас в "одной из самых прекрасных и красивых квартир города Ленинграда…" вместе с Аркадием Северным делает классную джазовую аранжировку блатных и ресторанных песен!

Как вспоминают сами музыканты, принимавшие участие в той записи, никакой особой "проработки концепции" перед концертом у них не было. Они просто сыграли так, как всегда играли в родном ресторане. В результате чего и стала эта запись

своего рода реликвией — изумительно запечатлённым "снимком" той замечательной музыки. Не стилизованный "одесский джаз", и не классический джаз концертных залов, а натуральный мелос советского ресторана доэлектронных времён.

Впрочем, многие песни, спетые в этот день, в ресторанах явно никогда не игрались! Не могли же там прозвучать песни-сатиры Александра Галича, исполненные в этом концерте нашей вольнодумствующей компанией! Да и не все романсы были взяты из ресторанного репертуара. Но ведь ансамбль давно сыгрался, музыканты в своих импровизациях прекрасно понимают друг друга, и для них не проблема с ходу сделать красиво новые песни. И романс пойдёт в блюзовом квадрате. И цыганщина! А что они сотворили с "Как-то по проспекту". Так "испортить синкопами" блатной ритм действительно надо уметь!

Однако мы слишком увлеклись "Жемчужными", а ведь главным героем этого дня был всё- таки Аркадий Северный. И перед ним-то, кстати, стояла совсем не простая задача — вписаться в джазовый стиль музыкантов, которых он здесь только в первый раз и увидел! А репетировать некогда. Но Аркадий блестяще с этим справляется. Во-первых, он, со своим талантом, может легко поймать любой ритм, и даже сбившись, так красиво исправиться, что всеми это будет воспринято, как "домашняя заготовка"! Во-вторых — Аркадий всё-таки тоже любитель джаза, и даже больше, чем просто любитель. "Япоклонник джаза, истовый поклонник. Но Северный — это тоже джаз" — как говорил В. Мазурин М. Шелегу.

Аркадию в этот день удаются все песни! И старый классический "блат", и песня Галича, и дворовая лирика. Как будто давно уже пелись они именно так с этим джазом:

Отбегалась, отпрыгалась,
Отпелась, отлюбилась,
Моя хмельная молодость
Туманом отклубилась…

Так, на одном дыхании, и записывается этот замечательный концерт. Вот разве что под конец, расслабившись, Аркадий и "Братья" добивают ленту уже откровенно балаганным попурри. И, наконец: "Ансамбль "Братьев Жемчужных" закончил свою работу. Мы хотим выразить благодарность нашему замечательному другу и большому помощнику Аркадию Северному за участие в этом прекрасном концерте…" Пора возвращаться в "Парус". Кому — на трудовую вахту, а кому — просто отметить это знаменательное событие. И вот весёленьких Аркадия с

Димой уносит от "Паруса" через всю Петроградскую — в Парк Ленина, а затем на Кировский мост, где они, обменявшись телефонами, расстаются.

Маклаков же остаётся наедине со своими записями на фирменной ленте, с коими ему теперь предстоит большая работа. В итоге будет изготовлено множество 90-минутных копий, с разными вступлениями, с разным порядком и количеством песен. В общем, сам того не ведая, Сергей Иванович становится, кроме всего прочего, ещё и зачинателем благодатного процесса "усушки и утруски" оригинальных записей. Который продолжается и до сих пор — разными людьми и с разными, порой неведомыми рядовому обывателю, целями. Впрочем, это уже проблемы из сферы не наших интересов, и на этом мы останавливаться не будем.

Аркадий же, расставшись с Калятиным, совершенно неожиданно пропадает из поля зрения всех своих друзей на всё лето 1975 года! Никто не может теперь рассказать, куда же он подевался после столь многообещающего начала года. Но сам факт, что Северный исчез, останется в памяти у многих.

Ведь за это время Рудольф Фукс успевает создать "второй" состав "Братьев Жемчужных" с Евгением Драпкиным, Вячеславом Масловым и Анатолием Архангельским — музыкантами из ресторана "Корюшка", в те годы самого знаменитого по части исполнения блатных песен; и записать с этими музыкантами два концерта. На одном из которых, кстати, Резанов скажет, что Аркадия Северного"… послали на гастроли на БАМ, откуда он вернётся. Когда — неизвестно". К этому составу вскоре подключится и Владимир Лавров — обладатель одного из самых крутых электроорганов Ленинграда, и скрипач Евгений Фёдоров, который в будущем сыграет очень много концертов с Северным. Но пока всё это происходит без Аркадия.

Глава пятая
"Новые серии"

"Товарищи! Петь и пить — для меня это синонимы".

А. Северный, 7 ноября 1975 г.

Аркадий объявился только к осени. Звонком к своему новому знакомцу — Дмитрию Михайловичу Калятину: "Дима, забери меня отсюда!" Вот как вспоминала об этом жена Дмитрия Михайловича Софья Григорьевна: ". В один прекрасный день я пришла домой, а там Аркадий. И Дима говорит: "Софа, разреши Аркадию пожить у нас. Я сейчас — говорит, — забрал его из компании одной, чуть ли не воровской". И Аркадий стал жить у нас. Сначала они писались под гитару". Тогда, наверное, никто из них не мог и предположить, что Северный останется в этом доме на проспекте Огнева почти на два года. Весёлый и общительный, он быстро завоёвывает полное доверие хозяев. Аркадию доверяют ключи, дети от него в восторге. И пусть ненадолго и в чужой семье, но он обретает душевное равновесие. Устраивается снабженцем в радиомастерскую по ремонту магнитофонов. Зарплата, конечно, не ахти, но всегда есть возможность "левака" заработать, было бы желание! Так что можно и себе что-то прикупить, да и в дом принести — не быть же полным иждивенцем у Калятиных. К тому же и дочка подрастает, надо и ей гостинец какой-то передать, благо Наташа в детский сад ходит, в котором тёща работает. Да и почему — передать? Не грех и самому заявиться после получки: "Смотри, мол, доча, — папка на работу устроился, скоро всё у нас хорошо будет! Вот и бабушка подтвердит."

Наверное, поначалу всё оно так и было. Несколько осенних и зимних месяцев. И поётся в это время очень легко. Первый концерт под гитару записали с Димой 23 сентября, а дальше ещё и ещё: до сих пор толком никто и не знает — сколько их всего было. Дело ещё и в том, что сам Дмитрий Михайлович неоднократно перекомпоновывал записи, склеивая куски из разных концертов. Безусловно, он имел на это полное право, так как был в своём роде "импресарио" этих записей, но историкам теперь остаётся только хвататься за голову… Впрочем, общее впечатление, которое производят эти "калятинские" концерты, от

разницы в компоновках никак не зависит. Калятин не ставил себе такую задачу, как Фукс, — сделать какой-то романтический образ "старого блатаря" или "одессита"; и Северный пел у Калятина просто то, что нравилось им обоим. В основном, это оказывается лирика — и притом, не всегда блатная.

Конечно, нельзя сказать, что лирика — это нечто совершенно новое в творчестве Аркадия. Ему приходилось и раньше исполнять песни из столь любимого народом жанра "жестокого романса" — и старинного и современного. Мы уже говорили о его своеобразной манере исполнения таких песен. Но в концерте у Калятина неожиданно звучит нечто совершенно иное:

Милая, не бойся, я не груб,
Я не стал развратником вдали.
Дай коснуться запылавших губ,
Дай прижаться к девичьей груди…

Аркадию удаётся удивительно точно, и без тени пошлости, найти нужный тон для исполнения этой лирически нежной и очень откровенной песни. И это при том, что о каких-то манерах или традициях исполнения таких песен, разумеется, и слуху не было в нашей абсолютно асексуальной советской эстраде! Да и КСП очень редко замахивался на такую тематику. Но Аркадию и не нужны образцы и каноны, он просто поёт так, как чувствует. "Для него женщина любая — это предмет искусства был. Страшная любовь и уважение к женщине…" — ведь именно так характеризовала Аркадия С. Г. Калятина.

И это — действительно новый, ещё неизвестный слушателям Аркадий Северный; именно здесь и начинает складываться его новый, лирический имидж. Сравнивать его с "блатным" или "одесским" просто некорректно — они сосуществуют, и только доказывают многогранность таланта Аркадия.

Впрочем, без блата, разумеется, тоже не обходилось! Вот как вспоминал об этом сам Калятин: "Мне песни давал один приятель, Щеглов Иосиф. Он работал в гостинице "Октябрьская", крутился возле уголовников, они ему тексты пачками приносили. Он их переписывал корявым почерком на шикарной бумаге и давал мне. А я уже на машинке перепечатывал. Но Аркаша и по машинописному тексту всегда врал, а по рукописному — тем более. На одной записи он говорит: "В следующий раз пиши поотчётливее". Это в адрес Щеглова".

Но не забывает Северный и о своём первом импресарио — Рудольфе Фуксе. На ноябрьские праздники Аркадий приходит к нему домой и даёт концерт в честь дня рождения дочки хозяина

— последний домашний, записанный Фуксом. Сценария для него заранее не писалось, всё делалось экспромтом, и поэтому Северный чередовал песни и анекдоты. Он делал и раньше что-то подобное для своего друга Рудика. Но самым интересным в этом концерте оказалось "инструментальное" сопровождение. Хоть концерт и сугубо домашний, но Рудольфу и Аркадию, после уже неоднократных оркестровых успехов, одна гитара, видимо, кажется "несолидной". А чем усложнить её? Когда-то в джазе было модным экспериментировать игрой на "нетрадиционных" инструментах — бутылках, кастрюльках, диванных пружинах, стиральных досках, иногда — и на живой козе… Вот и здесь местами идёт примерно такое же по эксцентричности сопровождение на игрушечной органоле и прочих "подручных средствах", — недаром подборку песен из этого концерта некоторые в будущем обзовут "Детские игрушки". На гитаре в этой день играли и сам Фукс, и Аркадий. Единственным более-менее профессиональным музыкантом был Александр Филиппов, игравший в самодеятельном ансамбле института "Ленпроект" — "Сакс и струны". А ножом по стаканам, по словам Фукса, стучали все по очереди. В общем, как нам кажется, именно этому "сводному гоп-оркестру" очень бы подошло смешное имя "Четыре брата и лопата"! Но Рудольф Израилевич уже застолбил его для джаза Александра Резника.

Гитара — гитарой, однако и Калятин, вдохновлённый успехом первого концерта Северного с "Братьями Жемчужными", решает сделать что-то аналогичное. Но то ли по финансовым соображениям, то ли по какой-то другой причине организует запись. в Ленинградской области. Калятины постоянно из года в год снимают дачу в Сестрорецке, а не так уж далеко от них — в Разливе, — живёт коллекционер и друг Дмитрия Михайловича, некий Андрей Андреевич (фамилию его, по прошествии стольких лет, установить так и не удалось). У него и решили записывать Северного, пригласив на запись и Сергея Ивановича Маклакова; а на аккомпанемент Аркадию — каких-то местных музыкантов из знакомых. Инструментальный состав удалось собрать более чем скромный, зато ансамбль окрестили звучно: "Альбиносы". И студия была совсем не фешенебельная: "Холод собачий, не топлено, вся стена инеем покрыта, у музыкантов пальцы сводит. Пока согрелись, пока настроили аппаратуру… И всё равно иногда фальшивили. Аркаше тогда "Альбиносы" дали спеть только пять-шесть песен, он обиделся и потом говорил, что ему "надоели все эти скрипки, все эти жидовские штучки…" И потом надеялся только на свою гитару", — так рассказывал потом Калятин об этом концерте. Северный, правда, спел не пять- шесть песен, а в

два раза больше, но, тем не менее, это получился далеко не "сольник" Аркадия Северного. Музыканты "не дали спеть", или у организаторов концерта были какие-то свои соображения — мы уже не узнаем. По крайней мере, третий организатор — Виктор Иванович Кингисепп, — в своё время говорил, что "без Северного там слушать было бы просто не х.." — и это, собственно, недалеко от истины.

Проект "Альбиносы" оказывается похороненным в самом начале, и Дима с Аркадием продолжают свои гитарные посиделки, особо не обременяя себя ни репертуаром песен, ни качеством их исполнения. Гитара и магнитофон всегда под рукой. Появилось настроение соответствующее — сели да и записали десяток песен "в новой обработочке на стерео". А если что, то и продать можно: не беда — новую запишем! Это у нас вроде как репетиция, потом сделаем как надо, с ансамблем каким-нибудь! Тем более что Северный готов петь хоть круглые сутки и в любом состоянии. После первых "Одесских" концертов и записи с "Жемчужными" к нему уже пришла первая слава. И хотя его не знают в лицо, зато узнают по первым же пропетым нотам, привечают в любой компании, и сразу же: "Аркаша, спой!". И он поёт. Поёт всем, кто только не попросит. Иногда эти "концерты" затягиваются до утра, иногда и на несколько дней. Есть и такому свидетельства. Сейчас уже почти невозможно восстановить точную хронологию этих "выступлений". Да, впрочем, это и не так уж важно: на такой богемно-бродяжный образ жизни, — вернее, её прожигания, — Аркадия заносило частенько.

Рассказывает Д. М. Калятин: "Помню, познакомился я в Сестрорецке с одним шофером из рыбколхоза, он как узнал, что Северный — мой друг, стал просить: устрой, чтоб он к нам на базу приехал!.. Доставили прямо в рыбколхоз. А там уж всё под парами, баркас раскочегаренный, рядом с ним две моторки на привязи… Вышли в море, расставили сети. Пришвартовались на отлогом бережку, достали припасы, стали керосинить. Не по-чёрному, конечно, так, по граммулечке, потому что рано утром вставать, за рыбой идти. Легли. Меня в одну лодку определили, а Аркашу — в другую. И вот часика в четыре утра, уже рассветик такой маленький забрезжил, он проснулся, взял в руки гитару и запел. И что тут было! Там ведь лес, акустика, звуки несутся вольно, а рядом туристический лагерь располагался — палаток штук двести, наверное. Ночь была душная, спалось, видимо, плоховато, вот все эти туристы как поползли к нам!.. А Аркаша как им выдал по полной программе! Пожалуй, это был единственный его концерт на такой широкой аудитории. А потом он с рыбаками загудел примерно на неделю, и они ему с собой

мешок рыбы дали. Как он её повёз в лесопильный цех [7], где он её там сушил — не знаю, но только он её целый год помаленьку подъедал…"

Нечто подобное вспоминал и Владимир Тихомиров. Только в его случае таксист, обалдевший оттого, что везёт самого Северного, развернул машину и погнал прямо в свой 8-й таксопарк, в котором Аркадий опять же "завис" на две недели. И, наконец, Юрий Кукин приводил историю, как Северный после какого-то совместного домашнего концерта поехал провожать его аж в пролетарский город Колпино, где они уже продолжили "выступление" в одной местной пивной. Видимо, по улице Ленина, 53 — тогда пивная в Колпино была действительно только одна. Дело кончилось тем, что Юрий Алексеевич каким-то непонятным образом всё-таки наутро попал домой, а Аркадий Дмитриевич так и остался в Колпино. Эта встреча отзовётся чуть позже в одном из концертов у Калятина: "Тут Кукин сочинил одну песенку. Мы тут с ним чуть-чуть это… выступили. Ну, я и решил её спеть, но на свой манер".

Конечно, все эти гульки добром кончиться не могли. И Северного, от греха подальше, в начале 1976 года уговаривают подлечиться в Психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева. Вероятно, по знакомству; потому что простых алкоголиков направляли обычно в наркологический диспансер, а "Бехтеревка" была своего рода элитной клиникой, где лечились от запоев многие известные питерские артисты. Вот, что вспоминал об этом лечении Д. М. Калятин: "… Аркадий дисциплину понимал по-своему. Он быстро вошёл в контакт с врачами. Причём лечение делилось на три этапа, больные жили поочерёдно в трёх зонах. Сначала изолируют, отвращают от водки, потом потихоньку налаживают контакт с больным, и на третьем этапе доверяют ему, приобщают к какой-то работе. Аркаша первые две фазы прошёл довольно быстро и вскоре уже спокойно ходил по территории, конверты клеил, канцелярской писаниной занимался, копии снимал с историй болезни…"

Однако, друзья Аркадия тоже позаботились, чтобы ему не пришлось скучать во время "вынужденного отдыха". Лечение лечением, а концерты-то писать надо? Дмитрий Михайлович вспоминал далее: "…Как-то Сергей Иванович Маклаков мне звонит: "Будем завтра делать концерт, нужно найти машину перевезти Аркадия", — "Куда?" — "В Институт гриппа на Петроградской. В проходную спустят список пофамильно, вас пропустят. За тобой — тачка". Я быстро договариваюсь с приятелем, который на чёрной "Волге" возил тогдашнего нашего профсоюзного босса товарища Коржова. Он за мною в субботу

утром заезжает, и мы направляемся прямо в больницу им. Бехтерева. Ну, а номера-то "ЛЕБовские", блатные, нам тут же ворота открывают, и мы въезжаем на территорию. Аркаша (его уже предупредили) выходит к нам в накинутом на плечи больничном халате, быстро ныряет в тачку. На проходной слова сказать не успели — мы уже выехали. Во время и после записи, когда разливали, Аркаша ни грамма не выпил: "Всё, я не пью, лечусь".

Этот рассказ про спецоперацию по доставке Аркадия на концерт, проведённую прямо — таки в духе Отто Скорцени, может, на первый взгляд, показаться маловероятным. Однако его подверждают и другие участники тех событий: и Рудольф Фукс, и Виктор Ильин, — коллекционер, стараниями которого, собственно, и была организована "аренда" помещения в институте Гриппа. Единственное, что Дмитрий Михайлович перепутал в своём рассказе, — это сам концерт. У Калятина история с похищением отнесена к записи "Третьего одесского концерта", который на самом деле записывался значительно позднее, и в другом месте. А в институте Гриппа столь экстравагантным образом был записан концерт "Памяти Вертинского".

Однако, несмотря на то, что было приложено столько сил и изобретательности, чтобы привезти Аркадия на запись, его участие в этом концерте оказалось, увы, мизерным. Впрочем, это можно объяснить творческой тактикой организаторов (которых на сей раз было аж четверо — вместе с Фуксом, Маклаковым и Ильиным к работе подключился Евгений Драпкин): слишком уж специфичен исполнительский стиль Северного для эстетики Вертинского. А задумывалось сделать действительно "юбилейное мероприятие"! Правда, 85 лет со дня рождения Александра Николаевича Вертинского стукнуло ещё в 1974 году, но ведь никаких официальных празднеств в Союзе не проводилось даже по поводу его 80-летнего юбилея. Что ни говори — осталось его творчество чуждым советской идеологии! А нашим "контрреволюционерам от музыки" хотелось устроить что-нибудь, действительно достойное великого шансонье и родоначальника русской авторской песни. И, разумеется, тут, как на настоящем концерте, должен быть ведущий. Вот и решили, что "вернувшийся с БАМа" Аркадий Северный будет выступать не с пением, а с конферансом! Впрочем, это не новый жанр для Аркадия, "вёл" же он когда-то свои собственные гитарные концерты. Так и задумывалось это действо. Фукс для него уже и начальную песню написал "Гимн менестрелей" со словами "наш дедушка — Вертинский", но. или не особо ломали голову над сценарием, или у Северного не всё получалось. А могли и удалить что-то при

компоновке окончательной версии. Как бы то ни было, никакого особого конферанса Аркадию Северному здесь, к сожалению, продемонстрировать не довелось.

И всё интересное, что мелькает в его немногочисленных репликах на этом концерте, тоже никак не укладывается в заданную стилистику. По-видимому, Аркадий уже заигрался в одессита настолько, что и не замечает, как говорит "по-одесски" там, где это, в общем-то, и не требуется."… Известно, что он не любил аплодисментов. Так давайте же мы их не будем хлопать и шуметь после каждой вещи…" — говорит Аркадий совершенно естественно, и без тени иронии. Это, конечно, мелочь, и она, скорее всего, прошла мимо внимания устроителей концерта. А ведь тут разворачивался просто великолепный сюжет! Александр Вертинский, рафинированный эстет, чьё лицо почти всегда было скрыто маской Пьеро. И вот устроен концерт его песен. А ведёт его — Аркадий Звездин. Причём тоже под маской, но наоборот — "старого блатного одессита". Как в лучших традициях советского цирка — "Белый" и "Рыжий" клоуны.

Разумеется, всё это только наша фантазия. Но надо заметить, что одна из интереснейших сторон творчества Аркадия Северного — это как раз вот такие "сюжетные ходы", такие "приколы", провоцирующие буйную фантазию простых советских слушателей. Приколы, которых и в задумке не было ни у организаторов концертов, ни у самого Аркадия. Они возникают спонтанно, и даже неосознанно, а потом воспринимаются и интерпретируются в народе совершенно по- разному! Такова уж была советская жизнь, которая заставляла во всём искать вторые и третьи смыслы. Чего только не слышал наш народ в записях Аркадия Северного!

А теперь предоставим слово одному из основных действующих лиц этого концерта — Евгению Драпкину:

> "Концерт "Памяти Вертинского" для меня особенно памятен по многим причинам. Во- первых, этот концерт был задуман для меня и я его сам готовил. Маклаков и Рудик записали мне несколько часов Вертинского, и я сам отбирал песни, которые мне подходили и которые, как я считал, заинтересуют публику. Несколько песен взял себе Женя Фёдоров, про Аркашу я не говорю, — это вообще не его репертуар, он почти и не пел, только вёл концерт. Я написал ноты музыкантам, и я с ними перед записью всё прорепетировал, поэтому оркестр на записи звучит довольно слаженно, и я бы сказал, профессиональней, по сравнению с другими концертами,

ну а скрипки… Даже сейчас, хотя прошло уже много времени, когда я прослушал эту плёнку, то в очередной раз был поражён, как эти ребята, Рафаил и Женя, которые вообще только перед записью познакомились, слаженно и прекрасным звуком проиграли весь концерт, как будто до этого много лет вместе проработали".

Мы же оставляем этот концерт и вместе с непьющим Аркадием возвращаемся на улицу Огнева, где 26 марта 1976 года Софья Григорьевна Калятина отмечает день своего рождения. И в самый разгар празднества Северному вдруг приходит в голову идея записать дуэт с самой именинницей. Вот как она сама вспоминала об этом: "Песни записали без всякой подготовки. Мы за столом сидели и стали петь. И тут Аркадий говорит: "Ну-ка, Димка, быстро магнитофон давай!" Никаких подготовок. Меня на стул, Аркашку на стул. Гитара. И "У Геркулесовых столбов" мы поём, первую песню. Ну, раз первый раз получилось, он говорит: "Давай попробуем ещё". Написали слова на бумажку, и Дима так и записал песен пять: "Сладка ягода", "Сигарета", ещё что-то…" Несмотря на экспромт, запись получилась на удивление удачной. Коллекционеры её оценили сразу, даже самому Аркадию писали из Одессы: "пришли эту плёнку, где ты поёшь с этой бабой". И, судя по всему, эта запись оказалась одной из последних, если не самой последней из гитарных, сделанных Калятиным.

То ли Северный почувствовал себя совсем уже "полноправным" членом семьи, то ли наоборот. но постепенно всё у него опять идёт наперекосяк. На прежней работе поставлен крест, и хотя время от времени, он ещё будет пробовать куда-либо устроиться с помощью знакомых, но всё это ненадолго и временно. Причём, настолько коротки были эти периоды, что и не отложилось ни у кого толком в памяти — где и кем Аркадий успел "поработать".[8] Вот и вспоминают то лесопильный цех какой-то, а то и отдел снабжения где-то аж в Чудове то лесопильный цех какой-то, а то и отдел снабжения где-то аж в Чудове Новгородской области. Уж не на спичечной ли фабрике? Но, впрочем, названия эти ничего не меняют — Северному уже везде работать неинтересно и скучно. Чего уж там интересного, если с гитарой в руках ты — король, а со счетами и накладными — простой советский винтик под дураком- начальником. Но и у Калятиных не особо весело. У Димы и самого из-за этих постоянных возлияний уже возникают проблемы с женой. Тем более что причину проблем он мало-помалу начинает видеть. в Аркадии. Может, тот и сам подал какой-то повод, но, как бы то ни было, отношения между "закадычными друзьями" постепенно

ухудшаются. Северный попадает в какое-то совершенно двусмысленное положение, осложняющееся тем, что деваться ему просто некуда, причём, в самом прямом смысле. Ни квартиры, ни семьи. И он начинает снова искать выход из заколдованного круга в алкоголе и, как ни парадоксально, совместно с Калятиным. А почему бы и нет? Выпили — и снова друзья, как и прежде… А Софа? А что — Софа? На развод подаёт? Ну и что? Разберёмся как-нибудь и без неё.

И уже не особо волнует Аркадия даже то, что в одном из ресторанов он лишается паспорта: не то потерял, не то вытащили. Это гораздо больше волнует Софью Григорьевну — она уже говорила с тёщей Аркадия о размене квартиры, который теперь невозможен из-за отсутствия паспорта. Да что размен! В Советском Союзе человек без паспорта был прямым кандидатом на нары. Само по себе отсутствие "молоткастого и серпастого" уже каралось; но надо сказать, что на грани срока Аркадий ходил, даже имея паспорт. Тут и непонятное дело с пропиской, а ведь бомж — это уже срок, или, по крайней мере, "на сто первый километрик ухиляли чувачка"; а ещё и "тунеядство". В 1976 году были ещё старые, зелёные паспорта, в которых ставились штампики о месте работы; так что "тунеядцем" он всё равно оказывался. И захоти только менты. Им даже не пришлось бы особо "потрудиться и подыскать ряд статей", как пел позднее сам Аркадий. Однако, надо сказать, что о каких-то серьёзных трениях Аркадия с правоохранительными органами в это время ничего достоверного не известно. То ли хранил его Господь Бог, то ли всесоюзная слава, — ведь в органах тоже люди. Но вряд ли, конечно, сам Аркадий задумывается об этом. Он просто продолжает свою бесшабашную жизнь подпольного артиста, — без работы и без паспорта.

Да и зачем ему эта "житейская проза", если её так легко утопить в вине. Впрочем, не только в вине, конечно. Иначе был бы он обычным алкоголиком, которых у нас миллионы. А для Аркадия и помимо банальной выпивки ещё есть куда "уйти" из жестокой и серой действительности — в песни. Николай Браун рассказывал, что Аркадий когда-то в молодости говорил ему, что в этой жизни совсем мало просвета, и что для него он только в песнях. Буквально все, слышавшие Северного "живьём", вспоминают, что Аркадий пел не только голосом, но и сердцем. Владимир Мазурин рассказывал Михаилу Шелегу: " Как он пел! Как он выкладывался! Иногда даже слёзы на глазах появлялись. В такие моменты думалось: ну почему мы так живём? Почему должны прятаться? Ведь вот она — русская душа, во всей её полноте, открытая и больная, светлая и радостная…" И не только

пел. Владимир Ефимов вспоминал, как однажды в 1976 году Аркадию удалось каким-то чудом, при попустительстве администрации, выступить в ресторане вокзала "Новый Петергоф": "Там даже так и объявили: "Выступает Аркадий Северный!" И пел он под дикий вой восторженной публики. Только пел мало, у него не было с собой текстов, а на память он знал немного. Но те песни, которые помнил наизусть, он сделал изумительно! Когда он пел "Как-то по проспекту", бешеная экспрессия была не только в голосе, но и в мимике, жестах… он держался, как настоящий артист!" Впрочем, почему — "как"? Ведь Северный, по сути, был самым настоящим Артистом, с большой буквы. А то, что не было у него в трудовой книжке соответствующей записи — так это уже совсем другой вопрос…

И вот, пока Аркадий пытается с помощью вина решить все свои проблемы, Сергей Иванович Маклаков решает, наконец, и сам организовать его концерт с "Братьями Жемчужными". Тем более, что появились уже иногородние эмиссары с просьбой привезти Северного в Одессу. А им и отказать нельзя, да и соглашаться особо не хочется. Можно и самому, конечно, поехать вместе с Аркадием, но как быть с работой? Да и от супруги добро трудно будет получить. Она и в Питере-то никогда не одобряла их посиделок с Северным, а тут — вдвоём в другой город. И "что-то получилось так, что у нас получился град с дождём, потом пошёл снег, отняли у нас билеты…" Короче, проще будет в Питере записать, а одесситам песню какую-нибудь посвятить, чтобы им не так обидно было. Ну, не получилось в этом году! Вот в следующем — ждите. А пока: "Давай, Коля, сделаем что-нибудь! Собирай ребят".

И вот, в апреле 1976 года выходит в свет очередной концерт "Братьев Жемчужных", известный среди коллекционеров, как "Седьмой" или "Поговори со мною, мама", — в честь одного из самых оригинальных "номеров" концерта. И по праву — Аркадий сотворил с этой вполне приличной эстрадной песней такое, что пересказать невозможно. Надо только слушать. Впрочем, и остальные песни этого концерта Аркадий выдаёт с тем же совершенно "отвязным" драйвом, независимо от их стилистики. А репертуар там состряпан довольно-таки пёстро. Маклакова, в отличие от Фукса, особо не волнуют музыкально-литературные изыски. Весело получилось? — уже неплохо! А от рюмки выпитой или от песни спетой веселье — какая, впрочем, и разница-то! Это ж вам не конкурс "Алло, мы ищем таланты" на Центральном телевидении.

Концерт этот примечателен также и тем, что послужил поводом для ещё одной записи. Вот что вспоминает об этом

Владимир Ефимов: "Копии этого концерта быстро разошлись. И когда одна из них попала к Фуксу, он зашёл ко мне и с грустью сказал: "Старик, Маклак нас обскакал. Он записал Аркадия с ансамблем на квадро." После этого я раздобыл статью, как сделать магнитофон высшего класса, и я его таки сделал". Конечно, в том, что "конкурирующая фирма" Фукса почти моментально узнаёт об этой записи, ничего удивительного нет. Гораздо более примечательным представляется нам тот момент, что вопрос о "лидерстве" у питерских деятелей подпольной звукозаписи, как видите, целиком находился тогда в области технического обеспечения! О преимуществе того или иного репертуара речь, по-видимому, вообще не шла, — поскольку ещё не использованные резервы советской неподцензурной песни казались тогда воистину бесконечными. То же самое можно сказать и о музыкальном сопровождении. Произведённые записи наглядно показали, что с профессионалами из питерских ресторанов можно делать самую разнообразную и интересную музыку. Ну, а Северный — он всегда Северный. Так что Фуксу нужно было решить только технический вопрос, для того, чтобы теперь уже в свою очередь "обскакать" Маклакова. И как только Ефимов с этим вопросом справляется, Фукс готов делать новую запись.

Состоялась она также весной 1976 года, и в уже известном нам актовом зале "Ленпроекта". Разумеется, Фукс не удерживается от того, чтобы посвятить её "конкурентам": "Посвящается Сергею Ивановичу, Дмитрию Михайловичу, Володе Мазурину…" Кстати, эта часть вступления сохранилась лишь в незначительном числе имеющих ныне хождение фонограмм. Кто, когда, и с какой целью её вытер — остаётся только гадать. Зато другая часть всем прекрасно известна, ведь именно она дала имя этому концерту — "Памяти Кости-аккордеониста". Того самого Кости, при участии которого была произведена первая запись с Сашей Резником, и который трагически погиб менее чем через год после неё.

Музыканты на это мероприятие приглашаются в основном те же, что были на "Первом одесском", однако Владимир Васильев решает, что концепцию "одесского джаза" надо творчески развивать, и приглашает в состав ансамбля ещё один смычковый инструмент — виолончель. А кроме того, Рудольфу Фуксу приходит в голову идея сделать из этой записи настоящий концерт! Для чего в зал приглашается несколько десятков человек "публики" (своей, разумеется); а Аркадия обряжают в тельняшку и канотье и снабжают бутафорским пистолетом. "Натуральный бандит"! А как же иначе? Ведь мы снова-таки в "Одессе".

И именно про неё звучит первая песня, написанная Фуксом специально для этого концерта:

Никто не спорь со мной, я человек упрямый, Такого города на свете не сыскать, Недаром все его зовут "Одессой-мамой", А слово "мама" надо понимать!

А после этого начинается и впрямь почти театральное действо. "В этом концерте меня сопровождает мой любимый ансамбль под названием "Четыре брата и лопата". Следующая песня как раз и посвящается музыкантам, сопровождающих меня в данном путешествии по старой Одессе…" Разумеется, у ансамбля, уже не в первый раз аккомпанирующего Аркадию Северному, должно быть имя! [9] Вот Рудольф Фукс и присваивает ему это звонкое прозвище, взятое из одесского фольклора — не то из анекдота, не то просто из какой-то идиомы. А дальше оказывается, что эти "четыре брата" — герои знаменитой одесской песни про свадьбу в доме Шнеерсона — Насума, Лёва, Хаим, Абраша… А лопата, впрочем, все, безусловно, помнят это, ставшее уже классическим и крылатым объяснение Аркадия. "Лопата таки, вероятно, это я. Потому что перелопатил все одесские песни!"

В общем, это действительно самое что ни на есть "путешествие по старой Одессе". Каковым, собственно, и задумывался этот концерт.

Владимир Ефимов вспоминал, как они с Рудольфом составляли программу этого "путешествия" — подбирали песни, старались выстроить их в какой-то логической последовательности, сочиняли пояснительные реплики, пытаясь как-то связать песни и сделать концерт цельным произведением. И хотя сценарным, как памятные "Музыкальные фельетоны", этот концерт не стал, но "путешествие", тем не менее, получилось. Несмотря на то, что подавляющее большинство исполняемых здесь песен уже пелось Аркадием ранее под гитару, но в таком стильном музыкальном сопровождении, под этот знаменитый "одесский джаз", они действительно прозвучали очень колоритно.

И вот — концерт закончен, и Северный произносит свои прощальные слова: "Ждите меня таки в гости в Одессе, а Косте… Царство ему Небесное! Пусть ему земля будет пухом! Спасибо за внимание! До новых встреч, дорогие товарищи!"

Но в Одессе Северного на этот раз так и не дождались, потому как. Фукс и Северный решают продолжить "делать Одессу" в Питере.

У них уже готова программа ещё одного концерта, который состоялся в начале лета опять же в "Ленпроекте". А вот ансамбль, играющий в этом концерте, оказался не совсем обычным! Ефимов

на этот раз в организации записи не участвовал и поэтому пришлось пригласить уже тесно сыгранный коллектив "фуксовских" "Жемчужных" — Архангельского, Маслова и Фёдорова. Но оказалось, что на этот раз им предстоит сыграть в другой роли, и выступить под другим именем. Поскольку Фукс решает продолжить свой выдающийся проект, и сделать очередной, третий по счёту, "одесский концерт", то и ансамбль, разумеется, должен носить уже заявленное ранее название "Четыре брата и лопата" и никакое другое! Но какой же "одесский концерт" и "Четыре брата" без колоритнейшего пианиста Александра Резника?! И, конечно, за клавиши приглашают именно его.

Усилия организаторов и музыкантов не пропадают напрасно, и "Третий одесский" оказывается очень своеобразным концертом. В первую очередь уже тем, что он хоть и "одесский", но по репертуару очень мало похож на предыдущие концерты этой серии. Одесской, да и вообще блатной классики здесь совершенно нет: концерт по крайней мере на три четверти состоит из песен, написанных Фуксом (причём, в черновом сценарии этого концерта, сохранившемся у Рудольфа Израилевича, оригинальных песен было запланировано раза в два больше!). В том, что у Фукса хорошо получаются стилизации под блат, или за Одессу-маму, можно было убедиться уже не один раз, — а в этом концерте его талант разворачивается во всю мощь:

Вернулся-таки я в Одессу,
Иду-таки подобно бесу,
И пяточки о камешки чешу,
Подмёточки таки сопрели,
Колёса таки еле-еле
На пятках моих держатся, но я спешу…

А следом — ещё целый "залп" замечательных песен: "Милости просим", "Дядя Ваня", "Скокарь", "Я родился на границе", "Сидели мы с керюхой". впрочем, пришлось бы перечислять все песни этого концерта! Они моментально становятся народными, подхватываются и исполняются в самых разных концах Союза. Конечно же, этому в большой степени способствует и мастерское исполнение Аркадия. И музыка. Ведь это "Четыре брата", и, разумеется, это опять он — классный одесский джаз! С неповторимым колоритом и шармом, и тем же самым "эффектом присутствия" в старой Одессе. Под такое дело песни были просто обречены на успех. Да и в технике игры новые коллеги Резника не подкачали, и в этом концерте вновь звучат сложные и красивые

аранжировки, на высоком уровне сыгранности — не "из-под волос", как говорят джазмены. И, как уже стало традицией у "Четырёх братьев", после каждого куплета идут довольно большие проигрыши. Музыканты действительно постарались, чтобы советские люди могли послушать эту музыку, которую в СССР никто тогда не играл.

Да и сам Рудольф Фукс очень высоко оценивал этот концерт, и, по воспоминаниям современников, говорил: "Я сам на себя удивляюсь — что мы сделали!". Мы же не рискнём присваивать этому концерту какие-либо "превосходные" эпитеты, но, тем не менее, признаем, что он вошёл в число лучших образцов классики советской неподцензурной песни.

Однако, надо сказать, что далеко не во всех затеях Фукса Северному удавалось принять полноценное участие. И если "зигзаг" с концертом памяти Вертинского ещё объясним творческими экспериментами, то в концерте "На проспекте 25-го Октября" Аркадий "пролетает" совсем по иной, банальной и печальной, причине. А ведь задумано опять было совсем неплохо — "нэпманский" концерт, из тех самых песенок, про которые когда-то сам Северный говорил: "Что-то мы уклонились от блатной лирики в сторону салонно-мещанских романсов.". Фукс пишет художественное вступление, сочиняет несколько песен, собирает вместе с Виктором Кингисеппом музыкантов, — а это тоже оказывается непростым делом. После гибели в автокатастрофе Леонида Вруцевича от записей в "Ленпроекте" пришлось отказаться, и решили записывать дома у Драпкина, на Среднем проспекте Васильевского Острова. К музыкальному сопровождению Фукс подходит творчески: несмотря на то, что у Драпкина дома стоит пианино, его решают не использовать. Фоно прекрасно шло в музыке "одесских концертов", а здесь-то нас приглашают в Питер времён НЭПа! Должен же он отличаться от Одессы. Но электрооргану в "двадцатые годы", по своей сути, делать нечего, поэтому приходится теперь Владимиру Лаврову играть на аккордеоне. Драпкину же остаётся только взять в руки гитару. Но вот музыканты всё-таки собраны, можно начинать. а где же Аркадий?

"… А Аркадия нет и нет. Время идёт, и пришлось мне самому начинать. Хотя первую песню "В этот вечер на проспекте" должен был петь Аркадий. Вскоре и он явился… Вообще никакой. Положили его спать, так там и в концерте говорится: "Аркадию Северному, который спит за шкафом…" — вспоминает о событиях того вечера сам Рудольф Фукс. В итоге Аркадий спел одну-единственную песню — "Блины", растянув её до невозможности, совсем не в соответствии с режиссёрскими задумками. И, видимо,

в результате подобных казусов Фукс в какой-то момент убеждается, что на тот уровень, который был достигнут в "одесских концертах", выйти не получается, а делать хуже — не имеет смысла; и решает пока отложить записи с Северным до лучших времён. Увы, для Рудольфа и Аркадия такие времена уже не наступят. Эта страница творчества Северного закрывается — великолепно задуманная и исполненная одесско-блатная легенда навечно останется в золотом фонде классики жанра, но продолжена больше не будет.

И здесь мы вынуждены прервать ход нашего повествования и извиниться перед читателями за следующее отступление. К сожалению, нам так и не удалось восстановить полностью хронологию — даже не жизни Аркадия Дмитриевича Северного — а хотя бы основных её событий… Столько лет прошло! "Иных уж нет, а те далече". Люди, которые близко знали Аркадия и часто общались с ним, зачастую уже не только не помнят конкретных дат, а подчас сомневаются, происходило ли вообще на самом деле то или иное событие. Поэтому просим простить нас за то, что в этом и других местах вам будут попадаться фразы наподобие "примерно в это время". А мы, в свою очередь обещаем постараться сделать так, чтобы этих "неопределённых времён" было как можно меньше.

Итак, примерно в это же время "Братья Жемчужные" лишаются своего лидера: Николай Резанов уезжает из Питера на заработки в Сочи, играть в ресторане "Кавказский аул". Для Сергея Ивановича это ощутимая потеря: ведь Николай выступал не только гитаристом и аранжировщиком, но и, в какой-то мере, организатором — именно он почти всегда собирал музыкантов в ансамбль. Но Аркадий всегда готов петь для друга Серёги, и новый концерт не заставляет себя ждать. За дело берётся басист "Жемчужных" Слава Маслов. В результате в ансамбль подписывают какого-то гитариста, никогда не участвовавшего в составе "Братьев" ни до, ни после этой записи, а также загадочного солиста с явно "зековскими" вокальными манерами, ни имя, ни происхождение которого никто уже вспомнить не может. И вот на квартире самого Маслова новый состав ансамбля записывает вместе с Северным очередной концерт "Проститутка Буреломова".

Название этот концерт получил опять-таки по первой песне. И, таким образом, у нас возникла возможность сказать несколько слов об её авторе — Александре Лобановском. Это имя многие годы было под запретом, хотя его песни звучали по всей стране. Автор "Баллады о свечах" и "Сенокоса" прошёл стандартный для неофициального сочинителя путь: заключение, работа грузчиком

и смотрителем кладбища, пение в ресторанах Воркуты. Его тексты постоянно пелись многими исполнителями тех лет: Крестовским, Беляевым и, само собой разумеется, Северным и "Братьями Жемчужными". "Солнечный бард" прославился в основном лирикой, а также песнями, как он их сам характеризует, "сексуально-эротического" плана. Темы для которых он, по собственному признанию, находил во взаимоотношениях со своими многочисленными жёнами и подругами. "Буреломова" как раз этому пример:

Осенний вечер в коже хромовой
"Взгрустнулось что-то" — шепчет в бороду,
А проститутка Буреломова,
Прищурив глаз, идёт по городу.

Но название "Проститутка Буреломова" концерт получил уже позже, кто-то из коллекционеров обозвал так для ясности. А сами организаторы его никак не назвали, хотя начало построили довольно-таки художественно. Почти как у Фукса. Причём с одним очень крутым, но очень скрытым намёком! Который поняли даже не все питерские, а в других городах — и подавно. Речь идёт о бывшем особняке графа Растопчина по улице Восстания, дом сорок пять. Мы не знаем, остались ли там от былого великолепия мраморная лестница и белый концертный рояль, о которых говорил Аркадий, потому что Бог миловал нас от посещения этого здания. Ибо в то время там находилась. кожно-венерологическая больница! Вот так Северный и товарищи подшутили над современниками и над потомками. А заодно и над Сашей Лобановским.

Но в итоге концерт получился довольно странный. Во втором отделении "Буреломовой" Северный непонятным образом куда-то исчезает, и музыканты добивают ленту сами, обычным фольклорным блатом. Что же там случилось? Сергей Иванович Маклаков вспоминал, что на одной из записей появился Д. М. Калятин, и сорвал её, разругавшись с Аркадием до драки. И было это, по словам Маклакова, именно на квартире у Маслова. Но вполне возможно, что к этой записи можно отнести и воспоминания Софьи Калятиной: "Был какой-то концерт, я не пускала туда его. Потом поехала за ним. Захожу: в одной комнате записывают Аркадия, а, время от времени, кто-то выбегает в другую, отламывает кусок капусты, и дальше. Тогда произошёл скандал, потому что я сказала: "Аркадий, уходи отсюда". — Они мне: "Какое ты имеешь право?" — А я им: "Какое вы имеете право, он еле на ногах стоит, а вы его капустой кормите!" Аркадий встал

и пошёл. В общем, скандал! Как же — сорвала концерт, не дала денег заработать им. Что это были за ребята — не знаю, но что не Маклаков, не Раменский — точно. Какие-то совершенно незнакомые мне".

Впрочем, надо признать, что всё это, наверное, уже не столь интересные подробности из жизни Северного, на которых следовало бы подробно останавливаться. Ну, а срыв концерта, какая бы причина ему не была, особо и не огорчил организаторов. Ведь, судя по всему, столь дефицитную в те годы ленту совершенно не жалели. Начиная с первой половины 1976 года, качество записей под маркой "Братья Жемчужные" начинает всё более и более подменяться количеством. Дело доходит до того, что некоторые записи совершенно сознательно уничтожаются или не получают распространения по причине того, что их качество никого уже не устраивает. Ни звукооператоров, ни самих музыкантов и исполнителей. По самым разным причинам — как объективного, так и субъективного свойства. И вот, для того, чтобы читатель лучше понял и прочувствовал ту атмосферу, в которой делались эти записи, мы попросили поделиться своими воспоминаниями некоторых музыкантов, игравших в то время. Сейчас, по прошествии стольких лет, это, конечно, видится несколько по-другому. Но, тем не менее — **Евгений Драпкин:**

> "Подготовки к записям обычно никакой не было. Приезжали мы обычно с утра, не к шести часам, конечно, а часам к 10–11. Коля Резанов или Маслов тут же издавали клич: "Похмеляй оркестр!" Сразу появлялись заранее припасённые бутылки портвейна, и пока артисты не принимали по паре стаканов, никакого разговора о музыке быть не могло. Ну, а к концу концерта никто уже вообще лыка не вязал, включая и тех, кому пить-то и не положено было, то есть наших так называемых звукорежиссёров… Я в то время много записывался с нашим институтским хором на радио, телевидении, и на пластинки, так что я хорошо знал, что такое студийная запись, и что на студии должно происходить. На записях "Жемчужных" ничего подобного и в помине не было!.. А самая большая проблема была тогда, когда Рудик приносил свои собственные песни, или просто стихи, и приходилось тут же, на лету, подбирать на них мелодии, аккомпанемент и т. д. Что из этого получалось, слышно на записях — кто в лес, кто по дрова. Недавно я переслушал "Четвёртый концерт "Братьев Жемчужных"… Если первая часть там ещё хоть на что-то похожа, то во

второй… Чем дальше от начала, тем страшнее, портвейн уже должен был литься из ушей, чтоб так петь и играть. Мне искренне стыдно за то, что мы там вытворяли. Но, с другой стороны, ещё больше должны стыдиться устроители концерта — Маклаков и Фукс. Вместо того, чтобы подготовить запись заранее, они притащили ящик портвейна, — результаты, как говориться, налицо. Когда мы просто играли наш репертуар из "Корюшки", так это ещё не особенно было заметно, но вот когда играли новые для нас песни Рудольфа, когда и мелодии-то не было, и её приходилось на ходу придумывать, — вот тогда, конечно, вся эта пьянь вылезала наружу. Я обычно в этих сочинительствах на ходу участия не принимал, мне как-то стыдно было позориться. Тем не менее, это происходило каждый раз, хотя я много говорил Рудику, что к записям надо подходить более серьёзно, и всегда предлагал свою помощь. Единственный раз, когда она была принята — это на концерте "Памяти Вертинского", так его и слушать приятно".

Владимир Лавров:

"… Надо сказать, что настоящих репетиций мы не делали. Черновой прогон — в лучшем случае, а то и без него. Проигрыши мы решили играть, ориентируясь на Аркадия. Он пропоёт пару куплетов, потом даёт кому-то отмашку… На записях иногда слышно, как он говорит, кому делать проходочку. Это была даже не импровизация, а просто вариации. После двух-трёх куплетов уже ясно было, в какой стилистике делать проигрыш. Правда, помню, Славка заглядывал мне через плечо, смотрел в какой гармонии я буду играть. Хотя вся эта музыка, городской романс, делается по стандарту — два запева, два припева, музыкальный отыгрыш, третий куплет, и кода. Гармоническая основа тоже одинаковая: тоника, доминанта, потом тоника, субдоминанта и доминантой давится. В лучшем случае — шестая ступень… Ладно, не буду пугать вас музыкальной терминологией. В общем, так мы обходились без нот и цифровок. Я говорил гитаристу: "Повернись грифом ко мне"; вижу аккорд, и уже ясно — в какой гармонии играть. Но просто аккомпанировать было неинтересно, я всегда хотел добавить что-то своё, проявить индивидуальность. Нравилось мне, к примеру, использовать эффект виброфона. Да это и слышно на

записях. Может быть, и с перебором… Шпарю на органе, прямо как человек- оркестр, другим музыкантам ничего и не вставить.

Хоть я и не увлекался блатом, но нельзя сказать, что исполнял эту музыку неохотно, только чтоб отработать. Но, конечно, не так, как Резанов, или Славка Маслов! Они искренне увлекались этой музыкой, у Славки аж глаза загорались, когда он играл и пел. Резанов тоже пел с азартом, но, что интересно, аккомпанемент при этом делал без особых вариаций. Было видно, что всё это у него уже сто раз отыграно и обкатано. Мы вели себя более вульгарно…"

И, наконец, сам **Николай Резанов:**

"Оркестровок не было классных, потому что мы этим и не занимались. Всё игралось сразу, спонтанно. Мне, наоборот, всегда было стыдно как-то за это музыку, потому что всё это делалось "из-под волос", там много всяких огрехов. Сели и сыграли. Но, всё-таки, дух там какой-то есть, что-то получилось".

Что было — то было.

А Северного вся эта концертная суета вполне устраивает. Тем более, что примерно в это же время он оставляет последние попытки устроиться на работу: "без работы — и плевать, на песнях больше заработаю!" Хотя на самом деле — не больше, а меньше почти всегда получалось. Больше водки — вовсе не означает, что больше денег. А иногда и вообще денег не давали. Да дело-то и не в деньгах, по правде сказать, а в самой атмосфере, и главное — "я пою, и всем это нравится!" А что будет завтра. не всё ль равно?

Теперь, конечно, мы можем только гадать: сознавал ли тогда Аркадий Северный, что он окончательно выбирает для себя тернистый путь подпольщика? С одной стороны, конечно, должен был сознавать. Сознавать хотя бы то, что кроме подполья петь-то ему больше просто негде! Совершенно ясно, что советская партийная "культура" не выпустила бы его не только на большую эстраду, но даже и на самодеятельную. И не за репертуар даже, а за одну только манеру исполнения. Слишком оригинальных у нас никогда не любили. Да он бы, наверное, и сам туда не пошёл! Ведь хочешь, не хочешь, — пришлось бы петь советские песни. Многие люди, знавшие Аркадия, вспоминают, что он резко отрицательно относился к таким, "краснопёрым" песням — как он сам их называл. И вряд ли бы захотелось ему той двойной жизни, которая в СССР становилась тогда уже почти что нормой, — когда

"официально" поёшь, говоришь или пишешь в лучшем случае только то, что можно, а в худшем — то, что нужно. А потом, на кухне, вполголоса — то, что хочется. Но, может быть, Аркадий вовсе и не думал о таких высоких материях. Однако, как бы то ни было, но факт остаётся фактом: всю свою творческую жизнь он связал (вынужден был связать?) с музыкальным подпольем. А уж насколько ему удалось реализовать в нём свой талант — это вопрос весьма сложный и неоднозначный. Там, конечно, не было никакой цензуры, но были свои прелести и заморочки. Сейчас мы не будем на этом останавливаться, но в ходе дальнейшего повествования обратимся к этой теме ещё не раз.

А пока Аркадий Северный просто продолжает делать то, что нравится и ему и окружающим, — петь. Но "петь" и "пить" синонимы отнюдь не для всех, и 8 июля Софья Калятина официально оформляет развод со своим мужем. Причина банальная — постоянные пьянки. Дмитрий Михайлович и раньше любил это дело, а после появления нового "жильца", ведущего к тому же "богемный" образ жизни, всё это постоянно происходит на глазах жены. Кто ж выдержит такое? Софья Григорьевна практически переселяется на дачу в Сестрорецк, а Дима с Аркадием остаются в Питере.

Тем временем, концертная деятельность продолжается. Вскоре после "Буреломовой" ещё одну запись организуют Сергей Иванович Маклаков и его товарищ Владимир Мазурин — радиоинженер, принимавший участие почти во всех записях Аркадия с "Братьями Жемчужными", начиная с самой первой в апреле 1975 года. Но на сей раз это не концерт, а "Творческий вечер популярного ленинградского песенника Аркадия Северного"! Правда, чем же он, собственно, отличался от обычного концерта — знают только организаторы. Состав на этот раз собрался традиционный, без масловских экспериментов, да и без самого Маслова. Северный поёт здесь свои обычные, старые песенки; и "Вечер" этот, пожалуй, более примечателен тем, что Александр Кавлелашвили выступил вдруг от имени уже изгнанного из страны врага народа — Галича! Что это значило в те времена — объяснять не нужно. И ещё: на этом концерте впервые прозвучало имя одной таинственной личности — Тамара-Джан (иногда, правда, её называли и Тамара- Ханум). Дошедшие до нас сведения о ней весьма противоречивы, однако все сходятся в том, что это была, выражаясь современным языком, очень крутая деловая женщина. Об её возможностях достаточно ярко говорит хотя бы тот факт, что один из концертов Северного она снимала на видео! К сожалению, обнаружить эту запись до сих пор не удалось. Но ещё интереснее, пожалуй, то, что именно

Тамаре-Джан принадлежит первая "историческая оценка" творчества Аркадия Северного! Разумеется, талант Аркадия был очевиден для всех окружающих (иначе б и не записывали.), и Тамара-Джан говорила об этом, по словам Софьи Калятиной, может быть, только чуть восторженнее других: "Мы все перед тобой земные ничтожества, а ты войдёшь в историю." Но однажды она сказала той же Калятиной то, о чём в семидесятых ни у кого и мыслей не было: "Увидишь, о Северном ещё будут писать книги!" Так оно впоследствии и произошло. Что для многих (да и для нас самих) было весьма неожиданно.

А через некоторое время после "Творческого вечера" за организацию новой записи берётся коллекционер, хорошо знакомый и с Маклаковым, и с другими деятелями "подпольной звукозаписи" — Николай Гаврилович Рышков. "Великий косарь" — так называли его за способность моментально делать большие деньги на записях. Он ещё с первых плёнок Северного понял, насколько перспективно и ценно сотрудничество с Аркадием. Именно он и организует в августе запись "Юбилейного концерта" ансамбля "Братья Жемчужные". Аркадий Северный в очередной раз "только что вернулся с БАМа", и "Жемчужные" делают с ним этот концерт. Но почему "Юбилейный"? — об этом до сих пор строят различные версии. Начиная с самой прямолинейной — что, мол, название было придумано просто "от балды". Тем же, кто не был удовлетворен таким объяснением, оставалось только считать концерты, начиная от того памятного декабря 1974 года. и "Юбилейный" действительно оказывался где-то в районе десятого. Правда, при очень больших допущениях и вольностях в расчётах. Но, может, разгадка лежит совсем не там, а. рядом с домом, где жил Николай Гаврилович?! В соседнем здании на Свердловской набережной, где находился универмаг "Юбилей"? Может, именно тогда произошла у Аркадия и Рышкова весёлая история, связанная с этим универмагом, и описанная в книге Михаила Шелега:

"Рыжков с Мазуриным взяли Северного под руки и силком повели в универмаг "Юбилей", что на Охте.

> — Девочки, — обратился Рыжков к продавщицам, выкладывая на прилавок деньги, — вы видите этого молодого человека? Его нужно одеть! Начиная с ботинок и заканчивая шляпой. А мы пока пойдём покурим к Неве.
>
> Через полчаса из универмага вышел Аркадий, одетый во всё новенькое: костюмчик, туфли, сорочка, галстук, и на голове — чёрная шляпа! В руках он держал свёрток — там была старая одежда.

Написание фамилии Николая Гавриловича приводится здесь в соответствии с исходным текстом М. В. Шелега. Однако оно не является правильным — согласно сохранившимся документам, правильное написание — Рышков.

Надо бы её в химчистку отнести, — улыбаясь, сказал Северный.

Сама доплывёт! — отвечал Рыжков и, выхватив свёрток, выбросил его в Неву". [10]

Случай, действительно, запоминающийся. Да и ближайший к дому Рышкова винный отдел находился именно в этом универмаге. Ну, так почему бы концерту, записанному в перерыве между походами в "Юбилей", не присвоить имя "Юбилейный"! Нам кажется, что в этой версии есть, по крайней мере, хоть какая-то логика.

Но, как бы там ни было, название оказалось вполне подходящим для этого концерта. Ансамблем "братьев Жемчужных", действительно, был уже пройден большой творческий путь, и "юбилейное мероприятие" проводится на достойном уровне.

О-ё-ёй! Да мы ребята все "Жемчужные"!
О-ё-ёй! Для вас сыграем и споём!
Мы живём одной семейкой нашей дружною,
А ну, давай! Давай-ка скуку разовьём!

Хоть бей меня, хоть лей в меня,
Мы будем петь для вас!
Хоть режь меня, хоть ешь меня,
Пришёл теперь наш час!

Алик Кавлелашвили опять сидит за роялем, и на этот раз "Братьям" удаётся сделать достаточно интересную музыку. Это вновь стилизация под ресторанный джаз, но совсем уж старинный и камерный. И это несмотря на то, что здесь спето немало современных песен. Кроме того, "Братья" изобразили в некоторых песнях модный когда-то "джаз-гол" — то есть вокальный джаз, с игрой на губах, как у Утёсова в "Весёлых ребятах", или у популярного в 40-х годах ансамбля Владимира Канделаки. В этом деле поучаствовал и сам Н. Г. Рышков, а, кроме того, он даже спел целую песню — "Пёс". Ну, и как положено в добром кабачке, к концу концерта "скрипач таки у нас сегодня, как всегда, напился",

а Аркадий — "ещё не совсем, но тоже — скоро". И поэтому они делают очень весёлую пьяную композицию из частушек и прочего. Что примечательно, в ней впервые у "Братьев Жемчужных" появляется женский вокал, причём именно той самой Тамары — то ли Джан, то ли Ханум. Заявленной, правда, при этом "двоюродной сестрой Алёши Димитриевича"! Разумеется, это из ряда всё тех же мистификаций Северного. Но если с "личными встречами" Аркадия и Алёши, о которых мы уже писали выше, всё понятно, то другие, не столь очевидные, "сказания" всё-таки до сих пор некоторыми воспринимаются всерьёз. Например, о связях Аркадия с советскими родственниками клана Димитриевичей, каковыми называли себя довольно многие из поющих цыган. На это мы можем только заметить, что об участии цыганских музыкантов в концертах "Жемчужных" 70-х годов нам ничего не известно. Цыганским у ансамбля было только имя, а про "этнический состав" есть свидетельство Н. С. Резанова: "У нас цыган не было никогда. Больше евреев было".

Почти одновременно с Рышковым организует записи Северного на своей квартире и Калятин: "Новая серия с ансамблем "Светофор". В прошлом году он уже пытался создавать "Новые серии" из гитарных концертов певца. Теперь он, наконец, затевает то же самое с музыкантами. Однако серьёзными связями в музыкальном мире Питера Калятин, по-видимому, не обладал, поэтому ансамбль он собирает из тех, кто есть "под рукой". В одном из этих концертов принимает участие скрипач Женя Фёдоров, — уже известный нам один из "Братьев Жемчужных". Пианистом, по словам самого Калятина, был директор концертного зала "Юбилейный", что лично нам кажется довольно сомнительным фактом. А Иосиф Щеглов нашёл контрабасиста, своего приятеля."… Он пока свой контрабас из такси вытаскивал — чуть не надорвался. Я спрашиваю у Щеглова: "Иосиф, ты где такого кадра откопал?" Он мне: "Это мой лучший друг". В общем, этот лучший друг ни разу в ноты не попал, а как выпил — вообще забросил свою бандуру", — так рассказывал потом сам Дмитрий Михайлович.

Тем не менее, у Калятина получается достаточно интересное мероприятие: ему хочется действительно сделать свой проект и своего Северного. Ведь ещё в тех гитарных "калятинских" концертах сложилась новая, лирическая традиция творчества Аркадия. Отчего ж не продолжить её в оригинальном оркестровом проекте? Правда, никаких "находок" в музыкальном сопровождении этих концертов нет: оно оказалось незамысловатым, а в одном из концертов Северный поёт под аккомпанемент практически одного только пианино. Оценивать

это можно по разному: сегодня в этой изящной простоте видится своего рода шарм, тогда же оно могло показаться и примитивным уже избалованному техническими наворотами слушателю. Гораздо более интересным выглядит репертуар. Как и следовало ожидать, он сделан полностью в соответствии со вкусами и наклонностями Дмитрия Михайловича. И в общей лирической направленности, и в деталях. Калятину очень нравились песни на стихи Есенина в исполнении Аркадия. И вот в концерте со "Светофором" звучит немало есенинщины. Причём, это в основном песни на народные мелодии, а не "эстрадный" Есенин, которого можно было часто услышать в концертных залах филармоний.

Что ж, прошло всего чуть больше года с тех пор, как Северный "вышел на большую эстраду", то есть, стал записываться под оркестр. И вот уже сделано столь много интересных и разнообразных концертов! Выражаясь газетными штампами тех времён, здесь можно было бы говорить о "значительном явлении в культурной жизни советского народа". хотя, конечно, ни одна советская газета о Северном не писала ни строки. Даже ругательной — к концу 70-х годов идеологическая гвардия товарища Суслова предпочитала в большинстве случаев замалчивание, а не ругань. И была, безусловно, права: в нашем "разболтавшемся" народе уже сложилось мнение, что коммунисты ругают только хорошее. Впрочем, речь сейчас не об этом.

Каким же "явлением" оказался Аркадий Северный? Он уже давно вышел за рамки староодесского или блатного образа и стал. Но кем же он, собственно, стал — сказать так же трудно, как и квалифицировать сам Жанр! Ведь благодаря нашей советской действительности в категорию "запрещённой" или "незалитованной" песни, как мы уже говорили, сливались произведения самых разных жанров. И у Аркадия, а также у всех его "импресарио" был только один чёткий критерий отбора — "то, что не поют по радио". Сам Аркадий, с его беззаветной любовью к пению, готов петь всё, что угодно, кроме тех самых "краснопёрых" советских песен. А импресарио подбирают для него песни, руководствуясь своим вкусом. но чаще — просто наличием "материала". А тому, что получалось в результате, можно дать только субъективные оценки. Вы вполне можете определить сами: в чём наиболее удачен был артист "неофициальной эстрады" и мастер уличной песни — Аркадий Северный.

И, конечно, такая, постоянно растущая известность Северного всё больше и больше вызывает у коллекционеров из самых разных городов желание заполучить его к себе "на гастроли", о чём мы уже писали выше. И хотя теперь достаточно точно известно, что в

1976 году Северный ещё так никуда и не выбрался с гастрольными "турами", но рассказы о такого рода приглашениях, имевших место и в это время, тоже достаточно интересны. Например, Владимир Лавров вспоминал о таком эпизоде: "Единственная встреча с Аркадием вне записей была у нас только однажды. Аркадий заехал ко мне домой, на Лужскую, 4. Причём, заехал с утра, часов в восемь. Он был не один, привёл с собой какого-то товарища, все руки в наколках; представил его так: "Этот шкет со мной". Пришёл он, конечно, с водочкой, что тем утром оказалось весьма кстати. Однако, сам пил мало, больше мне подливал. А приехал Аркадий за тем, чтоб уговорить меня ехать в Воркуту! Он сказал, что сам собирается туда на заработки, ему, мол, предложили огромные бабки…" При этом надо заметить, что сам Лавров нисколько не сомневался в реальности такого приглашения Аркадия Северного в один из славных городов Советского Заполярья. Там, по словам Лаврова, в то время работали многие известные питерские музыканты, в том числе и знакомые Аркадия — Вячеслав Волосков и братья Мансветовы. Но вот насколько серьёзно сам Аркадий отнёсся к такому предложению, мы можем только гадать. По крайней мере, уговорить Лаврова Аркадию не удалось, и по этой, или какой-то другой причине, "оправдать свою гордую фамилию — Северный" воркутинскими гастролями ему не довелось.

Но вернёмся к Дмитрию Михайловичу и Аркадию Дмитриевичу. После "Светофора" у них наступает период вынужденного безделья. Записываться не с кем: искать и организовывать концерт с каким-то новым ансамблем просто в лом, а возвращаться к гитарным записям как-то и неинтересно уже… К тому же и личные отношения у них совсем уже портятся. И, в какой-то момент, Аркадий бросает сотоварища и едет в Сестрорецк к Софье Григорьевне. Вот как она сама рассказывала об этом:

> "Мы уже были с Димой разведены, и я уехала на дачу в Сестрорецк. А Аркадий остался. И вот однажды он приезжает и говорит: "Софа, я не могу больше там быть. Я просто погибну, он [11] *спаивает меня. Можно я хоть несколько дней здесь у тебя побуду?" Я согласилась. Он переночевал. На следующий день приезжаю с работы. Сидим с Аркадием на диване, я вот так, прислонившись к нему, — смотрим телевизор. Вдруг врывается Димка, и драться на Аркашку. Завязывается драка. Прибегает хозяйка, и начинаются объяснения… "В общем, — говорю — Аркашка, поднимайся, и поехали домой". Выходим, а*

там Димины приятели и Димка им говорит: "Как вам нравится? Захожу в комнату, а они в кроватке". Я подошла к нему и как дам по морде: "Ты что, скотина! Ты что делаешь?!" Приехали сюда, уже были ребята мои: Серёжка, невестка. А Димка приехал за нами следом. Я говорю: "Что тебе надо? Я не собираюсь за него замуж, я просто с тобой таким жить не хочу". Аркадий как-то говорил с ребятами: "Мама всё равно с папой не хочет жить, что, если я женюсь на ней?" Мои ребята сначала согласились. А потом Серёжка мне: "Не хотим, чтобы ты сходилась с Аркадием". Нет, ну а зачем мне было сходиться? Одно на другое менять…"

Скорее всего, что и эта поездка в Сестрорецк, и объяснения с Калятиными — события одного порядка. Аркадий предпринимает отчаянные попытки избавиться от своей болезни, вырваться из болота бесконечных пьянок, в которое всё больше и больше втягивается. Несмотря на то, что Северный постоянно окружён людьми, на самом деле он глубоко одинок и страдает от своего одиночества. Нет ни работы, ни семьи. Дочь Наташа для него практически недоступна. Надо что-то менять в своей жизни, но как? Создать новую семью? Так ему ясно дали понять, что этого не будет. Остаётся одна надежда — на новое лечение.

Сейчас трудно сказать, к кому первому приходит эта идея. Вполне возможно, что и к самому Аркадию. Но сразу же возникает проблема — где? В Питере, похоже, личность его уже хорошо известна во всех наркологических заведениях, а тут ещё алименты и отсутствие прописки. Так что если "легально" обратиться в какую-нибудь клинику, то можно получить ещё и кучу дополнительных неприятностей. Значит, надо искать по знакомым. И такой знакомый находится — майор авиации Георгий Сергеевич Ивановский. В своё время он помог Маклакову приобрести жутко дефицитный магнитофон "Sony", а Сергей Иванович тогда же познакомил его с творчеством Аркадия Северного. У Ивановского в Москве огромные связи, и это как раз то, что нужно. Маклаков обращается к нему с просьбой помочь. И Георгий Сергеевич, конечно же, соглашается.

Мы же хотим напомнить читателю, что сейчас речь идёт о начале осени 1976 года. И специально акцентируем на этом внимание, так как до настоящего времени было доподлинно известно только одно: Северный лечился в Москве осенью 1977 года и не пил после этого около года. Но факты и воспоминания многих участников этих событий настолько противоречивы, что напрашивается вывод о том, что Северный проходил лечение

несколько раз. И первый раз — осенью 1976 года. Намёки на это содержатся и в фонограмме концерта "Из серии "А", записанного, судя по всему, зимой этого года: "Очень в Москве меня почему-то полюбили." и "А тут недавно был в Москве…" Конечно, серьёзно относиться ко всему тому, что говорил Северный на концертах о своих поездках, нельзя. Тогда получится, что с БАМа он вообще не вылезал, а после "Серии А" собрался аж на зарубежные гастроли! Вероятно, по израильской визе, — судя по подготовленной для "зарубежной программы" песне "Хава нагила", и по пунктам "гастрольной поездки". Ведь Вена и Рим — обычные этапы большого пути еврейской эмиграции. Оттуда большая часть направлялась в Штаты, меньшая — в Эрец Израэль, а наш оригинал — Аркадий Звездин, — стало быть, намеревался вернуться в Питер. Впрочем, мы отвлеклись, ведь речь шла не о европейских столицах, а о Москве. Примечательно то, что Северный о пребывании своём в Москве до этого концерта не упоминал никогда. И, вполне возможно, появление этого географического названия именно в данный период не случайно.

Воспоминания участников отправки Северного в Москву очень смутны и противоречивы. Как это ни парадоксально, но ни Маклаков, у которого были координаты Ивановского; ни Калятин, поехавший провожать Аркадия, до вокзала так и не добрались, причём по одной и той же достаточно банальной причине. И Северный добирался туда то ли в одиночку, то ли с помощью Валентины Маклаковой и Софьи Калятиной, которые принимали в этом деле весьма деятельное участие. А встречал его в Москве на Ленинградском вокзале сын Г. С. Ивановского — Борис. Вот что он вспоминает об этом:

> "Утром я ждал его на перроне с ночного поезда. Вышел из вагона худющий человек, сильно помятый, небритый, опухший — сразу видно, что после длительного запоя. Мы познакомились, он с хода говорит: "Пойдём в буфет, надо похмелиться". Мы зашли в буфет, у него с собой денег не было, и он попросил купить ему стакан портвейна за 42 копейки. Мне это показалось странным, ведь человек лечиться приехал, и вдруг портвейн. Но я купил ему это вино, он залпом выпил и говорит: "Возьми ещё". После второго стакана он почувствовал себя лучше, настроение поднялось, и мы поехали в больницу — нас там уже ждали. Видимо, у Аркадия серьёзного настроя на лечение не было, потому что с врачом он повёл себя довольно развязно. Зная о своей популярности в определённых кругах и чувствуя

себя "звездой", он решил на этом сыграть. Врачу заявляет: "Так, меня обеспечьте пока тремя литрами спирта". Причём — на полном серьёзе. Но врач повёл себя правильно, на поводу не пошёл, никаких скидок не сделал. Впоследствии Аркадия там "подшили". Я позже несколько раз навещал его в больнице, передачи приносил и видел, что весь этот "блатной", "звёздный" налёт с него сошёл. Он оказался в общении умным, интеллигентным человеком, довольно проницательным. Я уже не помню тем наших бесед, но обо всём он говорил очень грамотно, взвешенно. С ним интересно было общаться. Вот уж о чём бы не подумал, слушая его записи — я никогда не был их поклонником". *Далее Борис Ивановский говорит буквально следующее: "После лечения, как говорил отец, он* [12] *довольно долго не пил".*

Скорее всего, эти последние слова надо относить уже ко второй поездке Аркадия в Москву, которая будет в следующем, 1977 году. Вероятно, что по прошествии стольких лет, у Бориса воспоминания об этих приездах Северного просто "наложились" друг на друга. Таковы уж особенности человеческой памяти. А вот Софья Калятина вспоминала, что после лечения Аркадий не пил совсем немного — буквально пару месяцев. Это ближе к истине: в конце декабря у Северного опять обострение. Однако перед этим он буквально на одном дыхании записывает вышеупомянутый концерт "Из серии А".

С каким ансамблем была эта запись? — как ни странно, дать однозначный ответ затруднительно. Имя ансамбля в концерте никак не озвучено; впрочем, у "Жемчужных" такое уже бывало. Согласно мнению большинства коллекционеров, Северного здесь сопровождают именно "Братья Жемчужные", что и логично — музыканты тут, в общем-то, те же, что играли в "Братьях". Но столь же логичным представляется, что этот ансамбль собран как продолжение "светофоровского" проекта Д. М. Калятина. "Итак, началась наша новая серия концертов", — говорит Северный точно так же, как говорил в "Светофоре", и поёт в этом концерте лирику, очень похожую на ту, что он делал со "Светофором", в том числе — ту же есенинщину на народные мелодии. Впрочем, это легко объяснить: ведь одним из организаторов концерта был Калятин. Из всего этого становится ясным, почему этот концерт иногда всё-таки проходил как "Светофоровский", и почему так писал Михаил Шелег. [13] Впрочем, у авторов книги, которую вы сейчас читаете, нет задачи давать здесь "каноническое" определение для имени ансамбля, сопровождавшего Северного в

этом концерте, — это дело дальнейших изысканий.

А про сам концерт хотелось бы только сказать, что лирика тут действительно шла практически чёсом, и даже блатной тематики почти не было. Только классическая "На Колыме" — так ведь и та про любовь:

В любви и ласке время незаметно шло, Настал тот день, и кончился Ваш срок. Я провожал Вас тогда на пристань, Мелькнул Ваш беленький платок…

Но как можно жить без шутки? Шуточных песен тут немного, зато получился неожиданный фарс из песни "Не знаю, как мне быть". Теперь нам, конечно, интересно слушать, что сотворил Аркадий с этой песней, как он смешно импровизировал на ходу, совершенно не зная слов, или просто всё перепутав. Но думали ли тогда организаторы концерта о том, что такие приколы будут кем-то оценены, — мы уже не узнаем. По крайней мере, в окончательной фонограмме песня была оставлена как будто специально для будущих исследователей. Михаил Шелег тоже приводил именно её, как пример самой вольной из импровизаций Аркадия; а вышла ли эта импровизация удачной, или наоборот, — мы, точно так же как Шелег, предоставляем читателю решать самому.

И есть ещё одно немаловажное обстоятельство, связанное с этим концертом. По воспоминаниям Сергея Ивановича Маклакова, на записи присутствовал малоизвестный ещё в ту пору ленинградский коллекционер Виктор Набока, который давно мечтал познакомиться с Северным; и вот, наконец, "напросился" на эту запись… Знакомство состоялось, и имело весьма интересное продолжение, но об этом мы расскажем позже.

Концерт "Из серии А" оказался последним, в котором принимала участие большая группа музыкантов из "Братьев Жемчужных", и не только в этом году. Вновь они соберутся вместе только в конце 1977 года. Основная причина — отсутствие ряда ведущих музыкантов. Николай Резанов, как мы уже писали, на заработках в Сочи. Туда же на постоянное место жительства уезжает Анатолий Архангельский. Нет и Алика Кавлелашвили, он идёт работать преподавателем в один из питерских детдомов. А Геннадий Яновский — и вовсе за границей, — играет в ансамбле группы советских войск в ГДР. И, наконец, Евгений Драпкин не играет с "Жемчужными", потому что в организации концертов больше не участвует Фукс.

Но ещё раньше прекращают свою деятельность в составе "Братьев Жемчужных" Вячеслав Маслов и Владимир Лавров, причём по очень непростой причине… Вот что вспоминает Владимир Михайлович: "Онажды Славка прибегает испуганный и говорит:

"Всё, доигрались мы. Наши записи "Жемчужных" передавали по "Голосу". Я ему говорю: "Ну и что?" — "Как что? Теперь жди, на Каляева вызовут". При чём тут Каляева я даже не понял. На Каляева был городской вытрезвитель, а Большой дом, управление КГБ, хоть и выходил туда одним крылом, но всю жизнь числился по Литейному. Славка так растерялся, что попутал…"

Однако здесь мы вынуждены ненадолго прервать монолог Владимира Лаврова, так как его слова нуждаются в некоторых пояснениях. Во-первых, дело в том, что Славка ничего не попутал. Адрес управления КГБ действительно был Литейный, 4. И все простые ленинградцы знали именно этот адрес. Однако тем, кого "приглашали" в это малопочтенное заведение, приходилось являться именно на Каляева. Бюро пропусков в Большой дом находилось как раз в том крыле. Поэтому говорить "вызовут на Каляева" мог только тот, кого туда уже таскали по какому-либо поводу. А во-вторых. Время всё-таки берёт своё, и кое-что перепутал сам Лавров. Улица Каляева была знаменита не вытрезвителем, а Спецприёмником для административно-задержанных за мелкое хулиганство. Что ж поделать — трудно упомнить все подобные заведения, куда лучше бы не попадать простому советскому человеку, много их было. Равно как и ситуаций, которые "тянут тюрьмой". Об этом как раз и вспоминал далее Владимир Лавров: "Я бы и не дёргался особенно, но у меня ведь были проблемы с дипломом, от распределения я скрывался. Комитета я действительно не боялся, но попадать в "Ленконцерте" в "чёрный список" для музыканта было очень плохо. Это значило, что ни в один ансамбль легально уже не возьмут… А ведь на каждого музыканта была ещё одна зацепка. Всех нас можно было сажать по очень "удобной" статье 88, часть 1. Каждому из нас приходилось хотя бы раз просто держать в руках валюту, а для той статьи этого было достаточно. Правда, для этого органам надо было взять человека с поличным, но если бы захотели, то и прихватили бы… Поэтому я предпочёл уехать в Москву на гастроли с ансамблем В. Копильченко. Больше я в записях "Жемчужных " не участвовал".

Мы, конечно, не знаем, насколько этот случай мог повлиять на дальнейшую судьбу "Братьев Жемчужных", но, как бы то ни было, "временный распад" ансамбля стал свершившимся фактом. Очередной период творчества Северного подходит к своему завершению. Начиная с декабря 1976 года ансамбли, с которыми он записывается, постоянно меняются. К тому же, таких коллективов становится всё больше и больше: жанр оркестрованного "блатняка" или "неофициальной эстрады", раньше существовавший в распылённом виде по ресторанам

СССР, со второй половины 70-х годов начинает прочно занимать своё место в магнитиздате. Но Аркадий Северный — по-прежнему признанный корифей этого жанра. И несмотря на смены стилей и манер исполнения, он всё равно остаётся самим собой; всегда такой же неподражаемый и всеми узнаваемый.

Последняя запись в этом году была сделана перед самым Новым годом — 26 декабря. С совсем уже новым для Аркадия ансамблем — "Крёстные отцы", собранным Владимиром Мазуриным. Как вспоминает сам Владимир Александрович, решение создать новый коллектив возникло у него потому, что "Братья Жемчужные" к этому времени уже фактически распались, да и вообще хотелось поэкспериментировать с каким-то новым аккомпанементом. И вот Мазурин приглашает для этого музыкантов из ансамбля, в котором играет его хороший знакомый — трубач Василий Матвеев. Этот ансамбль работал в ресторане "Витязь" города Пушкин, — что не так уж и далеко от Купчино, где живёт Мазурин. На своей квартире он и производит пробную запись ансамбля, вполне его удовлетворяющую. После этого начинается подготовка концерта "Крёстных отцов" с Аркадием Северным. В этом пока ещё принимает участие и Маклаков. Судя по всему, это последняя попытка Сергея Ивановича сделать что-то более-менее похожее на первые записи с Северным. А в результате он лишь убеждается, что Аркадий уже не в состоянии "держать марку". Следующий раз они встретятся с ним почти через год. Но мы забегаем вперёд. Что же случилось с этим концертом? Вот что вспоминает сам Маклаков:

> "Помню, когда мы делали концерт с "Крёстными отцами", я должен был привезти Аркашу. Звоню ему, а его нет. Он просто забыл, где должен быть. Я начинаю искать его по всем телефонам. Выясняется, что он сидит у Коли Рыжкова, пьёт. Мы на машину — и в Купчино. На первую половину опоздали. Он даже на записи об этом говорит".

Но, по-видимому, опоздание ещё не сильно нарушило планы организаторов. Хотя музыканты уже записали почти половину концерта самостоятельно, но так, по словам Мазурина, и задумывалось: часть концерта поёт Аркадий, часть — солисты ансамбля. А когда Северный начинает говорить о своём опоздании. Тут уже пошли настоящие чудеса! "В Ленинграде начался-таки туман, и поэтому я успел только к окончанию концерта… И всё же мы с магаданцами решили исполнить под конец старые, забытые наши вещи…" И потом продолжает в том же духе: "И вот когда приземлился наш самолёт, и меня

встречали с цветами…" То есть, дорогим слушателям уже должно было стать понятно, что Аркадий Северный "прилетел на гастроли в Магадан". По словам Владимира Мазурина, вся эта красивая мистификация была задумана заранее. Во-первых, для "романтизьму", во-вторых — чтоб заморочить других коллекционеров. "Мы с магаданцами" — говорит Северный. но ведь "Магаданцы" — это уже достаточно хорошо известное имя ансамбля Анатолия Мезенцева, делавшего записи ресторанных песен много раньше! К тому же и музыка, которую делают в этом концерте, чем-то похожа на музыку тех "Магаданцев", — если, конечно, исключить неблагозвучную партию трубы с сурдиной. Впрочем, схожести удивляться не приходится — это стиль ресторанного ВИА, а он достаточно стандартен. Да ещё и тут и там использованы органолы со сходным звучанием, немногим выше, чем у советской системы "Юность", а она. "Юность" и есть. В общем, мистификация удалась на славу! Сказки в то время легко рождались и легко воспринимались, и очень скоро эта запись действительно пошла гулять по стране под лейблом "Магаданцы"! Несмотря на то, что Северный в конце концерта всё-таки называет ансамбль — "Крёстные отцы". Но в конце это как-то уже не воспринимается. Видимо, его состояние в этот день оставляло желать лучшего, и мало ли что там мог сказать Аркадий — ведь на протяжении всего концерта он постоянно путает слова и в песнях, и разговоре… Кто знает, — может, он и в начале просто перепутал, с каким ансамблем поёт? Но как бы то ни было, концерт ушёл в народ, и, надо сказать, стал достаточно популярен. Вот и хранятся теперь по разным коллекциям концерты разной длины, разного состава и под разными названиями.

Глава шестая
"1977 год"

"Хотят сказать, что Северный выдохся. Так пока ещё нет".

А. Северный, май 1977 г.

1977 год — один из самых насыщенных событиями в жизни Аркадия Северного. Уже в январе он записывается с ансамблем "Обертон". Организатором записей был уже упоминавшийся ленинградский коллекционер Виктор Набока, а ансамбль состоял из музыкантов, работавших в ресторанах "Баку" и "Невский". В дальнейшем "Обертон" прославился своими концертами с Александром Шеваловским, львовским автором-исполнителем, в довольно короткий промежуток времени записавшим тринадцать альбомов.

Концерты Аркадия с "Обертоном" оказались довольно интересны: в них Северный явил нам свой новый, Бог знает уже который по счёту, образ, — рок-н-ролльный! Впрочем, тут нет ничего удивительного: несмотря на знаменитый тезис Фукса "никакого джаза. твой козырь — блатняк!", Аркадий, конечно, не забывал про весёлую музыкальную жизнь своей юности. Когда всенародной музыкой был не только джаз, но уже и новорождённый рок-н-ролл, — которые восхитительным образом сосуществовали с традиционным блатом. Так что подобные заскоки можно было слышать у Северного ещё в гитарных записях. И вот — в концерте с "Обертоном" на всю катушку несётся блатной рок-н-ролл! Вряд ли можно говорить, что здесь звучит новое слово в самодеятельном советском роке, да и вообще это никак не соприкасается с левым молодёжным движением. Но Северный на это и не претендует. Он просто качественно изображает тот юный русский рок-н-ролл конца пятидесятых, за который, наверное, в своё время получал выговора в институте.

В общем, это был достаточно оригинальный концерт, вошедший в историю под символическим названием "Я почти что знаменит":

Как хорошо, что ты сейчас со мной, Как хорошо, что водка, деньги есть, Как хорошо, когда всегда стоит, Когда и я почти что знаменит!

Именно так, кстати, называлась композиция популярного в те

годы Клиффа Ричарда, от которой, правда, в аранжировке "Обертона" мало что и осталось. Хотя, надо признать, что "Обертон" всё-таки был не слабым ансамблем, и достаточно стильно изображал музыку "уличного рок-н-ролла". Что проявилось и в дальнейшем, в его работах с Шеваловским, который вскоре "заменил" Северного в проекте Набоки. Но это — отдельная история.

А пока "Обертон" продолжает записи с Северным. Однако до сих пор остаётся неясным — сколько же концертов они записали. Считать ли отдельным концертом сеанс одесской классики, сделанный по стилю совершенно противоположно "рок-н-ролльному"? Причём точно той же классики, которую Северный ещё совсем недавно исполнял у Фукса (наверное, "Обертон" просто хотел показать, что они и такое умеют). И в котором, кстати, принимал участие всё тот же скрипач Женя Фёдоров! И чем считать фрагмент, который Северный называет "ансамбль "Обертон" в первозданном звучании"? Это первозданное звучание напоминает просто какой-то провинциальный ресторан, как и у "Крёстных отцов", — но потом там вдруг появляется опять же Женя Фёдоров. Обо всём этом теперь можно только гадать. Как и о дальнейших творческих планах этой конторы. И вообще, в этой истории много всяких туманных обстоятельств. Набока каким-то образом успел оказаться с Маклаковым в глухой конфронтации, которая после записи Северного с "Обертоном" ещё более усугубилась.

По рассказам В. Коцишевского и Р. Фукса Маклаков "подослал и подговорил" Северного украсть у Набоки оригиналы записей; правда, из рассказов не совсем ясно — каких именно. Говорили и про то, что это были и вовсе не чьи-то там магнитофонные оригиналы, а фирменные западные диски. Калятин рассказывал вообще по-иному, и не вполне понятно: то ли Набоке "решили насолить" за то, что тот откололся от Маклакова, то ли Аркадий "наказал его за прижимистость" — Набока якобы "держал Аркадия в чёрном теле, делал на нём большие бабки, а тому перепадали крохи." Такие противоречия, разумеется, наводят на мысль, что по- настоящему там было что-то совсем другое. Но, как бы то ни было, обвинение прозвучало; причём, видимо, Северный узнал об этом не сразу после записи концертов, а значительно позже. Уже в Киеве, куда он попадёт в апреле этого же года, после долгих переговоров киевлян с Фуксом и Маклаковым.

Но это будет через два месяца, а пока, судя по всему, Северный временно остаётся "без работы". Болезнь его всё больше прогрессирует. Фукс ещё в прошлом, 1976 году, отказывается его

записывать именно из-за этого. "Совместное творчество" с Калятиным давно уже превратилось в банальные пьянки, "Братья Жемчужные" в полном развале, а тут ещё и какие-то непонятки у Маклакова с Набокой. 26 марта, в день своего рождения, Софья Калятина делает знаменитую запись "На память о Северном": "Сейчас, когда ведётся эта запись, Аркадий находится на крайней точке своего падения, и сумеет ли он устоять в жизненной борьбе — покажет время. Я и все твои друзья желаем тебе, Аркадий, придти в себя, собрать всю силу воли, вернуться в жизнь и радовать всех нас снова своими песнями".

Но это всё в Питере. А до других городов доходят только какие-то смутные слухи и сплетни, зачастую создаваемые и распространяемые самими же коллекционерами. Киев и Одесса всё настойчивее пытаются вызвать Аркадия к себе. Разумеется, он и сам давно уже был не прочь поехать куда-нибудь на гастроли, а тем более — сейчас, при всех этих свалившихся на него проблемах. И в это время свою третью попытку пригласить к себе Северного предпринимает Фред Ревельсон. Он наконец-то уговаривает Фукса, чтобы тот свёл его с Аркадием. Впрочем, уговаривать в этот раз, по-видимому, долго и не пришлось: Фукс уже давно понял, что сделать вместе с Северным что-то подобное первым "Программам" и "Одесским концертам" всё равно не получится. И с лёгким сердцем "даёт добро" Фреду на организацию этой поездки.

Хотя и здесь не всё понятно. Добро-то добром, но почему-то и до сих пор никто не может толком вспомнить, как всё же состоялась эта поездка. Судя по всему, факт пребывания Северного в Киеве для многих оказался неожиданностью. И для одесситов, и для Маклакова и, как ни странно, для самого Фукса. Иначе как понимать слова Северного, сказанные им в Киеве: "Рудик, слушай сюда! До тебя дойдёт-таки эта лента. Так вот, запомни: никогда меня не нужно ещё терять. Я ещё тебе понадоблюсь. Скажу ещё другому человеку, я имею в виду — ленинградцам своим: единственный из вас порядочный человек — так это Сергей Иванович. Серёжа, я тебе шлю привет! Свой самый хороший, самый порядочный… И тебе будет то, что нужно. Может быть, чуть-чуть они неправильно делали… Они ещё ни разу, так сказать, не имели права и не могли…" Но, как бы то ни было, первые гастроли Северного начались именно с Киева, а не с Одессы, как считалось до сих пор. В Одессу он поедет уже после того, как Фреду позвонит Владислав Коцишевский и передаст просьбу Маклакова отправить Северного в Город у Чёрного моря.

А пока — апрель месяц, и Аркадий Северный прибывает в Киев. Но, судя по всему, киевляне и сами не были на сто

процентов уверены в его приезде, так как только через неделю, если не больше, всё было готово к записи концерта. Причём, относительно всё. Постоянно что-то срывалось: то с залом не получилось, то музыканты не были в полном сборе, а в самый последний день и с аппаратурой не сложилось. И писали потому на обычный "Юпитер". Правда "обычный", да не совсем! Так как числился он на балансе МВД, в системе которого работал знакомый Фреда — Владимир Усенко.

Первоначально Аркадий живёт у Фреда, по выражению самого Северного, на "Борщёвке"[14], а затем перебирается почти в центр к Володе Криворогу, с которым у него сразу же налаживаются дружеские отношения. Они практически не разлучаются всё это время. Владимир показывает ему Киев, знакомит с достопримечательностями и кабаками (а как же без них?). Море встреч и новых друзей. Причём, друзья эти, в основном, не какие-то "крутые" коллекционеры, а обычные советские люди, любящие музыку, "которую не передают по радио". Некоторые из них и о Северном-то никогда раньше не слышали. А какая, впрочем, разница? Главное, что все свои в этой компании. И певец, и простой работяга. Брат Владимира Криворога Николай вспоминает:

> "Сидим мы как-то у Володи дома. Стол накрыт. Гитара. Всё, как положено. Вдруг телефонный звонок. Звонит один из Володиных знакомых: "Вы тут сидите, водку пьёте, а в Киев, между прочим, Северный приехал и сейчас записывается у Рабиновича! Он мне только что звонил!" Как говорится: хохот в зале. А Аркадий с удивлением спрашивает: "А кто такой, собственно, Рабинович?" Ну, ему объясняют, что это такой известный киевский коллекционер… — "Ия у него записываюсь? Ну-ка, Володя, набери". Володя набирает телефонный номер, передаёт трубку Северному и тот в своей неподражаемой манере: "Алё. Это Рабинович? А это Северный говорит. Вы таки говорите, что я у вас записываюсь?" Ну, остальное вы можете сами себе представить!"

Тем временем Фред Ревельсон, наконец, находит место для записи — это квартира Бориса Марковича Коваля, ещё одного коллекционера. Сам Маркович, кстати говоря, гораздо больший любитель классического джаза, чем всего того, что поёт Северный. Но, тем не менее, согласие даёт — интересно всё-таки! И вот 20 апреля запись наконец-то состоялась.

О том, что вместе с Северным будет выступать Григорий

Бальбер, было решено сразу. Во- первых, Фред Ревельсон давно и хорошо его знал, а во-вторых. Да ему и не было равных по голосу и мастерству в те времена среди "жанровых" исполнителей! Бальбер привёл и музыкантов, а сыгрываться им и надобности не было, так как все они играли в ресторане "Спорт" и были старыми Гришиными знакомыми. Гриша, бывало, и сам выступал с этими музыкантами на разного рода весёлых мероприятиях, свадьбах и юбилеях. Немного и записей их совместных сохранилось. Правда, никто уже не помнит, когда те записи делались, до или после концерта с Северным. А песни на них — почти те же самые и в том же стиле. Состав ансамбля был следующий: Григорий Бальбер — вокал, ударные, Александр Фельдман — скрипка, саксофон, Наум Зигман — вокал, гитара и Леонид Полищуков — гитара. Как видите — инструментальный состав совсем не замысловатый. Даже перекличка сакса со скрипкой не получается — музыкант один. Но и такими простыми средствами эти ребята делают очень качественную музыку. Пусть она не блистала оригинальностью стиля — это была всё та же, хорошо знакомая ресторанная музычка, местами современная, местами — "классическая". Но зато почти каждую песню построили действительно как концертный номер! Начиная с "гвоздя программы", бессмертной песни самого Гриши Бальбера:

Но
без
Подола Киев невозможен!
Как святой Владимир без креста!
Это же кусок Одессы,
Это ж новости для прессы,
И мемориальные места…

А чего стоит хотя бы "Бабушка-старушка" — настоящая интермедия… Бальбер со своими друзьями работает не просто аккомпанементом или фоном к Северному; ведь Гриша и сам был классным Артистом, — мог делать и под Утёсова, но, как говорится, и "под себя" у него выходило неплохо. Да так, что в одной песне с Северным им даже становится тесно. Северный был, безусловно, артистом сольных партий, и всегда сам разыгрывал драматургию песни, разве что с "бэк-вокалом". А тут каждый строит "номер" в своей манере, ну, а полифония — она, как известно, дело сложное. К тому же у Северного и Бальбера разные манеры, но стиль один — "пододесский"; и местами они забивают друг друга. По крайней мере, с Бальбером Северный воспринимается значительно сложнее, чем, например, с

совершенно неодесским Резановым.

Впрочем, рискнём заявить, что относить стиль киевского концерта целиком на счёт Одессы — несправедливо! И не прав был даже сам Григорий Бальбер, когда обидел Подол "куском Одессы". Ведь у Киева всегда был свой собственный колорит, только ему, в отличие от одесского, немножко не повезло: редко его прославляли писатели и артисты. Но колорит всё-таки был, и в этом концерте его можно услышать во всей красе — эту гремучую еврейско-украинскую смесь. В общем, всё это ставит киевский концерт туда, где ему и надо стоять — в первые ряды классики жанра.

Но этот концерт интересен не только в музыкальном плане. Некоторые реплики Северного просто обязывают нас снова вернуться к истории с "украденными оригиналами". "Привет "Обертону"! Набоке!" — кричит Аркадий перед началом песни "Я сижу на верхотуре". Не думаем, что к этому моменту он уже знал про вступление к первому концерту "Обертона" с Шеваловским, где, помимо прочего, говорится: ".Аркадий Дмитриевич таки Северный уехал в Краснодар, решив притом, что воровать значительно прибыльней." Иначе Аркадий таки Дмитриевич не "привет" бы кричал, а что-либо иное… Тем не менее, эти обвинения всё же настигли его именно в Киеве. В ранее цитированной нами "послеконцертной" записи Северный говорит буквально следующее: "Мне нужно слетать ещё в одно место, в котором я должен… хочу плюнуть-таки своему куму… Что-то сказать ему прямо в глаза… А то, что там Набока сказал о том, что я таки это… воровать — это легче чем что-то… Так запомни, Набока! Никогда в жизни я не воровал, не крал и там… И никогда нигде".

Может быть, и не стоило останавливаться на этом так подробно, но обвинение в воровстве, причём сказанное "вслух на всю страну" — штука достаточно серьёзная. Тем более, что оно до сих пор не снято, как, впрочем, и ничем не подтверждено. Поэтому мы хотим высказать и свою точку зрения на всё это.

Люди, близко знавшие Северного, говорили (и говорят), что Аркадию было легче умереть с голода, чем украсть что-то. А возможностей было предостаточно. Сколько лет прожил он по чужим квартирам? В Питере, в Одессе, в Киеве. В семье Калятиных вообще прошло около двух лет его жизни. Наверное, если была б такая склонность, как-то проявилось бы это, вылезло наружу? Да и молчал бы, наверное, в тряпочку, если б действительно случилось, а тут: "никогда нигде". Точка.

Правда, было несколько эпизодов в жизни Северного, которые иногда рассказывают в подтверждение версии о воровстве.

Коцишевский говорил, что когда его не было дома, Северный с Шандриковым пропили оригиналы концертов (своих!!!), да ещё рассказывали про Аркадия, что в бытность с Калятиным записывали они за ночь концерт, если не было денег, а потом шли и возле ближайшего пивняка продавали. Похоже и у В. Кингисеппа: Северный и Тихомиров продали из-за нехватки денег оригинал "Химика". Но опять же: сами записали, сами и продали. Своё. А сколько та бобина стоит? Фигня, если сравнить с мировой революцией! А тут целый "преступный сговор" с Сергеем Ивановичем. Украл и отдал Маклакову. Скорее можно было бы поверить, что пропил. Но смысла нет, на концертах ведь и так поили, да и в качестве гонорара должны были хотя бы пару купюр отстегнуть. Впрочем, это всё только наши предположения. Да и с "кумом" не всё тут понятно. Но, всё-таки, чем больше вникаешь во все эти "дела давно минувших лет", тем больше убеждаешься, что это не в характере Аркадия Дмитриевича. Надеемся, что будущие исследователи его жизни всё же подтвердят чем-то более существенным нашу правоту.

Но мы немного отвлеклись. Вернёмся всё-таки обратно в Киев. Тем более что Аркадию давно бы пора из него уехать. Фреду уже звонят: "Одесса на проводе!"

Этот воистину исторический звонок совершил Владислав Петрович Коцишевский, — и тем самым именно он стал первым одесситом, "поймавшим" Северного. Как ему это удалось — до сих пор до конца не понятно! Разумеется, этому предшествовали какие-то многоходовые переговоры между деятелями коллекционерских кругов Питера, Одессы и Киева; но вот какие именно — это, похоже, детальному восстановлению уже не подлежит… Люди, так или иначе причастные к тем событиям, давно уже сами запутались, и дают совершенно противоречивую информацию о том кто, с кем, о чём и в какой последовательности тогда переговаривался. Поэтому нам остаётся только констатировать факт: как бы то ни было, в финале всех тех событий оказался таки Коцишевский. Известный одесский коллекционер. впрочем, не просто коллекционер, а деятель того же уникального советского типа, что и Рудольф Фукс, — настоящий промоутер нашего подпольного Жанра. Правда, те "проекты", что были на его счету до работы с Северным, нельзя назвать историческими, но сейчас фортуне было угодно улыбнуться именно ему. А планы у Коцишевского в этот раз были просто наполеоновские.

Он решает собрать воедино самых на тот момент известных авторов и исполнителей, работавших в "блатном жанре" и записать их чуть ли не под симфонический оркестр!

Планировались: Высоцкий, Северный и Шандриков, уже хорошо знакомый любителям жанра омский автор-исполнитель, начавший записываться ещё на "химии", в 1972 году. Высоцкий не приехал, якобы не договорились; хотя, вполне возможно, что это только в задумке было. А до реального приглашения дело так и не дошло. Во всяком случае, ни один из серьёзных биографов и исследователей жизни и творчества Высоцкого о таком факте нигде не упоминает. И это сейчас, когда известен чуть ли ни каждый шаг, сделанный Владимиром Семёновичем в тот или иной момент!

Но, как бы там ни было, визит Высоцкого не состоялся. А жаль! Дело, конечно, не в записи под ансамбль, — это было по тем временам уже не Бог весть какое открытие. А вот встреча Северного и Высоцкого в рамках одного мероприятия могла бы быть очень интересна! Встреча артистов, творчество которых — два совершенно разных мира в нашей песенной культуре. Они не были лично знакомы, что подтверждается теми же исследователями жизни Высоцкого почти абсолютно. "Почти" — потому что сохранилось одно свидетельство об их возможной встрече через год после описываемых событий. Но об этом мы поговорим позже, в соответствующем месте. А сам Аркадий тоже был большой любитель мистификаций. Рассказывают, что на одной вечеринке он на спор набрал телефон Владимира Высоцкого и тот пел (!) гостям по телефону. Впрочем, всё это не столь важно. Дело, конечно, не в личном знакомстве, а в отношении. Северный, как известно, очень уважал творчество Высоцкого, и исполнял некоторые его песни. Высоцкий же был в достаточной степени безразличен к творчеству подавляющего большинства наших авторов-исполнителей. А многих "блатных" менестрелей просто не уважал за подражательство. Такие претензии он в своё время предъявлял и Северному, хоть это было и не совсем справедливо. Правда, надо заметить, что до нас дошло очень мало информации об этом. Известные нам реплики Высоцкого о Северном крайне немногочисленны, а воспоминания различных людей об отношении Владимира Семёновича к творчеству Аркадия не всегда достоверны. Но, по крайней мере, можно сделать вывод, что Высоцкий считал его очередным подражателем и оценивал соответственно. Ведь Высоцкий, практически, не был знаком с творчеством Аркадия, и для него все эти "блатные барды" были просто "всякими северными". А теперь мы можем только гадать, как оценил бы Высоцкий Северного в качестве артиста староодесского жанра, — того жанра, в котором Аркадий и был наиболее ярок и колоритен. Впрочем, оставим гадания, просто ещё раз посожалеем о

несостоявшемся сейшне "Высоцкий — Северный", и вернёмся к реалиям нашего одесского "фестиваля".

Первым в Одессу прилетел Владимир Шандриков. Ему и слово:

> "В 1977 году я получил письмо [15] из Одессы. Был удивлён — никого знакомых у меня там нет. Короткого содержания: приглашали посетить Одессу, посмотреть на Дерибасовскую и спеть несколько песен. Я тогда отнёсся несерьёзно, но друзья уговорили, ведь мне обещали оплатить самолёт, питание, проживание… В основном, я поехал из-за того, что должен был быть Высоцкий… В аэропорту даю телеграмму следующего содержания: "Встречайте. Рубаха красная, костюм "Тройка", глаза голубые, волосы короткие. В левой руке газета "Омская правда". В правой — коричневый портфель с текстами… Ведь меня там никогда в глаза не видели. А я не знал тех, к кому еду… Вадим был в командировке и поэтому меня никто не встретил, а Аркаша где-то забухался в Киеве и опоздал на два дня".

Поселили Шандрикова в какой-то огромной коммуналке на Франца Меринга, в которой, по рассказам, до революции был публичный дом, а после. Нет, не швейная мастерская, а. комитет комсомола! Здесь и прожили они с Северным все 20 дней "одесских гастролей". Наиболее полные и связные воспоминания об этом периоде остались у Владимира Романовича Шандрикова, поэтому в дальнейшем мы будем опираться именно на них. Разумеется, не забывая и о других участниках этой истории. Итак, на второй день появился Аркадий Северный. С глубокого похмелья. Да и вид был соответствующий: "… У него был галстук на резинке, пиджак "местами " блестел, рубаха нейлоновая, недели две не стиранная, носки дырявые, босоножки стоптанные". В итоге Коцишевскому пришлось покупать Аркадию новую одежду — от костюма до ботинок.

Здесь мы немного отвлечёмся. После того, когда часть воспоминаний В. Р. Шандрикова была опубликована в газете "Новая Сибирь"[16] именно это место вызвало резкий протест дочери Северного Натальи Звездиной. [17] По её словам, отец очень любил чистоту, всегда сам стирал свои вещи, не доверяя даже жене, и в таком виде просто не мог приехать. Честно говоря, первоначально это описание вызвало и у нас некоторое сомнение. В нашем распоряжении было множество фотографий, запечатлевших Северного в Киеве весной 1977 года. В джемперах, пальто, да и галстук весьма приличный. Кроме того, и те

киевские знакомые Аркадия, с кем нам доводилось беседовать, все как один утверждали, что вид у него был вполне достойный. Однако на одесском фото с Коцишевским и Шандриковым и на всех киевских фотографиях, датированных маем месяцем, он одет уже совершенно по-другому! Да и не мог Владимир Шандриков, человек глубоко порядочный и обладающий к тому же фотографической памятью художника, всё это сочинить. Зачем? А если вспомнить двухдневное (а, может, и более продолжительное?) опоздание Северного, сам собой напрашивается вывод, что то ли загулял где-то Аркадий на киевский гонорар, то ли случилось что-то с ним. А возможно, и то и другое. Фред Ревельсон вспоминает, что в Киеве Северного несколько раз забирали в вытрезвитель. Но Аркадию при первом задержании каким-то образом удалось доказать, что нарушивший общественный порядок гражданин Звездин и певец Северный, — один и тот же человек. Поэтому потом милиция просто привозила наутро Аркадия домой к Фреду на "машине с красной полосой", не забывая при этом выписать штраф. А вообще-то Аркадий играл с огнём, — всё из-за тех же паспортных проблем. Поэтому трудно предположить, что, распрощавшись с друзьями, Аркадий попал в ментуру; тем более — на таких ментов, которых не интересовала его музыкальная слава. Если бы он так всерьёз загремел, то вышел бы оттуда не оборванцем. а вообще б не вышел! Так что, скорее всего, обошлось всё-таки без ментовских ужасов. Свободный человек при хороших деньгах, к тому же любитель известного дела и завзятый картёжник. Но важно ли это? Главное — Северный, в каком бы то ни было виде, всё ж таки добрался, наконец, до Одессы, где его ждут уже Коцишевский и Шандриков.

А Коцишевский, видимо, заранее представлял, что затраты на организацию концертов у него будут большие. Поэтому ещё загодя попытался привлечь к этому делу знакомых одесских "бизнесменов" и привёл их посмотреть на "заезжих артистов"."… Однако они пришли утром, я уже проснулся и слышал их разговор с Вадимом: "Вот эти два цуцика будут петь?! Я пас!" Второй поколебался и сказал: "Я тоже пас!" И Вадиму пришлось одному пойти на эти немалые расходы" — вспоминает Владимир Шандриков. Гонорары певцам и музыкантам, оплата квартиры, где происходила запись, питание и выпивка в ресторане — всё это требовало действительно больших денег. И, следовательно, должно было как-то окупиться. Поэтому решено было записать как можно больше концертов.

Но дисциплина у Северного с Шандриковым была ещё та! Если музыканта за опоздание можно было "уволить" (а такие случаи тоже были) и найти нового, то наших героев оставалось

только терпеть и не давать им сильно разгуляться. Впрочем, Аркадия трудно упрекать за это разгуляево. Ведь он в первый раз, наконец, оказался в городе, который по легенде был ему родным! Так где же легендарному "одесситу" глотнуть колоритной атмосферы реальной Одессы- мамы, как не в "Гамбринусе" и в прочих весёлых заведениях. Причём, в "Гамбринусе" он не только пиво пил, но и в картишки поигрывал. Да так, что порой на пиво денег уже и не оставалось. Денег он вообще не жалел. Коцишевский рассказывал про одесского скрипача Шлёму, игравшего на улицах: Аркадий, мол, как увидит его, так кидает червонец и стоит, смотрит, как тот играет. Что Коцишевского немало возмутило — "скрипач-то — говно!" Но где ещё были в Союзе в то время уличные скрипачи? Должен же был Аркадий, в самом деле, окунуться в эту Одессу. Поэтому записи всё-таки шли со скрипом. К тому же были и "объективные" причины: то на запись какие-то посторонние шумы наложились, то облава "в районе концерта", а то музыкантов перекупил кто-то. В итоге за двадцать дней было записано только три концерта. И получилось в результате совсем не то, что первоначально задумывалось. Но предоставим слово непосредственному участнику событий:

> "Вадим задумал: две-три песни поёт Аркаша, две-три — я. А было время, когда Аркаша не мог петь совсем. Потом я уже не мог… Я его толкаю к микрофону, а он меня: "Иди, ты вроде лучше сегодня?" Там даже есть момент, где он поёт, а у меня слёзы — так я проникался его песнями. А он смотрит на меня, и у него тоже… В одесских записях очень много брака. У меня было несерьёзное отношение… До обеда идёт запись. Вместе с репетицией мы записывали 1213 песен с 9 до 12 часов. Потом идём в ресторан, хорошо обедаем, возвращаемся на хату и записываемся ещё, сколько можем. Как правило, другую сторону ленты, ещё 12–13 песен. Пили во время записей каждый день, но не так, чтобы после каждой песни…"

Может быть, именно поэтому второй концерт получился вообще из одного Шандрикова, а Северный отметился только во вступлении. Про "козлов, которые в Омске встречаются" и "Вачулу". Ну, козлы в любое время и в каждом городе встречаются. А вот что за "Вачула" такая? Она немало озадачила простых советских слушателей, а Михаил Шелег впоследствии решил, что это просто. название ансамбля! Чтобы развеять мистику, обратимся вновь к Владимиру Романовичу: "Вачула". Это в перерыве между записями и когда мы отдыхали, естественно с

подогревом, Вадим нам ставил музыку. Больше всего понравилось нам танго. Оно называется "Вачула". Вот этой мелодией мы Вадима и… Он уже другой раз взмолится: "Зайчики! Ведь уже соседи на нашу хавиру косяка давят!" Вот это называется — "Вачула". Мы же, со своей стороны, рекомендуем всем интересующимся достать и послушать запись этого танго — Аркадий с Владимиром выдали его начало один к одному!

Таким образом, режиссёрские задумки Коцишевского "две-три песни — Аркаша, две-три — Володя" накрывались начисто. И, по-видимому, Северный спел далеко не все песни, которые подобрал для него Владислав Петрович. Но самое интересное, что в итоге-то всё получилось достаточно гармонично! Концерты оригинальных авторских песен Шандрикова, в меру украшенные колоритнейшим исполнителем блатной классики Аркадием Северным. И хоть не с "симфоджазом", как выражался сам Северный, но всё же с хорошим ансамблем, получившем гордое имя "Черноморская чайка". Музыкантов в этот ансамбль Коцишевский старался подбирать знакомых, из тех, которых записывал когда-то с Евгением Свешниковым, был такой исполнитель в те времена. Но это не всегда получалось. Поэтому иногда приходилось идти на "музыкальную биржу" и нанимать необходимые инструменты до комплекта. Биржа эта находилась то ли на знаменитом перекрёстке Дерибасовской и Ришельевской (том самом, где отобрали честь у одной бабушки); то ли на Соборной площади. Сами одесситы расходятся в воспоминаниях. Впрочем, главное не это, а то, что такая биржа функционировала, и талантами в те времена Одесса-мама была ещё богата.

Однако, заканчивая разговор о музыкальном сопровождении этих концертов, приведём и наше субъективное мнение. По тем временам запись "под оркестр" была для автора- исполнителя обозначением довольно солидного уровня. И с этой точки зрения концерты с "Черноморской чайкой" стали удачей для Владимира Шандрикова. Но вот чисто в музыкальном плане… Его песням весь этот "симфоджаз" не добавил ничего, если вообще не оказался излишней красивостью. Как нам кажется, всё-таки под гитару они звучат лучше. Может, ещё и поэтому оказалось столь органичным участие в этих концертах Аркадия Северного, который сочетался с оркестром совсем по-другому. Проявился ли в этом "нюх" Коцишевского, или всё получилось случайно — теперь уже неважно…

Но всему, даже хорошему, наступает конец. Пришла пора расставаться. Записи записями, но решено было также запечатлеть участников концертов и на фото. Вот как вспоминает об этом Владимир Шандриков:

"Приходим в ателье, там солидно, бархат. Старый-старый еврей фотограф нас усадил, как положено, подбородки нам поставил и к своей треноге под одеяло. А я заранее попросил, чтобы перед нами стульчик покрасивее поставили. Вот мы сидим. Вадим нас сзади обнял, всё красиво. Фотограф: "Приготовились… Внимание…" Я быстренько — раз, бутылку на стул. И мы с Аркашей, как договорились, моментально руки на неё положили. Старичок из-под одеяла спокойно так говорит: "Это серьёзно?" — "Вполне серьёзно". — "Нет, я тоже серьёзно. Это же вам память?" — "В том-то и дело, что на память". — "Но так никто не снимает!" — "Понимаете, мы хотим так! Мы, два клоуна из разных городов, здесь встретились. Это нам на память". — "Ну, я снимаю тогда!"

Нам неизвестно, было ли в планах Коцишевского повторить в будущем такие вот совместные концерты. Но, по крайней мере, сами "зайчики" на это надеялись.".И где-то мы скоро встретимся!" — говорит Северный в конце последнего концерта. Не встретились. Не пришлось. Правда, была ещё недолгая переписка и навсегда осталась у них память об этих незабываемых двадцати днях в Одессе. А песни Владимира вошли в постоянный репертуар Аркадия. И вот, последнее рукопожатие, Шандриков летит домой в Омск, а Северный. совершенно неожиданно оказывается в Киеве.

Зачем его туда опять понесло, абсолютно непонятно… Сохранились только документальные свидетельства его пребывания в столице УССР, по крайней мере, с 15 мая и до конца месяца. Что он там делал? Гулял, загорал на Днепре, пробовал управлять катером, слава Богу — не заведённым!.. Выезжал с друзьями куда-то за город. Судя по всему, именно к этому периоду относится и запись так называемого концерта "У Миши в Киеве", который некоторые коллекционеры называют почему-то "У Гриши", явно имея в виду Бальбера. Тот же, в разговоре с одним из авторов книги, честно признался, что записывался с Северным только один раз. Хотя, по легенде была у него возможность если не записаться, то совместно "выступить" с Аркадием. Рассказывают, что гулял как-то Северный с друзьями по городу, и проходили они мимо того самого ресторана "Спорт", что на Красноармейской 55. "Вот здесь, мол, Гриша иногда выступает. Давай зайдём!" Зашли. И так совпало, что Гриша как раз в этот момент был на сцене (честно говоря, уже этот момент вызывает некоторые сомнения, так как Бальбер, как правило, пел

только на "закрытых" мероприятиях). Аркадий прямиком на сцену: "Гришенька, давай я спою?!" Напуганные музыканты с трудом уговорили Северного отказаться от этой идеи. Трудно сказать, чего здесь больше — правды или вымысла.

Но вернёмся к записи "У Миши". По свидетельству Фридриха Яковлевича Ревельсона, производилась она дома у Михаила Резника. [18] А пел Северный на этом концерте под гитару, в основном — привезённые им из Одессы песни Шандрикова. Самое интересное, что была и ещё одна Киевская запись Северного примерно в это же время! Живы и люди, принимавшие в ней участие. Но, вероятней всего, именно была, потому как найти её так и не удалось. Остались фотографии, на которых Аркадий запечатлён поющим перед микрофонами. Причём в разной обстановке и в разное время. На одном фото проставлена дата — "20 мая 1977 г". Но что это за концерт — "У Миши" или второй, утерянный, — неизвестно. Последняя достоверно известная "киевская" дата Северного — 29 мая. Что же было дальше?

В июне Северный снова-таки в Одессе и снова, как ни в чём не бывало, записывается с "Черноморской чайкой".

Конечно, трёх апрельских недель было мало, чтобы насладиться. чтоб её уже таки покушать! — той неповторимой одесской романтики. И Аркадий продолжает своё путешествие по этому "солнечному городу". Впрочем, тут уже нет той патетики момента, как в апреле. Тогда Аркадий ступил в первый раз на одесские мостовые, и тем самым покончил с сюжетом, великолепным в своей нелепости: "легендарный одессит, ни разу не бывавший в Одессе!" Но зато начался другой сюжет: Аркадий Северный в городе своей легенды. И вот теперь, в июне, этот сюжет продолжается. Примерно так, как говорил когда-то сам Аркадий: ".Привоз, Молдаванка, или там Дерибасовская. Нарисуйте нам эти перлы, дайте ж нам эти бриллианты, нарисуйте нам этот шарм!" Но теперь всё это не надо изобретать, а можно просто смотреть живьём. И работать, то есть "рисовать этот шарм" своими песнями. Хотя "работать", наверное, слишком громко будет сказано. За три долгих месяца было сделано всего два концерта, которые, к тому же, очень сильно разнятся друг с другом. Сразу после приезда — "Четвёртый концерт с "Черноморской чайкой" ("Тётя Шура"), и перед самым отъездом — "Прощание с Одессой".

Песенный репертуар для этих концертов составил, и тем самым определил их стилистику, Владислав Коцишевский. И в "Тёте Шуре" был сделан совершенно неожиданный ход: легендарный "одессит" выступает в самой Одессе. абсолютно не в одесском жанре! Он вдруг начинает петь обычные, лирические и

шуточные дворово-студенческие шлягеры пятидесятых. Разве что есть при этом немного блатной романтики. Но Одессы тут нет и в помине! Ни тематики, ни стиля, ни колорита. И даже одесского "прононса", с которым Северный, кажется, сжился уже намертво, он здесь почти что не демонстрирует! Почему? А это происки Коцишевского, — ведь Владислав Петрович хотел сделать действительно оригинальный концерт Северного. А за Одессу-маму Аркадию уже очень трудно петь, не впадая в повторы, — после всего, что успел натворить Фукс. Поэтому Коцишевский решает сделать концерт совсем в другом стиле — стиле этакой "уличной эстрады". Отразив при этом все жанры, без перекосов в блат или в лирику, и сделав, громко говоря, "музыкальный портрет эпохи". Именно этим и отличается "Тётя Шура" от лирических проектов Калятина. Предоставим читателям решать самим, насколько он оказался удачен, но, по мнению авторов, до сих пор не было лучшего исполнения этих чудесных песенок наивных 50-60-х годов:

Всё косы твои, всё бантики, Всё прядь золотых волос, На блузке витые кантики, Да милый курносый нос.

А здесь оно оказалось особенно интересным ещё и потому, что было построено на контрасте. "Черноморская чайка" тоже не изображала "одесский кабачок", а играла в этом концерте именно так, как играли приличные эстрадные коллективы пятидесятых. Зато Северный пел совсем не так, как приличный певец из консерватории (хоть и без "одесских" штучек)! В этом и был весь шарм. Впрочем, колорит этого концерта надо, конечно, не описывать, а просто слушать.

И ещё: на этом концерте прозвучала впервые одна песня. Причём не "впервые в исполнении Аркадия Северного", а, похоже, в полном смысле слова. Это — "Поручик Голицын". Песня, об авторстве которой до сих пор не утихают споры и исписаны тонны бумаги. Мы уже упоминали её в главе "По чужому сценарию". А сейчас просто хотим поделиться с читателями некоторыми фактами, которые нам удалось выяснить. Никак их не комментируя. Во-первых, сколько мы не искали, подключив к своему поиску многих коллекционеров, нам до сих пор не удалось обнаружить ни одной записи этой песни ранее 1977 года. А во-вторых, по свидетельству Владимира Шандрикова, исполнить текст Аркадию Северному предложил Владислав Коцишевский. Причём, не просто предложил, а даже несколько откорректировал его, убирая, по возможности, слова с буквой "Р". Аркадий не всегда правильно произносил этот звук и, видимо, по мнению Коцишевского, этакая картавость могла помешать правильному восприятию песни.

Этим же летом судьба, наконец, свела Северного ещё с одним видным деятелем одесской подпольной звукозаписи — Станиславом Яковлевичем Ерусланом, встретиться с которым он собирался ещё с прошлого лета. Маклаков давно уже обещал их познакомить. Но не получалось никак: "град с дождём" постоянно мешали встрече с "крутым другом из Одессы". А теперь, поскольку Аркадий уже здесь, то почему бы и не встретиться ему с "Ерусалимом"? По воспоминаниям самого Ерусланова, Северный каким-то непостижимым образом нашёл его на работе "в районе Молдаванки". Гримаса судьбы (впрочем, типичная для советской жизни) заставила тогда Стаса Ерусланова, выдающегося одесского коллекционера и продюсера многих блатных проектов, работать на Молдаванке дворником. И вот как раз в то время, когда Стас наводил чистоту на одной из молдаванских улиц, и состоялась его историческая первая встреча с королём советской блатной песни Аркадием Северным. Которого, кстати, Ерусланову тоже удалось вовлечь в дела коммунального хозяйства Ильичёвского района города Одессы! Как вспоминал сам Станислав Яковлевич, у Северного тогда было всего две копейки в кармане и сильная головная боль. Однако же чувство долга не позволило Станиславу немедленно покинуть трудовую вахту, и он предложил Аркадию, чтоб тот помог ему завершить это грязное дело. А когда с работой было покончено, Ерусланов посадил Аркадия на мотоцикл и повёз к себе. Вот так и осталось на Молдаванке историческое место, где летом 1977 года Ерусланов мёл, а Северный сгребал в кучу. В своё время мы шутили, что там неплохо бы вывесить мемориальную доску. Теперь эта шутка наполнилась горьким смыслом: в июне 2003 года Ерусланова не стало, и его имя и дела уже принадлежат истории.

В дальнейшем Ерусланов с Аркадием обычно встречались на так называемом "Сахалинчике", который расположен не так уж далеко от центра Одессы — чуть больше 15 минут езды от Дерибасовской. Это район Бассейных улиц от 3-го Водопроводного переулка до "Красного креста", ограниченный с восточной стороны огромной дугой железной дороги. Возле неё все улицы кончаются тупиками, и если заехать туда, то никуда уже дальше не попадёшь. Можно только обратно. Потому, наверное, и назвали его Сахалинчиком; но, говорят, ещё и потому, что в XIX веке туда "сгоняли" преступников. Весёлое, в общем, местечко. И застроен этот "край света" был соответственно: типичными для трущобной Одессы дворами, где от ворот по периметру толпятся одноэтажные дома, а во дворе красуются сараи, "летние кухни", и обязательно — общественная

уборная. Дополнялся этот милый пейзаж ещё и тем, что Сахалинчик стоит среди Центральной промышленной зоны Одессы. Скорее всего, именно сюда попала С. Г. Калятина, приехав в Одессу по просьбе Дмитрия Михайловича за какой-то записью. Она вообще не поняла, что это такое, и рассказывала потом, что одесские коллекционеры обитают "в каких-то гаражах".

Планы у Ерусланова были большие, но, к сожалению, им по разным причинам так и не суждено было сбыться. Да всё как-то ещё так получалось, что Северный постоянно был не в форме, и от всех многочисленных, по словам самого Стаса, записей осталась только одна маленькая бобина. На которой Аркадий поёт, а, вернее, пытается петь под гитару. Для нас эта запись интересна, пожалуй, только настойчивой просьбой Северного о том, чтобы Маклаков прислал, наконец, в Одессу Женю Фёдорова: "У нас скрипача нет!" Похоже, что Аркадию просто надоело выступать только певцом, и захотелось, наконец, и самому "поучаствовать" в организационной предконцертной суете. Да ещё и с экстравагантностью — выписать себе скрипку из Питера! Трудно же, в самом деле, всерьёз предположить, что в Одессе нельзя было найти скрипача. В городе, где считалось хорошим тоном "учить детей на скрипке"! И Стасу было бы гораздо проще побегать в поисках скрипача по ресторанам, чем платить Жене командировочные. Но, как бы то ни было, до Сергея Ивановича этот отчаянный зов не дошёл, и Женя не приехал. А Ерусланов по этой, или какой-то другой причине, так и не записал Северного с ансамблем.

Чем занимался Аркадий в перерывах между записями, мы можем только догадываться. Судя по всему — тем же, чем и в Питере и в Киеве в свободное от "работы" время. Правда, остались какие-то смутные воспоминания о его выступлениях по одесским кабакам. Дмитрий Михайлович Калятин приводил даже конкретный адрес: ресторан "Приморский". Сам Калятин там, конечно, не присутствовал, но в своё время утверждал, что это был действительно концерт, в полном смысле слова. От кого он это мог услышать? Явно сам Аркадий рассказывал, больше, вроде бы, и некому. Вполне возможно, и было что-то похожее. Ведь записывали же когда-то и Алика Беррисона тоже прямо в ресторане. А Северный мог и прихвастнуть, конечно. Но Коцишевскому такие ресторанные записи были совершенно ни к чему, и он решает сделать хотя бы ещё один концерт с ансамблем. И к концу лета всё было готово.

"Прощальный" концерт оказался совсем не похож на предыдущие. Как мы уже говорили, Коцишевский собирал "Черноморскую чайку" из знакомых музыкантов, причём не всегда

из одних и тех же. По воспоминаниям самого Владислава Петровича, музыканты иногда менялись даже по ходу концерта. Тем не менее, стиль "Черноморской чайки" оставался, в общем-то, стабильным. но с вариациями! Так произошло и в этом концерте. Куда-то вдруг исчез фирменный атрибут одесской музыки — скрипка (поневоле задумаешься: а может, правда, что-то случилось тем летом с одесскими скрипачами?) Зато Коцишевскому посчастливилось раздобыть клавишника Фиму с неплохим электроорганом. Кстати, всех музыкантов ансамбля Северный в этом концерте перечисляет поимённо. А в конце добавляет: "Ну, и Владик, конечно!", подразумевая, что всем и так понятно — кто это такой. Продюсер, режиссёр и звукооператор Владислав Коцишевский. который в этом концерте поработал ещё и солистом!

Ну, а что же музыка? Музыка получилась достаточно интересная — почти что чистый диксиленд. Клавиши, аккордеон и сакс затеяли довольно изощрённую перекличку. А, кроме того, в "Прощальном" концерте всё-таки решили, наконец, почтить вниманием одесскую тематику. Правда, не сильно: звучит несколько песен из классики и одна написанная Коцишевским специально для этого концерта. Просто великолепная и неподражаемая суперпесня "Расскажу я вам немного об Одессе". Примечательна она не только тем, что написана практически безо всякого размера и рифмы, и не юмором о неправильных плавках Володи Шандрикова, но ещё и тем, что тут вдруг пошла речь о "внутренних" заморочках коллекционерского бомонда. Мы не будем влезать в их подробности, да и не добавляют они в данном случае ничего ни к делам, ни к образу Аркадия Северного. Хотелось бы просто подчеркнуть, что идея сочинять в блатном стиле песни о своих делах была совершенно неизящной, но, как впоследствии оказалось, заразной. С неподдельным энтузиазмом она будет подхвачена в самом ближайшем будущем и другими "поэтами".

Самому же Северному этот концерт дался с большим трудом. Аркадий уже на грани своих физических возможностей, и все прекрасно понимают это, в том числе и он сам. Вероятно, поэтому концерт и назвали "Прощание с Одессой", хотя "прощание" оказалось сугубо формальным. Северный ещё какое-то время живёт здесь, и возвращаться домой не собирается. Судьба делает очередной зигзаг, и он, не заезжая в Питер, направляется в Москву. Сейчас уже трудно установить от кого именно исходила инициатива, но факт остаётся фактом: осенью 1977 года Северный оказывается в 15-й московской клинике (на Каширке), куда его снова устраивает Георгий Сергеевич Ивановский. По

словам самого Аркадия, человек "круто повернувший" его жизнь. Жизнь певца на этот раз действительно круто повернулась — Северный не пил почти год. Так мало и так всё-таки много — почти целый год.

А первый "концерт" после лечения он даёт здесь же, в Москве, в гостях у известного музыкального коллекционера Юрия Николаевича Давидянца, "по совместительству" — начальника отдела снабжения Института стали и сплавов. К сожалению, пока не удалось раздобыть какой- либо более точной информации о том, как был организован этот концерт; равно как и о некоем Толе Помойке, которого молва также числила организатором записи. Кстати, она долгие годы считалась единственной уцелевшей из сделанных в Москве…

На этом концерте совершенно неожиданно Аркадий начинает петь песни на стихи Саши Чёрного. Может, хозяева попросили, а может, просто самому попался в руки довольно дефицитный в те времена томик из "Библиотеки поэта". Саша Чёрный в исполнении Аркадия Северного! Было бы естественным ожидать от такого сочетания чего-нибудь юморного и весёлого. Но у Аркадия в этот день весёлые вещи не получаются совершенно. Даже тогда, когда он поёт уже песни из своего привычного репертуара. "На Дерибасовской открылася пивная", "Подол" — и те звучат у него без прежнего "огонька". И никаких хохм, никаких приколов. Зато грустные лирические песни, наоборот, удаются. И хотя он время от времени, по просьбе присутствующих, поёт быстрые вещи, всё равно опять и опять возвращается к лирике. Северный поёт то, что ему нравится, и то, что лежит сейчас на душе. "Я сейчас плакать буду…" — говорит кто-то из гостей после исполнения "Сладкой ягоды". Даже им, успевшим уже неоднократно бабахнуть за "непьющего Аркашу", к концу записи передаётся его настроение. Саша Чёрный давно забыт и предан забвению, и слышен только голос Аркадия Северного:

…Итогда с потухшей ёлки быстро спрыгнул дьявол жёлтый. Он сказал: "Маэстро бедный, Вы устали, Вы больны… Говорят, что Вы в притонах по ночам поёте томно, Даже в нашем грешном мире все давно удивлены".

Он действительно устал и действительно болен. Неизлечимо болен. А сейчас у него просто "период ремиссии", как говорят врачи.

***

О музыкантах, принимавших в различные годы участие в

составе "Черноморской чайки", есть информация от Владислава Ващенко, клавишника этого ансамбля. Вот его рассказ: "Состав периодически обновлялся, но основной костяк это были: гитара — Володя Спекторский; бас — Жора Спирин (покойный) или Александр Белый;. саксофон — Борис Добровольский или Сима Кандыба — уехали в Америку; органист — Фима Король (несколько концертов, потом уехал в Америку) или я — Влад Ващенко; барабаны — Игорь Демешкан (покойный) или Петя Ройтман; труба — Петя Вайман (в Америке); кларнет — Жора Горовенко (покойный); скрипач — Миша Беленький (в Америке)".

Глава седьмая
"Ремиссия"

"Итак, мы прощаемся с вами!
Ждите нас в Одессе и Москве!"

А. Северный, октябрь 1977 г.

Эту главу мы сначала хотели начать дежурной фразой, что вот, мол, "Северный в отличной форме, полон творческой энергии." Хотели, но отказались. Потому как это было бы неправдой, а точнее — полуправдой. Да, "физически" Аркадий, действительно, здоров. А вот психологически. Недаром врачи-наркологи советуют "завязавшим" сменить обстановку. Легко сказать! Это там, в заграницах, просто: взял и полетел куда-то там на Таити, погреться на солнышке пару месяцев. А у нас? Весёлый посёлок на Купчино менять, что ли? Какая хрен разница: "ни кола и ни двора, и ни рожи с кожей." Все вокруг пьют, веселятся и не спиваются почему- то. Один ты, как дурак, трезвый на этом празднике жизни. Один. "Спой, Аркаша, что-нибудь весёлое." Щас. Разогнались. Но жить-то надо, ведь каждый человек надеется на что-то лучшее. И в гостях хорошо, но и домой уже пора. А если не домой, то в Питер хотя бы.

Октябрь. "Листья жёлтые над городом кружатся. С тихим шорохом нам под ноги ложатся." Северный возвращается в Ленинград — из Москвы и с песнями. А его уже ждут. Кто-то с неподдельной радостью, а кто-то. Да чего уж там! Пока Аркадия не было в Питере, слава о его киевских и одесских гастролях долетала сюда вместе с записями. Питерские коллекционеры вполне могли и заочно убедиться, что Северный "пока ещё не выдохся"; а теперь, когда он сам предстал перед ними и. "ни в одном глазу". Вперёд! Аппаратура готова — пора делать новые концерты! А с каким ансамблем — тут и думать нечего. Под эту затею ещё один питерский коллекционер Николай Иванович Корниенко вместе с Маклаковым и вернувшимся с кавказских заработков Резановым, конечно же, решают возродить "Братьев Жемчужных". Да не просто возродить, а с такой музыкой, чтоб все упали! Раньше у "Братьев" был только саксофон, а теперь Резанову удаётся сколотить сильную духовую группу: Виталий Смирнов, Валерий Заварин и Георгий Чиков, работавший в знаменитом "Ленинградском Диксиленде". Сам Резанов берёт в руки банджо — он ведь тоже джазмен! — и "Братья Жемчужные"

тоже становятся настоящим, профессиональным диксилендом. Под кличкой "Диксиленд" этот концерт, записанный в октябре 1977 года на квартире Раменского, и вошёл в историю.[19]

Однако, знаменательными и "эпохальными" оказались не только музыкальные находки! Этим концертом действительно открывается новый этап творчества Аркадия Северного, потому что именно здесь впервые звучит так много песен на стихи Владимира Раменского.

Позволим себе небольшое отступление. О личности этого достаточно самобытного поэта довольно подробно рассказал в своей книге Михаил Шелег. Мы хотим только добавить несколько штрихов. Ведь Аркадий довольно часто "гостил" у Раменских. А сколько концертов было сделано на этой квартире! Недаром Н. С. Резанов в интервью с одним из авторов книги, которую вы сейчас читаете, сказал, что "надо сделать мемориальную доску на доме, где жил Владимир Раменский… Столько там записано было всего". И не только записано. Аркадию всегда были здесь рады. И когда в очередной раз он оставался без крыши над головой, то шёл именно сюда, зная, что приют будет ему обеспечен. Они были в чём-то похожи — непризнанный поэт и непризнанный певец. Впрочем, не признаны они были только официально, государством, а народонаселение этого государства знало и любило их песни.

Как мы уже говорили, первый раз песню на стихи Раменского Аркадий исполнил ещё в начале 1975 года, но тогда это дело практически никакого развития не получило. Маклаков, Рышков и Калятин особо голову не ломали: для составления репертуара концертов Аркадия им вполне хватало либо фольклорных песен, либо чьих-то авторских, но уже хорошо известных. Однако теперь организаторов не устраивают такие варианты. Им тоже нужен "оригинальный Северный", а для этого нужны и оригинальные, нигде ещё не звучавшие песни. Мысль, конечно, совсем не новая: и Фукс писал песни для Северного, причём, немало; да и вот, Коцишевский в Одессе тоже отметился. Но путь-то, вообще, перспективный! — были б песни хорошие. Маклаков песен не пишет; знакомых бардов у него, правда, полно, — но они все и сами горазды петь. Остальных участников тоже Бог не сподобил. И тогда кто-то из них вспоминает о Раменском. Владимир Николаевич охотно откликается, и достаёт свои тетрадки. Пожалуйста! Только здесь нет ни тёти Хаи, ни дяди Вани, — это в основном лирика, очень незамысловатая, именно в том стиле, в каком обычно и сочиняли неизвестные авторы уличных песен. И весьма созвучная нынешнему настроению Аркадия:

Я не жду уже лучших времён.
Я не буду начальником треста.
Я не буду никем увлечён,
Да и в жизни мне нет уже места…

В итоге концерт получается действительно качественный и оригинальный во всех отношениях. Маклаков и Рышков рассылают кассеты ящиками в различные города Союза, "Жемчужные" готовы к новым творческим успехам. а Аркадий вдруг исчезает из Питера. Но, несмотря на столь чувствительную потерю, "Братья", окрылённые успехом "Диксиленда", почти сразу же пишут ещё один концерт — "Листья жёлтые", и вновь с песнями Раменского. Вспоминая при этом, конечно же, об отсутствующем Аркадии: "Этой осенью от нас уехал наш самый лучший друг и товарищ — Аркадий Северный. Осенью мы временно потеряли своего друга. Но, Аркадий, ты услышишь эту песню, тебе станет грустно, ты вспомнишь о нашем городе, о твоих братьях Жемчужных и снова вернёшься в наш город. Аркашка! Мы ждём тебя! Приезжай к нам быстрей!" Как видно, "Жемчужные" сами не знают толком: а куда же, собственно, так неожиданно исчез их друг? А действительно — куда? Оставим пока этот вопрос без ответа, мы ещё вернёмся в эту осень, но чуть позже.

Аркадий вновь появляется в Питере только в декабре. И, что интересно, в шикарном прикиде; как рассказывали М. Шелегу: "На нём был хороший костюм, лакированные туфли и зонтик-тросточка…" В общем, человек пропадал не даром! А в Питере все уже готовы к новым свершениям: "продюсеры" со своими магнитофонами, Раменский с текстами, и, конечно, Резанов. Гитара всегда при нём, а музыканты. Таковых на этот раз приводит Владимир Тихомиров, давний знакомый Раменского ещё по зоне. Сам немного играющий на гитаре, он тоже решает приобщиться к компании, окружающей Северного, и поучаствовать в записях. В дальнейшем он близко сойдётся с Аркадием и будет дружен с ним почти до самой смерти певца.

Итак, Тихомиров приглашает ансамбль, игравший в то время на подменах в одном из залов ресторана "Невский". Это была любительская группа, которой руководил старый друг Владимира гитарист Борис Циммер. В её состав также входили: барабанщик Владимир Вахромеев, басист Василий Морозов и певица Маша Иванова. Названия у этой скромной группы не было, но ведь ансамбль, аккомпанирующий Аркадию Северному, должен как-то называться! Несмотря на то, что Николай Резанов не только будет

играть с этими новыми музыкантами, но и споёт несколько песен, марку "Братья Жемчужные" решили не использовать. А придумали нечто новенькое и оригинальное. Традиция всяческих творческих приколов и мистификаций для Северного давно не в новинку, и вот тут тоже сочиняется миф — прямо-таки детективный. "Грипп скосил всех "Жемчужных", и Николаю Ивановичу Корниенко, стало быть, приходиться "срочно вызывать из ФРГ ансамбль "Чайка". Кстати говоря: а ведь был такой ансамбль! И именно из ФРГ, — играл в 60-70-е годы русские народные песни в этаком "лубочно-ресторанном" стиле. Конечно, мало похоже на то, что изображает Резанов с новыми коллегами; но, как бы там ни было, аккомпанемент для Северного готов. Две гитары, бас и ударник — сопровождение, как видите, совсем далеко убежало от джазовых опытов "Жемчужных". Но для песен, звучащих в этом концерте, оно оказывается вполне в масть. Ведь концерт получается не простой: богатая идея делать записи Северного из оригинальных песен на стихи Раменского здесь, наконец, разворачивается во всей красе. Фольклорных песен нет вообще, Северный поёт исключительно песни Раменского, и только Маша Иванова слегка разбавляет его популярной эстрадной лирикой. Песни разнообразные, и в целом получается концерт, который полностью стилистически выдержанным не назовёшь; хотя все темы здесь, безусловно, интересны. Но в первую очередь, конечно же, — белогвардейская:

Не надо грустить, господа офицеры,
Что мы потеряли — уже не вернуть…
Пусть нету отечества, нет больше веры,
И кровью отмечен нелёгкий наш путь…

Эта "контрреволюционная" тема в те годы уже не была новинкой для советского народа. И, конечно, не автор "Поручика Голицына", так и оставшийся нам неизвестным, открыл её. Она просто витала в обществе развитого социализма ещё с середины 60-х годов, на что уже не раз обращали внимание журналисты и социологи. Факт был несомненный: в самом передовом обществе планеты завелась ностальгия по старой России. Причём у того поколения, которое эту Россию и не видало, — просто создалась сказка от тоскливой реальности Совдепа. В этой сказке, кстати, с белогвардейской темой смыкалась и гусарская, реализованная, правда, совсем уж гротеском — анекдотами о поручике Ржевском. Вспомнилась нам она потому, что в концерте с "Чайкой" кроме белогвардейских песен звучит и ещё одна "художественно-историческая" — "И я была девушкой юной". Правда, она не имеет

никакого отношения ни к гусарам, ни к России XIX века, — ведь это стихи Роберта Бёрнса; но чем ещё объяснишь появление такой песни в концерте Аркадия Северного? И точно в тот же ряд встаёт уже современная филатовская "Тает жёлтый воск свечи". В общем, это вам не блатная романтика, Комитету уже есть на что обратить внимание.

И он, естественно, обращал, но больше в целях профилактики, чем по необходимости. Остались воспоминания Калятина о том, что приходили какие-то люди в штатском к Раменскому, да и Николай Резанов рассказывал об интересе к "Братьям Жемчужным", проявленном со стороны руководства "Ленконцерта". Но особо серьёзных последствий это не вызвало. Разве что некоторые боязливые коллекционеры повытирали на бобинах наиболее одиозные фамилии, произнесённые вслух: Галича, например, а также и свои собственные. На всякий случай, чтобы чего не вышло. Но в то же время, и опять же, на всякий случай, — многие стараются оставить о себе "память на века", пользуясь для этого любым удобным моментом.

Например, Николай Гаврилович Рышков. Примерно в эти же декабрьские дни он даёт Аркадию несколько текстов собственноручного изготовления. Сохранился небольшой фрагмент их записи под гитару: песня про самого Аркадия "Все меломаны Ленинграда.", а также песня про дочку Рышкова — Наденьку, — "Ей восемнадцать только что исполнилось." Песни как песни, любительские поделки, конечно; но отчего бы и не спеть их в домашнем концерте для уважаемого хозяина? Вероятнее всего, это была своего рода репетиция перед новой записью, проверка "на звучание". И, хотя звучание получилось и не ахти какое, но Северный всё-таки споёт одну из них ещё раз, уже с музыкантами. Песню про самого себя он петь не станет, — возможно, из скромности, — а исполнит "Про девочку Надю". К некоторому, так сказать, недоумению многих простых советских слушателей, "воспитанных" на одесско-блатном имидже Аркадия Северного.

Увы, над его имиджем наши продюсеры-подпольщики уже провели к этому времени очень большую работу. Хотя, конечно, это нельзя было назвать целенаправленной работой. Каждый из них просто делал то, что приходило в голову, даже не понимая, наверное, что получается в результате. Хотя некоторые приёмчики, используемые ими для "завлечения слушателей", оказывались такими, что напрашиваются аналогии прямо-таки с неизвестным тогда ещё никому шоу-бизнесом! Но для этого надо было обладать хотя бы своеобразным вкусом и способностями Рудольфа Фукса. А наши деятели, пользуясь тем, что Аркадий

готов петь всё, что угодно, превращают его уже даже и не в "артиста подпольной эстрады", а, вслед за Коцишевским, в какого-то своего "персонального" певца. И теперь уникальный голос Аркадия Северного вещает нам о каких-то малопонятных несведущему слушателю заморочках коллекционерского бомонда. Вот вам и весь "имидж".

И, конечно, ни о каких таких "высоких материях" не думают Рышков, Маклаков и Корниенко, организуя новый концерт, который состоялся буквально вслед за "Чайкой". Просто все видят, что Северный в ударе, — так надо ковать железо! И 22 декабря на квартире Владимира

Раменского организуются "Проводы 1977 года". Собрана вновь духовая группа, всё-таки "Жемчужные" — это джаз! И "Братья" в этом концерте выдают на полную мощь. То, что они сыграли, по аранжировке и звукорежиссуре становится уже совершенно вровень с музыкой, которую можно было слышать тогда в исполнении эстрадных коллективов по радио и ТВ. Впрочем, музыканты "Жемчужных" и есть, собственно, члены подобных коллективов; просто в этом концерте им удаётся реализоваться гораздо в большей степени, чем раньше. Духовая группа Лахмана-Чикова продолжает лабать в диксилендовой традиции, очень грамотно звучит клавишный аккомпанемент, да и бас отличается весьма ярким и оригинальным звучанием. А что Резанов выделывает с гитарой — нечего и говорить. Классические мелодии про "Пиковую даму" и про "Маруську с пачкой денег" обыгрываются вообще чуть ли не в авангардном джазе. Ну, а репертуар. В концерте опять звучат песни на стихи Раменского, — разумеется, эту новую традицию все хотят продолжать и развивать. Вот только интересных текстов к этому концерту Раменский успел подготовить немного — но не беда! Ведь ещё достаточно песен в безднах фольклора; и ничего страшного, что многие из них уже исполнялись раньше. Пусть прозвучат теперь в более мощном музыкальном сопровождении! Всем оркестром — вступление из "Анжелины", и:

Раз пришлось мне как-то летом
В стоге сена ночевать,
Притомился я с дороги,
Стал тихонько засыпать…

В общем, концерт удаётся на славу. В новом, 1978 году народ с большим интересом будет слушать этого нового, совсем уже "эстрадного" Северного. Это действительно интересно и необычно по тем временам.

Но не более. Потому что куда-то пропал к концу года за всем этим "эстрадным великолепием" блатной колорит. И не только в музыке, но и у самого Северного.

Аркадий опять, как и прежде, за сравнительно короткий период времени напел несколько концертов. Но если раньше в таких "сериях" концерты отличались друг от друга только репертуаром или музыкантами, то здесь присутствует и другое отличие. Изменилась сама манера исполнения. Вроде бы, всё как и всегда, но уж больно как-то ровно и причёсанно. Весёлые песни — веселы, а грустные — грустны, соответственно. Но нет в них прежнего надрыва и радости прежней тоже нет. Причём, наиболее отчётливо это видно именно на "Проводах". Куда-то подевалась вся экспрессия и все эти "одесские штучки". Что-то случилось. А что могло случиться- то? Жизнь круто изменилась? Конечно. Но не так, как думалось, и начинает уже казаться, что совсем не в ту сторону. Что всё — зря, и уже не исправишь того, что было. А что в будущем — непонятно. И идёт человек к депрессии потихоньку, незаметно для самого себя и, часто, для окружающих. А пение, если оно из души, — выдаёт. Вот и нет того веселия. Остались только воспоминания о нём, и о том, что всё прошло и никогда уже не повторится. И нельзя вернуть того, что было. В трезвом виде нельзя. А в пьяном? А вдруг — чудо? А вдруг — можно, если, конечно, не похмеляться, а "как все"? Может, попробовать? Нельзя. И в Новый год нельзя? И в Новый год. Какая уж тут экспрессия при таких мыслях. Кто-то может сказать: "Ну и накрутили авторы здесь!" Может, и накрутили. А вы всё-таки спросите: что думает по этому поводу ваш "подшитый" сосед, или ребята вот те — из наркологической клиники.

Вот таким концертом и завершается этот год — столь богатый событиями в жизни Аркадия. И одновременно этот концерт оказывается и последней его записью с "Братьями Жемчужными", — в том смысле, что под таким названием Николай Резанов и другие музыканты уже никогда больше не аккомпанировали Северному. Либо ансамбль выступал под другим лейблом, либо название вообще не озвучивалось.

Итак, отшумел и новогодний праздник, и Рождество, которое тогда отмечалось подпольно; советский народ готов к новым трудовым свершениям, а Аркадий Северный. Бродяжьей душе опять не сидится — и он в очередной раз покидает Питер, и снова-таки оказывается в ставшей ему уже совсем близкой Одессе.

На этот раз ленинградские друзья Аркадия знали, куда его унесло с берегов Невы. Например, Валентин Витальевич Мироновский в своём рассказе про подготовку к концерту с

ансамблем "Химик" (который состоится в конце февраля 1978 года), вспоминал: "Володя Раменский говорит при встрече: "Аркаша приезжает из Одессы, будем писать концерт — надо сделать микшер". Есть и ещё один малоизвестный факт. В самом начале 1978 года производится "пробная" запись ансамбля "Чайка" — того самого, "из ФРГ", для фонотеки Тихомирова. И говорятся на этой записи такие вот слова: "Аркадия Северного с большими трудностями удалось отправить на перекладных в его любимую Одессу…" и далее: "Аркаша! Бросай свою пошлую Одессу, приезжай быстрей к нам. Мы тебя все очень ждём с Володькой!"

Таким образом, факт почти двухмесячного пребывания Аркадия в Одессе сомнений не вызывает. И, вероятнее всего, именно в этот приезд он записывает 6-й концерт с "Черноморской чайкой": "После долгого перерыва я опять нахожусь в Одессе…" Это концерт, где первым номером звучит ответ "Братьям Жемчужным" на "Листья Жёлтые" из одноимённого октябрьского концерта: "Не нагоняйте здесь тоску вы про опавшую листву…" Хотя нельзя исключить и вероятность того, что запись могла быть и в ноябре 1977 года, как раз после памятного "исчезновения" Аркадия из Питера. Впрочем, мы не берёмся сейчас устанавливать точную датировку этого концерта. Но поскольку уж зашла о нём речь, остановимся в двух словах, — концерт того стоит. Он был организован снова неутомимым Коцишевским; которого, к чести сказать, не особо смутили все эти питерские новшества, выданные в конце 1977 года. Владислав Петрович продолжает своё дело безо всяких экспериментов — концерт выдержан всё в том же, уже "классическом" стиле "Черноморской Чайки", а питерским просто посвящено несколько песен. Что же касается репертуара — здесь Владислав Петрович тоже остался верен себе. Песни он опять подобрал с толком, и народные, и авторские… вот только сам опять написал непонятную песню "Ах, одесские мотивы". Вернее, понятную, но только отдельным товарищам. Впрочем, Бог с ней, не она определяет "лицо" концерта. А нам хотелось бы сказать отдельно пару слов об одной действительно замечательной песне:

> Ой, захотелось Берчику выехать на Запад,
> Оттуда пишут: вызов надо заслужить.
> И решил наш Берчик совершить диверсию —
> В туалет общественный взрывчатку подложить!

Это сатира, великолепная именно тем, что невозможно однозначно сказать: высмеивается ли в ней еврейская эмиграция, или пародируется советская "антисионистская" пропаганда.

Одним словом, очередной, вполне приличный концерт фирмы Коцишевского… но разговор о нём мы на этом закончим. Потому что наиболее важным моментом и причиной этого приезда Аркадия в Одессу был не концерт, а нечто совсем иное…

Это была его очередная попытка уладить свои личные дела. И сейчас мы подходим к одному эпизоду из жизни Северного, о котором практически нет никаких точных сведений, кроме не всегда чистоплотных слухов и смутных воспоминаний. Хотя, по нашему мнению, история эта является одним из самых ключевых моментов в последние годы жизни певца. Это история его последней и неудавшейся попытки изменить свою жизнь. И началась она в Одессе, где Аркадий познакомился с женщиной. То ли сам, то ли Коцишевский свёл, — но впрочем, это, по сути, и неважно. О ней мы почти ничего не знаем; по одним сведениям она была то ли дочерью, то ли женой болгарского дипломата, по другим — рыночной торговкой и аферисткой, молдаванкой по национальности. Известно только её имя — Зина. Но, как бы то ни было, женщина эта не на шутку затронула сердце Аркадия; да так, что он на полном серьёзе собрался на ней жениться (по некоторым сведениям они действительно чуть позже расписались). Летом этого, 1978 года, Фред и Светлана Ревельсон случайно встретятся в Одессе с Аркадием и Зиной и решат отметить эту встречу в каком-то кафе. И Северный знакомил их со своей подругой таким образом: "Это — моя жена". Причём, говорил на трезвую голову — а значит, больше оснований поверить. Да и Д. М. Калятин вспоминал, что Аркадий"… приехал из Одессы с симпатичной бабой, представил её как жену". Что Северный был настроен серьёзно по отношению к этой женщине, подтверждает и С. Г Калятина: "Он познакомился с ней в тот момент, когда не пил. Он в неё влюбился страшно. Мне в Ленинград звонит: — Софа! Ты бы видела её… — Я говорю: перестань, Аркадий! Я тебя хорошо знаю… Я себе её прекрасно представляю. — Можно я к тебе приеду? — Да ты что! Я прекрасно представляю из какой среды, из какого общества она. Зачем мне это надо. Но он приехал. Всё-таки привез её, видно хотел похвастаться, что он в Ленинграде жил".

Неприязнь Софьи Григорьевны к этой женщине вполне объяснима: Аркадий не так давно делал предложение ей самой, и вдруг предлагает познакомиться со своей новой подругой. Когда он встретился с Зиной — этого нам, к сожалению, точно выяснить не удалось. Скорее всего, раньше — осенью, когда вдруг неожиданно пропал из поля зрения всех. Вполне возможно, что после записи "Диксиленда" и рванул он на пару месяцев в Одессу, от греха подальше и подальше от компании прежних

собутыльников, к непьющему Коцишевскому. Но как оно было на самом деле, мы, скорее всего, уже никогда не узнаем — столько лет прошло. Но опять же: неважно это в данном случае, а важно, что вновь появились у него надежды на какие-то изменения в жизни в лучшую сторону. Хотя Аркадий и не знает ещё, что надежды эти вновь окажутся несбыточными.

И вот, одним зимним утром 1978 года Северный с новой своей знакомой приезжает в Питер… И почти сразу же после приезда его ждёт множество неожиданных событий.

А начинаются они с того, что Владимир Тихомиров и Владимир Раменский приглашают Аркадия прокатиться на запад, в смысле — на 147 километров западнее Ленинграда, в город Нарву, самый близкий к Питеру город Советской Прибалтики. А Прибалтику граждане СССР в те времена считали и впрямь "кусочком Запада", и для многих ленинградцев это было вполне естественным делом — скататься на выходные за Нарову-реку, прикупить "Vana Tallinn" и всего такого прочего, а вечерком посидеть в "почти европейском" маленьком кафе. Впрочем, это лирическое отступление как раз таки не имеет почти никакого отношения к нашим героям — Раменскому с Тихомировым. Они катались в Прибалтику не развлекаться, а работать, и занимались в городках Эстонии обивкой дверей — довольно прибыльным по тем временам "бизнесом". Ну, а после хорошего заработка шли отдыхать, конечно, всё-таки в те самые, знаменитые прибалтийские кафе. В одном из таких заведений — кафе гостиницы "Нарва", называемом в народе "Старым кафе", им довелось достаточно близко познакомиться с местным музыкальным коллективом — ансамблем под управлением Николая Лысикова. Вскоре Владимир Раменский даже стал привозить этим музыкантам свои стихи. И вот в старом нарвском кафе зазвучали песни на стихи непризнанного ленинградского поэта. Сюда и приглашают Тихомиров с Раменским своего друга Аркадия Северного.

Подробности этого визита стали нам известны сравнительно недавно, от бывших музыкантов "Старого кафе" — Владимира Бривика и Александра Лобанова, благодаря расследованию журналиста из Нарвы Эдуарда Мольдона. По этим рассказам, Аркадий пел в "Старом кафе" и с музыкантами, и под гитару песни на стихи Раменского. Правда, при минимуме публики в зале, так что "гала-концертом" это мероприятие не стало. И, пожалуй, наиболее занятным моментом в воспоминаниях об этом выступлении является рассказ, как Северный пел. классические итальянские романсы, причём настоящим оперным голосом! Любопытная иллюстрация к тому, как трансформируются со

временем людские воспоминания, как далеко они убегают от того, что было на самом деле. В данном случае — от спетого Северным всего-навсего одного куплета на итальянском, а может — и "псевдоитальянском" языке в песне на стихи Раменского "Часто ночами, ища покоя", положенной на хорошо известную в 60-е годы итальянскую мелодию. И сам факт исполнения Аркадием этой песни является, на самом деле, гораздо более интересным и важным, нежели красивая сказка об "оперном" Северном.

Дело в том, что приглашение Северного в Нарву для того, чтобы спеть новые песни на стихи Раменского под ансамбль, было частью "подготовительной программы" к новой грандиозной затее Владимира Тихомирова. Он решает, что пора уже и ему сделать полностью свой проект, безо всякого участия "больших дядей" из коллекционерского мира. И ещё до приезда Аркадия из Одессы, судя по уже упоминавшемуся нами рассказу Валентина Мироновского, в "сговоре" с Владимиром Раменским, и втайне от Маклакова, начинается бурная организационная деятельность. И, судя по всему, первоначальный замысел Тихомирова заключался в том, чтобы запись была произведена именно в Нарве, с ансамблем Лысикова. Однако по каким-то причинам (которых мы, видимо, уже не узнаем) этому не суждено было осуществиться. Поэтому нарвские гастроли Северного ограничились только "эстрадными" выступлениями в кафе. А студийную запись новых песен Раменского решают произвести всё-таки в Питере. Для её технического обеспечения и подключают Мироновского. Причём сначала предполагалось произвести эту запись на его квартире. Но Мироновский отговорил: "Нет, ребята, у меня нельзя — стены слишком отдают. Старое дерево, настолько высохшее, что ничего не получится, не будет звука". Поэтому решили писать на проверенной "явке" — у Раменских. Мироновский делает микшерский пульт, а вот импортного магнитофона у наших "заговорщиков" нет, и приходится использовать родной советский "Ростов".

Музыкантов на этот концерт собирает, конечно же, тоже сам Тихомиров. При этом он не ищет каких-то новых, а приглашает тех же, что недавно выступали под видом "Чайки из ФРГ": группу Бориса Циммера. Но поскольку это новый и оригинальный проект, то и название у ансамбля должно быть новое! Так рождается "Химик". По версии Мироновского — от слова "схимичить", потому что делалось втайне от Маклакова. Но для вступления к концерту, конечно же, была написана гораздо более романтическая версия: "ребята свалили с химии". Всем, вероятно, памятен этот художественный рассказ о том, как Северного,

только приехавшего из Одессы, на Витебском вокзале перехватывают те самые, "свалившие с химии" ребята и увозят его петь песни "на другую химию, что под Нарвой, "Фосфорит". Как уже могли заметить наши читатели, мы не раз говорили, что не стоит всерьёз относиться ко всем шуткам и мистификациям, которыми Северный обставлял свои концерты. Но в данном случае всё обстояло гораздо интереснее, чем с БАМом.

Конечно, после всех этих событий: неосуществлённого плана записи в Нарве, и тех нарвских "гастролей", о которых мы только что рассказали, нет ничего удивительного в том, что эта тема получила такое, уже "легендарное" развитие. Правда, "Фосфорит" находится не совсем под Нарвой, но не так уж и далеко от неё, как раз на пути из Питера, в городе Кингисеппе Ленинградской области. И, кстати, по некоторым сведениям, у Владимира Тихомирова были знакомые музыканты и в кингисеппском доме культуры объединения "Фосфорит", носившем, между прочим, название. ДК "Химик"! В общем, Тихомиров строил свою легенду на хорошо знакомом материале. Однако наиболее интересным является то, что она, похоже, была запущена Тихомировым не в шутку и не для "красивости", а. ради конспирации. Причём гораздо серьёзнее, чем это бывало в концертах у Маклакова. Итак: "Дорогие товарищи, за нами слежка. Надо срочно сматываться в Нарву. Попрошу некоторых товарищей не разыскивать ансамбль "Химик". Этих талантливых ребят мы спрятали в надёжном месте…" Не знаем, как для "некоторых товарищей", а для простого народа следы были заметены действительно намертво. Недаром же "нарвская" версия на все лады повторялась ещё долгие и долгие годы, причём, не только самим Тихомировым, но и Валентином Мироновским, и Николаем Резановым; и принималась как факт почти всеми коллекционерами. И только сейчас, благодаря рассказам непосредственного участника тех записей Бориса Яковлевича Циммера, истина, наконец, понемногу выплывает из мрака. Но оставим уже легенду о славном городе Нарве, и вернёмся обратно к этим замечательным концертам с ансамблем под загадочным именем "Химик", записанным в конце февраля — начале марта 1978 года.

Итак, звучит это пресловутое вступление, эта хорошо продуманная как в художественном, так и в конспиративном плане сага о "Фосфорите". Но надо, впрочем, заметить, что самая первая фраза была всё-таки истиной: "Звонок из Ленинграда застал меня в Одессе." Так оно всё и было. Аркадий действительно приезжает из Одессы, и ему не нужно об этом ничего сочинять, как в памятном концерте с "Жемчужными" в апреле 1975 года. И приезжает он на этот раз не с мифическим

"сыночком Моней", а с реальной спутницей. Причём, и на запись концерта с "Химиком" Аркадий приходит с ней, — что запечатлено на многочисленных фотографиях, сделанных "штатным" фотографом всех подобных мероприятий Сергеем Петровичем Соколовым. Звание капитана милиции нисколько не мешало ему любить творчество Аркадия и быть активным участником многих концертов.

И, конечно, не забывает Северный послать привет нарвским музыкантам, с которыми совсем незадолго до этого спел уже многие песни из репертуара этого концерта. Песня о Нарве, которую Аркадий предваряет посвящением "старому кафе" и "оркестру, который скучает без меня", — надолго вошла коронным номером в репертуар нарвских музыкантов. А Северный с чувством исполнит её в концерте с "Химиком", заставив поверить всех, что у него действительно под окном не Нева, а Нарова.

Собственно, мы добрались уже и до песен самого концерта. Разумеется, это продолжение уже разработанного сюжета "Песни Северного на стихи Раменского", довольно удачного, как наглядно показали предыдущие записи. Мы недаром говорили о новом этапе в творчестве Аркадия. Ведь все эти концерты были сделаны в достаточно новом для того времени жанре. Оркестрованная авторская песня, получившая распространение к концу 80-х годов, и занявшая большое место в современном жанре, именуемом "шансоном", тогда ещё только-только начиналась. Хотя, конечно, формально стихи Раменского не подходили под определение самодеятельной авторской песни, столь популярной в те годы на фоне убожества официальной эстрады. Правильнее было бы, наверное, говорить о "песенной поэзии" Владимира Раменского. Правда, его творения вряд ли можно было бы назвать "поэзией" в высоком смысле этого слова, но, тем не менее, в оригинальном артистическом изложении Аркадия Северного под оркестр они обрели вполне достойное звучание. Жаль только, что таких концептуальных записей, построенных целиком на авторском материале Раменского, было сделано не так уж много.

А в концерте с "Химиком" Владимир Николаевич выступает к тому же не только как лирик, он делает ещё и стилизации под настоящий блат, и гражданские, можно даже сказать — протестные песни! "Мне не дадут звезду героя" — это же прямо-таки манифест подпольного артиста Северного:

Да, я отлично всем известен
В огромном доме у Невы,

Как сочинитель гадких песен,
Как автор двойственной молвы…

А "Осень Петербурга"! Хоть она и не такая острая на первый взгляд, — но это опять песня о старой России, угробленной большевиками; а значит — противостояние официальной идеологии.

И на этом моменте мы считаем нужным немного остановиться. Михаил Шелег в своей книге писал, что Северного не прельщала роль трибуна и бунтаря, и однажды он отказался петь текст со словами "долой правительство ЦК КПСС", — потому что блатной жанр по сути своей не приемлет политику. Но нам этот вопрос представляется более сложным и неоднозначным. С одной стороны, у Аркадия, конечно, было очень мало песен с политической окраской. Но с другой — мы уже говорили о том, что блатная тематика и сама по себе оппозиционна режиму, и Аркадий Северный был, безусловно, нонконформистским певцом. А уж в случае с "Химиком" всё было однозначно — здесь некоторые песни отличались именно прямой политической остротой. И можно признать: Раменский и Северный сделали достаточно смелый по тем временам шаг.

В заключение надо сказать, что в этом концерте были интересны не только стихи Раменского. Для "историков" здесь, пожалуй, не меньший интерес, чем сами песни, представляют и вступительные слова к ним, в которых наши "герои" решили запечатлеть для истории многих своих знакомых: и Мироновского, и Соколова, и братьев Кадниковых, которые, по версии С. И. Маклакова, оплатили всё это мероприятие, и халдея из самой крутой шашлычной Питера "Мерани" — Володю Николаева, и "худенького мальчика" Сашу Давыдова по кликухе "Негр". Впрочем, Давыдов с Аркадием "повстречались в ресторане "Мотылёк" уже на втором концерте " Химика".

Этот концерт был записан почти сразу же вслед за первым — в марте 1978 года. Ободрённые успехом мероприятия Тихомиров с Раменским, разумеется, решают продолжить это дело. И даже при более солидном музыкальном сопровождении, для чего приглашают скрипача, старого знакомого Аркадия, сыгравшего с ним уже Бог знает сколько концертов — Женю Фёдорова. А вот новых текстов на целый концерт Раменский, вероятно, подготовить не успевает. Поэтому в программу включают много песен известных авторов-исполнителей: Высоцкого, Абдрахманова, Дольского, Клячкина. От оценки исполнения этих песен мы в очередной раз воздержимся. Пусть читатели сделают

это самостоятельно — ведь вкусы у всех разные.

И, заканчивая наше повествование об этом замечательном "химическом" проекте, считаем нужным затронуть ещё одну, совсем не музыкальную тему. Пожалуй, все, видевшие фотографии с этих концертов, поражались внешнему виду Аркадия — он выглядит настоящим доходягой из слабосилки. Что же с ним случилось? Многие тут же вспоминают слова Калятина: "… Он в Одессу уехал, и когда вернулся — я его не узнал. Живой скелет, кожа да кости. И совершенно пустые глаза, стеклянные. Причём, он не пил тогда. Я сразу понял — появились наркотики". Лично нам этот вывод Калятина кажется совершенно бездоказательным. "Стеклянные глаза" — не обязательно признак наркомании. Такое бывает и у алкоголиков, и при различных психических расстройствах. Есть у этого состояния различные мудрёные названия типа "симптом Вестфаля-Бумке". Думается, что у Северного просто была очередная депрессия, усиленная ещё к тому же сильным нервным истощением. Отсюда — и похудел так. Кстати говоря, мы уже отмечали ранее, что Аркадий вообще мало ел, а при том настроении, что у него сейчас, аппетиту вообще неоткуда взяться. Кроме того, его поведение и сама манера пения на "Химиках" никак не похожи на пребывание под воздействием наркотиков. Сравните, к примеру, с последними выступлениями Курта Кобейна. Да и где бы он мог, при его-то образе жизни, постоянно доставать наркотики? У Высоцкого, с его возможностями и связями, и то были проблемы с этим делом. И последнее: менее чем через год у Аркадия случится очередной срыв и начнётся его уже последний запой. А соскочить с наркотиков на водку — очень редко у кого получалось. Да простит нас читатель за это отступление, но так как разговоры о наркомании Северного ходят до сих пор, мы сочли просто необходимым остановиться на этом столь подробно, чтобы обосновать своё мнение. Которое, конечно же, не является истиной в последней инстанции.

Итак, концерты с "Химиком" завершены. "Я покидаю гостеприимный мне всегда Ленинград и возвращаюсь опять в Одессу. До новых встреч. Где-то уже в конце весны я опять приеду к вам и надеюсь, что мы ещё с вами встретимся", — *говорит Аркадий в заключительном слове. И это опять-таки правда, Аркадий действительно снова отправляется в Одессу. Причём без ведома Коцишевского на этот раз. Зачем ему теперь чьё-то приглашение, когда он сам уже почти что одессит! Осталось что? — Расписаться с Зиной да получить одесскую прописку, — так, наверное, думалось Аркадию этой весной. Может быть, именно поэтому и его музыкальная деятельность в нынешнее*

посещение "Жемчужины у моря" начинается так неожиданно.

Первый концерт он записывает не у Коцишевского и не у Ерусланова, а. Честно говоря, мы сами не знаем, кто в этот раз принимал Аркадия, и вместе с ним участвовал в записи. Сведений об этом не сохранилось, к сожалению. Может быть, кто-то из знакомых его новой подруги Зины? Кто знает. Некоторые коллекционеры, желая восполнить этот пробел, просто зачислили Аркадию в "соратники" наиболее известных одесских деятелей: кто Коцишевского, а кто и Сорокина. Хотя голос этого человека абсолютно не похож на голоса ни того, ни другого. Да и сам концерт получился совершенно неожиданным для почитателей таланта Северного. Неожиданным — потому что он там практически не поёт, а только рассказывает анекдоты попеременно с этим неизвестным нам товарищем. Когда-то и Фукс организовывал нечто подобное, но в тех концертах анекдоты чередовались с песнями, а здесь они идут сплошным потоком. Северный поёт за полтора часа всего-навсего три песни: "Над тихоней-речкой рос с берёзой клён.", "Все говорят, что моряки — большие пьяницы." и "Где среди пампасов бегают бизоны." из кинофильма "Двенадцать стульев". И, что примечательно, эти песни он никогда не пел ни до того, ни после.

Но вскоре Аркадий встречается, наконец, со своим товарищем и музыкальным продюсером Владиславом Коцишевским. И это естественно: он же не собирается, в самом деле, завязывать с музыкой! Аркадий всё-таки хочет петь, как и раньше; да и гонорары за концерты никогда не лишние. А Владислав Петрович, конечно, тоже весьма рад тому, что знаменитый блатной певец снова в Одессе; и, более того! — дело-то идёт к тому, что он здесь, глядишь, и осядет! Что ж тут остаётся Коцишевскому — только работай! И работа начинается.

Причём начать Владислав Петрович решает сразу с чего-нибудь необычного. И вот он записывает гитарный концерт "Для Жоры Миргородского" — чрезвычайно насыщенный ненормативной лексикой. Запись получилась достаточно спорной, можно сказать — экспериментальной. Матерные песни в таком объёме не звучали у Аркадия, пожалуй, со времён знаменитого "Луки Мудищева". Но на этот раз Коцишевский предложил Северному для исполнения ещё и большой массив песен из репертуара очень популярного в ту пору Кости Беляева. Включая "Куплеты про евреев" и матерные частушки. Константин Николаевич до сих пор жутко ругается, слыша эти записи. И в чём-то он, конечно, прав. Беляевские песни в исполнении Аркадия в этот раз совершенно не прозвучали. Нет ни куража, ни экспрессии, столь свойственных Северному. Хотя другие вещи, к

примеру — "Я настроил гитару на лирический лад", получились у него действительно замечательно… А если задаться вопросом — почему Коцишевский всё же предложил Северному такой репертуар, то ответ, как нам кажется, очевиден: в пику Еруслановy. Ведь это именно с лёгкой руки Станислава Яковлевича пошли гулять по белу свету записи Беляева. Но, в общем-то, надо признать, что на этот раз эксперимент Владислава Петровича получился не шибко удачным. Вероятно, он и сам почувствовал что-то неладное, потому что в эти глубины русской субкультуры их с Аркадием больше не заносило. Разве что в следующем концерте попытались малость изобразить что-то похожее, но вовремя остановились — не пошло.

Этот последний майский концерт состоял опять почти из одних анекдотов. Видимо, чужие лавры не дают Коцишевскому покоя, и он считает, что ему тоже обязательно надо записать Аркадия в таком жанре. Запись эта ничем особо не выделяется, разве что довольно злой песней, хотя сам Владислав Петрович и называет её "дружеским шаржиком" — "Крутится-вертится Славка с метлой." В общем, очередные коллекционерские разборки в "поэтической форме".

А с записью под ансамбль пока что-то не клеится, и наши герои записывают очередной гитарный концерт, что-то типа "У Калятина". В меру — блата, в меру — лирики. Ничем особо не выдающаяся запись. Разве что количеством посвящений, в том числе "чудесной девушке Зине" и её сестре Лиле. Можно было бы и не останавливаться на этом концерте, если бы не одно "но". Коцишевский делает довольно ловкий ход. Он не даёт широкого хода этой записи, а решает использовать наработанный материал в следующем концерте, который состоится в начале лета. И "так как часть ансамбля "Черноморская чайка" уехала в это время в Ленинград", срочно организуется новый коллектив — "Шесть плюс один". Правда, музыканты там были практически те же самые. Как вспоминал клавишник В. Ващенко: "В принципе, это вся "Черноморская чайка", так как гитарист Володя Спекторский и барабанщик Петя Ройтман уехали тогда в Ленинград, а Аркадий приехал, и мы взяли другого барабанщика и гитариста". Недаром музыку этого концерта от "Черноморской Чайки" можно отличить только при кропотливом анализе. Можно сказать, у конторы Коцишевского уже сложилась настоящая "школа" аранжировки. То же касается и репертуара, — впрочем, мы уже говорили не раз о таланте Владислава Петровича в деле подборки песен. Вот и тут, как в памятной "Тёте Шуре", получилось прямо-таки музыкальное полотно — "Несоветские песни советского народа" в исполнении ленинградского певца с одесским ансамблем:

В бордовом зале "Журавли "
Играют музыканты…
Вдали от собственной земли
Тоскуют эмигранты.

А мы с тобою, милый друг,
Не жили в заграницах…
А мы чужими стали вдруг —
Где довелось родиться…

Вдохновлённый успехом "Шесть плюс один", к следующей записи Коцишевский подходит ещё более обстоятельно. Северный сначала записывает почти всю предполагаемую программу под гитару. Практически полностью отсутствуют комментарии к песням, в некоторых моментах слышны подсказки Владислава Петровича Северному, с различными советами касательно исполнения. А "Сад осенний, сад заброшенный." Аркадию и вовсе приходится петь дважды. В общем, получилась своего рода "репетиция" перед концертом. Так эту запись и обозвали впоследствии. А вскоре уже готов и сам концерт, который в народе называют '№ 7 с "Черноморской Чайкой". В отношении музыки, собственно, ничего принципиально нового тут не было — это классический и неизменный стиль "Черноморской Чайки", о котором мы уже столько раз говорили на этих страницах. Однако аранжировки именно этого концерта удостоились уже в наше время настоящей музыковедческой рецензии! Он заслужил характеристику "… одного из самых блестящих концертов, подготовленных талантливыми русскими звукорежиссёрами-самородками специально для Аркадия и поражающих нас великолепием живой виртуозной игры подлинных мастеров музыкальной импровизации и необычайным богатством звуковой палитры, удивительно сочетающей благородные умиротворяющие тембры классической акустики и разухабистые танцевальные ритмы современной электроники. Гитаристы, вслушайтесь в душещипательные электрогитарные синкопы левого канала. А вы, клавишники, прислушайтесь к искромётным пассажам электрического органа, доносящимся справа. Вы, ценители замысловатой баховской полифонии, будете восхищены контрапунктной витиеватостью беседы кларнета и скрипки. А вам, поклонникам рок-н-ролльного драйва придётся поразиться доходчивости гармонической сетки, напоминающей своей простотой блюзовый квадрат, и, танцевально-призывной магии басовых остинат, завораживающих своей ритмической

периодичностью".

А из песен этого концерта, конечно же, надо обратить внимание на продолжение той самой, не то антисемитской, не то антисоветской темы, начатой в "Берчике" с Шестого концерта:

Решили два еврея похитить самолёт,
Чтобы таки имели надёжный перелёт.
Продумали до тонкости возможные ходы
И для конспиративности набрали в рот воды…

Конечно, в Одессе с иронией было всё нормально! Ну, а если говорить о песнях с какой-то "личной окраской", — то это, скорее всего, "Давай, Серёга, бросим все концерты". Нет, мы, конечно, не замахнёмся на самоуверенное заявление, — что, мол, эта песня соответствует нынешнему душевному состоянию Аркадия. Не всерьёз же выносит он предложение далёкому питерскому другу Маклакову бросить музыкальную деятельность и уехать в пейзанскую идиллию молока и картошки. Но, что ни говори, а "антиалкогольные" замечания уже столько месяцев непьющего Аркадия, чем-то примечательны. Да и Фред Ревельсон, кстати, приводит интересную подробность их встречи в Одессе. Когда он с женой и Аркадий с Зиной зашли в какое-то кафе перекусить, то заказали окрошку, и Северный очень настойчиво интересовался у официанта: нет ли в ней пива? Мне, мол, нельзя ни грамма.

Как бы то ни было, конец весны и начало лета 1978 года Северный проводит весьма продуктивно, он бодр, полон сил и энергии. Пока ничто не предвещает беды. Всё хорошо. И с творчеством, и в личной жизни. Но очень вероятно, что именно в середине мая произошло в жизни Аркадия событие, которое не могло не отразиться на его душевном состоянии. Правда, сначала оговоримся, что только в том случае, если это событие действительно было.

В беседе с Андреем Шаруновым Михаил Шемякин рассказывал, что во время одного из своих приездов в Париж Высоцкий увидел у него плёнки с записями Аркадия Северного, на что поведал такую историю: "А, этот тип прорвался ко мне недавно в Одессе, важно говорит: "привет". И когда я узнал его имя, то сказал: "Так это ты, гадёныш, воруешь мои песни и, плюс ко всему, скверно их исполняешь!" — после чего он спешно ретировался".

Такая встреча, конечно же, могла быть. Именно в это время на Одесской киностудии идут съёмки фильма "Место встречи изменить нельзя", и кто-то из одесских знакомых Аркадия вполне мог добыть гостиничный адрес Высоцкого. Казалось бы, ни Высоцкому, ни Шемякину не было никакого смысла сочинять всё

это. Однако, по сути, полностью достоверным можно считать только разговор Шемякина с Высоцким, а что за случай был в его основе — кто ж теперь разберёт? С кем встречался Высоцкий на самом деле — с самим Аркадием, или с кем-то, назвавшимся Аркадием Северным, или вовсе с. Жоржем Окуджавой? Вполне серьёзно: ведь Высоцкому, как мы уже писали выше, вообще все эти, как он считал, "подражатели" были абсолютно параллельны. Так какая хрен разница — Жорж Окуджава, Аркадий Северный, или Никола Питерский? И впоследствии имя визитёра вполне могло у него трансформироваться. Теперь уж не докопаешься. Судьба, или просто глупый случай, но не насвисти в своё время Высоцкому какой-то нехороший человек про всех этих "подражателей". всяко могло произойти.

А Северный — он всегда относился к творчеству Высоцкого достаточно уважительно. И все его известные публичные, — к сожалению, немногочисленные, — высказывания в адрес Владимира Семёновича подтверждают это. Но только до начала этого, 1978 года. Следующий раз он "вспомнит" Высоцкого в конце 1979 года, в Москве. И тон уже будет совершенно другой — резкий и с явной обидой в голосе: ***"Я преклоняюсь перед твоим талантом!.. Но как перед человеком — никогда в жизни! Ты не прав!"*** Причём, эта фраза почти дословно будет повторена Аркадием несколько раз на протяжении вечера. Что это? Отголосок всё-таки состоявшейся встречи? Или реакция на слова Высоцкого о "всяких северных", которую тот произнёс на одном из своих выступлений? Наверное, мы никогда уже не узнаем об этом. И нет уже ни Владимира Семёновича, ни Аркадия Дмитриевича.

А мы вернёмся всё-таки обратно в лето 1978 года. Северный тем временем продолжает свои гастроли. Следующий концерт он делает с совершенно новым уже ансамблем — "Аэлита". Как следует из вступления к концерту, дело происходит в "старинном городе Кафе", то есть — в нынешней Феодосии. Но надо сказать, что о многих поездках Северного сохранилось очень мало информации. Что поделаешь! — большинство из них организовывалось в обстановке глубокой конспирации. Во-первых, время было такое конспиративное, во-вторых — Её Величество Конкуренция. А, в-третьих, и сами участники и организаторы концертов сочиняли всевозможные байки о месте записи, то ли по причине той же самой конспирации, то ли просто хохмы ради. Вот и поди, проверь теперь, был этот концерт в той самой Кафе или, всё-таки, на какой-то одесской хате. Так что нам так и не удалось узнать, откуда были музыканты, собравшиеся в ансамбль на этот раз. Но очевидно, что это были профессионалы, хорошо чувствующие блатную музыку, и

достаточно красиво её изображающие, причём в "старинном", классическом стиле. Что было несколько неожиданно: всё-таки тогда в провинциальных ресторанах как-то "моднее" было аранжировать блатняк в стиле электроВИА. Но мода — модой, а классика — классикой; и, видимо, организаторы концерта прекрасно понимали, какая музыка лучше подходит для сопровождения знаменитого шансонье Северного. И концерт получился достаточно интересный, несмотря на то, что здесь не прозвучало практически ни одной песни, которой Северный не пел бы раньше. Только одна песня Коцишевского, очередная "музыкальная разборка". Но, всё-таки, в хорошем сопровождении можно было слушать и вторые, и третьи варианты исполнения одних и тех же песен, — ведь исполнительский шарм и кураж у Аркадия каждый раз сверкали какими- то новыми гранями:

Я больной, разбиты грудь и ноги, Пред собой я вижу три пути. И стою один на перекрёстке, И не знаю — мне куда пойти…

А после концерта с "Аэлитой" совершенно неожиданно все следы Северного теряются вплоть до декабря. За одним маленьким исключением. Сохранилась справка УВД Одесского Горисполкома о том, что гражданин Звездин А. Д., проживающий по адресу: Одесса, улица Советская, дом 44, кв. 3, - 1-го и 2-го сентября 1978 года с 9-00 до 17–00 находился в этом самом УВД в качестве свидетеля. Но свидетелем чего он там был, и где и чем он занимался в дальнейшем, — никто не знает. Сколько он находился в Одессе, поехал ли оттуда в Ленинград или ещё куда-то — абсолютно неизвестно. Можно только строить догадки. Позже он сам будет вспоминать об этом: "В Москве меня уже похоронили." А, судя по всему, и не только в Москве. 28 декабря 1978 года Маклаков и Мазурин записывают в Питере концерт Виталия Крестовского с ансамблем "Крёстные отцы". Вот как сам Аркадий говорил о причине появления этой записи: "По "Би-Би-Си" передали, что Аркадий Северный повесился". И далее объяснял, что поскольку Крестовский мог копировать его голос один к одному, Мазурин и предложил Маклакову сделать концерт этого исполнителя. Скорее всего, это был просто очередной прикол Северного, хотя, может быть, и ходили такие слухи по просторам страны. А в самом деле — что же ещё оставалось Сергею Ивановичу делать? Аркадий невесть куда пропал почти на год, не может же "фирма" простаивать! Вот и запустили новый проект. Жаль только, что не получил он, практически, дальнейшего развития. Крестовский действительно был очень интересным и самобытным исполнителем, но рассказ о нём мы оставим для другой книги.

Однако вернёмся к Аркадию. Как мы говорили чуть выше,

сейчас уже почти невозможно более-менее достоверно восстановить события с июля по декабрь 1978 года, то есть, того периода, когда в его жизни случился очень трагический и поворотный момент. Именно в это время у него происходит очередной, последний срыв. Что послужило причиной этому? Может быть, какой-то конфликт с новой женой? Ходят разные туманные слухи о том, что она якобы украла у него деньги. То ли после концерта в Москве в период лечения 1977 года, то ли после Тихорецких гастролей в 1979 году. Не сходится никак. В 1977-м они ещё не были знакомы, а к 1979-му, скорее всего, уже расстались. Между прочим, по поводу утери денег в Москве сохранились воспоминания Д. М. Калятина. Ранее им не нашлось места, а здесь как раз будут кстати: "В Москве он дал концерт (за достоверность не ручаюсь, Аркаша мог и приврать) для дипломатов, на котором присутствовал сын Громыко. За выступление Аркаше дали полный "дипломат " денег. Было тепло, он сел на скамейку, уснул, и "дипломат " увели. Он звонит мне с почтамта: "Михалыч, выручай — ни копейки денег, не на что приехать!" Я быстренько иду на почту, отсылаю нужную сумму до востребования, Аркаша приезжает и рассказывает, как дело было. Но верить ему на слово или нет? И да, и нет, потому что он мог и соврать". Так что к данному периоду времени этот случай не имеет никакого отношения, и не это послужило причиной разрыва отношений. Кстати говоря, мы даже не знаем, что произошло раньше: рецидив болезни или сам "развод". [20]

Но оставим всё это будущим исследователям. Факт остаётся фактом: в декабре 1978 года Северный снова в Одессе, тому свидетельство — запись концерта "На слова Есенина". Разрыв с Зиной, видимо, уже произошёл. Это косвенно подтверждает и брань самого Аркадия в её адрес во время исполнения песни "Сыпь гармоника. Скука, скука." Физическое состояние его уже совсем на пределе, это чувствуется буквально в каждой песне, а под стать состоянию и настроение. Такого надрыва у Аркадия никогда до этого не было, — да это даже и не надрыв уже, а что-то почти психоделическое. Взять хотя бы песню "Не жалею, не зову, не плачу." — Северный явно исполняет её "на автомате", с какими-то своими, одному ему известными мыслями и словами, идущими из подсознания. Наверное, многие недоумевали над тем, как Аркадия в этой песне просто заклинивает на странном и непонятном слове "благогословно". Сам-то он объяснял, что это просто до идиотов не доходит, но. Возможно, что это уже не обычная оговорка или импровизация Аркадия, когда-то так восхищавшие некоторых слушателей.

Вот что мы выловили на эту тему во Всемирной Паутине:

"Северный — гениальный русский скоморох, а значит и (может быть, неосознанно) шаман. Его оговорки, его алкогольный транс — это советская алкогольная тантра 70-х годов". Что-то, безусловно, есть в этом утверждении, — хотя, честно говоря, в тантрах, мантрах и прочем мракобесии мы разбираемся слабо. Но нельзя же отрицать, что в творчестве Аркадия Северного, в магии его голоса было нечто, необъяснимое простой логикой. Ведь мы ж и сами не знаем — чем конкретно нас так "цепляют" те или иные скоморошьи штучки Северного, это происходит на абсолютно иррациональном уровне. Не знал, видимо, этого и сам Северный. "Ты знаешь, как надо петь, а я — чувствую", — так говорил он профессионалам, пытавшимся его "поправлять". Однако, как бы там ни было, надо признать: Северному подчас удавалось в пении то, что дано в этом мире очень немногим. Нисходило ли что-то на него свыше, или же здесь было нечто иное… А, впрочем, кому ж это всё ведомо? И вот в этом "Есенинском" концерте как раз таки начало твориться вот такое — совершенно новое и запредельное. Но мы опять-таки не берёмся судить: проявился ли тут в полный рост этот самый шаманский транс, или наоборот — здесь уже иссякло всё великолепие импровизаций, и началось, как говорят врачи, общее психическое расстройство на фоне длительного злоупотребления, вовсе безо всякой мистической подкладки.

К сожалению, мы почти ничего не знаем об истории записи этого концерта. Почему организаторами было принято решение о таком простом музыкальном сопровождении, как гитара и аккордеон: из желания сделать "ретро-стилизацию", или просто потому, что не нашлось музыкантов на нормальный состав? И откуда взялась идея сделать целый концерт на стихи Есенина? Может, просто из желания сотворить нечто оригинальное, — а жанровых песен, ещё не звучавших в репертуаре Северного, в запасе не нашлось. Не было у одесситов и своего Раменского. Вот в итоге "творческого поиска" и решено было обратиться к бессмертной поэзии Сергея Есенина. Хотя, конечно, сама по себе мысль была абсолютно не новая, проэксплуатированная ещё в калятинских концертах. Но здесь всё-таки было спето несколько оригинальных песен, на те стихи Есенина, которые никогда ранее под музыку не звучали.

Но главное, вероятно, всё-таки в том, что и самому Аркадию эта упадочническая поэзия, как мы уже говорили, сейчас очень созвучна. "Ребята! Вы меня простите. Я прощаюсь с вами этой песней Есенина, которую он написал в последний момент", — говорит Северный перед тем как исполнить "До свиданья, друг мой, до свиданья." Он как будто уже знает, что действительно пришло время прощаться. Аркадий ещё вернётся в Одессу, но

время прощаний уже наступило. Дальше всё уже будет в последний раз.

Глава восьмая
"Время прощаний"

"По "Би-Би-Си" передали, что Аркадий Северный повесился…"

А. Северный, 30 августа 1979 г.

И опять, как и год назад, скорый одесский поезд везёт Северного в Питер. Но если в тот приезд у Аркадия ещё были какие-то надежды на "светлое будущее", то сейчас, похоже, они близки к нулю. Всё вернулось на круги своя. По воспоминаниям людей, близко знавших его, он всё чаще и чаще говорит о смерти. Несмотря на свою бешеную популярность, Северный так же одинок, как и раньше. "Но сдаётся, что был и в толпе ты один." — напишет позже о нём Владимир Шандриков. Аркадий глубоко переживает своё одиночество, прекрасно понимая, что большинству "друзей" нужен не столько он, сколько его записи; а вернее — те деньги, которые можно за них выручить. Все любят артиста Северного, но никому нет дела до человека Аркадия Звездина. И, мучимый этой двойственностью, он продолжает искать выход, — даже уже и не просто выход, а забвение, — в вине.

Ему опять негде жить. Но выручают товарищи, и на этот раз не из музыкального, а из "делового" мира. Вячеслав Андреев, один из "руководителей" питерского подпольно-обойного бизнеса тех лет, вспоминал: "В 1979 году кто-то из компании попросил устроить Аркадия где- то жить. У меня он почти не жил. Разве что — неделю, другую. Так я его пристроил к одному из моих, к Кривому. В миру — Валерка Шорин, внук изобретателя звукового кино". *Шорин к этому времени уже был знаком с Северным. Пару лет назад их познакомили братья Евгений и Гарик Кадниковы, время от времени посещавшие различные мероприятия с участием Аркадия. Но предоставим слово самому Валерию Шорину:* "Весной 1979 года Аркадий стал жить у меня, на Анниковом проспекте (ныне Блюхера). Пригласил я его сам, говорю: "Поехали, Аркадий, поживёшь, хоть гардеробчик обновишь". Я тогда заколачивал по паре сотен в день. Правда, Аркаше я денег не давал. Он сразу с деньгами исчезал, и мог попасть во всякие истории. Я ему так и сказал: "Зачем тебе бабки? Ты прекрасно знаешь, что на кухне два холодильника постоянно забиты под завязку — один бухаловом,

другой дефицитнейшей жратвой. Оба всегда в твоём распоряжении". Правда, второй холодильник ему не шибко-то и нужен был. Кормили мы его чуть ли не силком".

Что ж, на таком "пансионе" почему бы и не пожить? Тем более — "обновить гардеробчик". Мы уже приводили слова Натальи Звездиной об особом отношении её отца к своему внешнему виду. Да и Елена Раменская вспоминала: "… Всегда опрятен, аккуратен, отутюжен, при галстучке. Не опускался даже при своём бродячем образе жизни". Но ведь совершенно понятно, что при его-то образе жизни поддерживать приличный вид получается далеко не всегда. Так что вопрос одежды для Аркадия тоже весьма актуален. И он надолго обосновывается на этой квартире, платя хозяевам за гостеприимство единственным своим достоянием — песнями. "Дома у меня Аркадий пел часто, но записывался редко. Всё руки не доходили купить нормальную технику…" — рассказывал Валерий. К сожалению, сохранилась только одна из этих записей, весьма примечательная тем, что была сделана 12 марта 1979 года, в день сорокалетия Аркадия. Кстати, несколько домашних записей Северного сделал в том же 1979 году и Вячеслав Андреев. Но из них сохранилась тоже только одна. Все остальные домашние записи того периода, по словам Валерия Шорина, были растащены сразу после смерти Аркадия и бесследно сгинули где-то на просторах Союза.

Впрочем, если собрать все апокрифические рассказы о когда-то существовавших записях Северного, то получится неутешительный вывод, что сохранившееся наследие певца куда меньше пропавшего. Вспомним хотя бы рассказы Рудольфа Фукса о попытке переправить ленты с ранними записями Аркадия за рубеж контрабандой через Афганистан, где они и пропали в огне афганской войны; рассказы Калятина о коллекционере Андрее Андреевиче, постоянно писавшем Северного за бутылку. Были домашние записи и у Виктора Кингисеппа, но он их продал, даже не сделав себе копий, а последующий владелец поступил точно так же! И это только в Питере. Что ж, нельзя, конечно же, полностью отрицать принципиальную возможность существования этих записей. Аркадий очень много пел на разных квартирах, а магнитофоны были у всех. И сделать хотя бы кустарную запись труда не представляло. Но увы! Из них сохранились только считанные единицы. К примеру, вышеупомянутые у Славы Андреева и Валерия Шорина[21], у Александра Терца со Славой Масловым… А ещё — у Юры Давыдова, того самого таксиста, который подружился с Аркадием на первом концерте с "Братьями Жемчужными".

К сожалению, нам не удалось установить точную датировку

"давыдовской" записи. Поэтому разговор о нем мы посчитали уместным начать здесь, — может быть, несколько погрешив против хронологии. Но обойти эту запись вниманием никак нельзя! Хотя, на первый взгляд она кажется ничем особо не примечательной. Если бы не одна фраза, сказанная в самом начале…

Но прежде чем предложить её вашему вниманию, нам хотелось бы напомнить читателю одну историю. В 1997 году был снят фильм Дмитрия Завильгельского об Аркадии Северном — "Он был почти что знаменит". Многие обратили внимание на прозвучавшие в этом фильме слова Владимира Тихомирова о том, что Аркадий является автором песни "Здравствуй, чужая милая.". Этот момент вызвал самые различные мнения и суждения. Но большинство людей, знавших Аркадия, с которыми нам приходилось разговаривать на эту тему, высказывали глубокие сомнения в авторстве Северного. Николай Серафимович Резанов, так тот вообще выразился, что "Это бред. Эта песня была известна ещё давно. Когда я был совсем мальчишкой — её пели. Дворовая, очень старая, времён "Сиреневого тумана". Нет, это абсолютная неправда и Тихомиров здесь ошибается". А в последнее время в печати появились доказательства того, что автором этой песни является Анатолий Горчинский. Так что версия о том, что Северный написал "Чужую милую", скорее всего — очередная красивая легенда. Ну, а теперь мы, наконец, приведём ту самую фразу из концерта "У Юры-таксиста", которую обещали. Итак, Северный говорит буквально следующее: "Я хочу вам спеть песню, которую я написал своей Наташке." После чего поёт "Наташенька, глотая пыль дорог." "Ну вот, — скажете вы, — только что авторы сами развенчивали легенду, а теперь новую создают". Нет, ещё раз оговоримся, что мы совсем не намерены создавать очередную легенду, а просто хотим поделиться с читателями некоторыми своими мыслями по поводу. Прослушав огромный массив записей Северного, мы не нашли больше ни одной, на которой Аркадий говорил бы подобные слова. Да, было неоднократно — "моя песня", "мои песни". Но в контексте такие слова однозначно воспринимаются как "песни, мною спетые". Здесь же — чётко: "я написал". Есть, правда, в домашней записи у В. Шорина заявление Аркадия, что он сочинил "Вешние воды", однако там он сразу говорит, что сочинил её "в 1951 году, когда пчёл на даче разводил". Как будто нарочно, чтобы ни у кого уже не оставалось сомнений в шутливом характере такого заявления. Да ведь и он сам неоднократно говорил, что никогда не присваивал чужих песен. Кроме того, мы так и не нашли в доступных нам источниках никаких сведений ни о других, хотя бы

предполагаемых, авторах песни, ни об исполнении её кем-либо кроме Аркадия. Но не будем ставить на этом точку, так как всё-таки надеемся, что со временем будут найдены какие-то дополнительные материалы, позволяющие однозначно сказать — кто написал эту песню.

Однако, вернёмся в начало 1979 года, на квартиру В. Шорина. О работе Аркадия Северного в сфере нелегального обойного бизнеса рассказывает сам Валерий:

> "Пару раз я брал с собой Аркашку двери обивать, но для него это было — так, развлекуха. Один раз мы нарвались на какого-то инвалида, который предложил нам послушать музыку, чтоб веселее было. И поставил… записи Аркашки! Я ему и говорю: "А ты знаешь, кто тебе дверь обивал? (Правда, Аркашка ни хрена почти и не обивал, крутился только рядом) — Аркадий Северный тебе обивал!" Тот не поверил. А Аркашка ему спел! Было это на Комендантском аэродроме, который тогда только начал застраиваться".

Ну что ж, двери обивать — занятие непыльное, но довольно-таки прибыльное по тем временам. Хотя и не такое, конечно, интеллигентное, как музыка. Но самому Северному здесь, как видите, молотком махать не приходится, хотя, по словам Шорина, спецовочку ему тоже подобрали. На всякий случай. А Аркадию хватает крыши над головой, и весёлой дружеской компании.

Мы, конечно, не будем перечислять всех, с кем тогда довелось общаться Аркадию в стенах этой гостеприимной квартиры. Тем более, что даже и самому её хозяину не всех теперь удаётся вспомнить! И это неудивительно — уж очень многим хотелось посмотреть на легендарного певца, выпить с ним, ну, и конечно же, послушать. И вот об одном таком "слушателе" мы хотим сказать пару слов, — очень уж неординарная история тогда приключилась! Однажды, по словам

Лидия Валентиновна Иванова, мать Елены Раменской вспоминала в 1994 году, что Владимир Раменский написал по просьбе Аркадия стихотворение, посвящённое его дочери — "Наташенька". Однако, тогда же она называла в числе песен, написанных Раменским, "Поручика Голицына" и "Сладку ягоду". Что, к сожалению, не придаёт особой достоверности её словам.

Валерия Шорина, к нему на квартиру заявился официант по кличке "Бегемот", из гостиницы "Ленинград", и"… Попросил Аркадия исполнить за стольник "Господа офицеры". Аркашка ему спел на кухне, тот дал сто рублей и говорит: "Ещё". Северный ему эту песню сделал три раза! Но у того денег больше не было, и он

сказал: "Приходите в кабак, там всё отдам". Пришли мы в кабак…" Но здесь, для того, чтобы не рвать ткань повествования, нам всё-таки придётся остановить рассказ Шорина. Да простят нас читатели за такой "детективный" ход, но всё, произошедшее далее, действительно очень странно и загадочно, и затрагивает одну из самых таинственных сторон жизни Аркадия Северного. Так что окончание этой истории мы изложим, когда доберёмся в своём повествовании до соответствующего места.

Пока же вернёмся к Аркадию, который, как видите, по-прежнему готов петь кому угодно, и сколько угодно. И на квартире, и в ресторане.

Валерий Шорин вспоминал о подобных случаях:

> "Мы с Аркашей частенько захаживали в ресторан "Арагви", который находился недалеко от моего дома. И нередко бывало, что как только мы появлялись в зале, ударник из ансамбля, Володя по кличке "Велл", объявлял: "Сегодня у нас присутствует знаменитый исполнитель Аркадий Северный!" Мне это всегда не нравилось, потому что тотчас же всякая гопота начинала сползаться за наш столик. Руководитель ансамбля тоже был недоволен, потому что Аркашу постоянно просили спеть, а за это могли и дать по шапке. Но однажды Аркадий всё-таки спел в "Арагви", причём не пару песен, а пел почти весь вечер".

Шорин вспоминал ещё и о том, как Аркадий порывался выступить, да так и не выступил в ресторане "Восток", в Приморском парке Победы. "Мы с Аркашей пришли туда просто посидеть. А кто-то привёл за наш столик шведов, один из которых был русского происхождения, звали его Борис. Занимался тут фарцовкой. Он и говорит: "Нам сказали, что здесь Аркадий Северный. Мы вообще не верили, что он ещё жив, и, по крайней мере, думали, что ему лет семьдесят". В общем, они не поверили, что Аркаша — это Аркаша, и пришлось ему, как всегда, петь.

В "Востоке " по каким-то дням недели выступало цыганское варьете "Монисто", а по другим дням — обычный ансамбль. Так было и в этот день, и в составе того ансамбля был Коля Резанов. И он всё Аркаше знаки делал, чтоб тот молчал. И на сцену пускать его не хотел. Но Аркаша таки дорвался к микрофону и стал петь "С добрым утром, тётя Хая". Однако вышел скандал, и микрофон отключили…"

Эта история, кстати, подтверждается и рассказом Елены Раменской. Но что ещё интересно! История эта почти один к одному похожа на ту, про которую рассказывали в Киеве! О том,

как в мае 1977 года Аркадию не удалось "выступить" в ресторане "Спорт" с Гришей Бальбером. Мы писали об этом в главе "1977-й год". Случайное ли это совпадение, или нечто другое — мы судить не берёмся. Но это не так уж и важно, наверное. Гораздо примечательнее всё-таки то, что Аркадий Северный, как видите, начал уже приобретать и международную известность! От которой ему, по правде-то говоря, — ни жарко, ни холодно. Да и известность эта какая-то "кривая", как и вся его жизнь. Всё время приходится доказывать, что Северный — это он, Аркадий Звездин. Иногда — получается, иногда — не совсем.

Ведь шальная ресторанная жизнь, закрутившая Аркадия с его новыми "деловыми" знакомыми — это не только брызги шампанского. И истории в ней случаются всякие. Владимир Тихомиров и Валерий Шорин вспоминали об одном случае, едва не закончившемся для Аркадия трагически. Однажды вся компания: Северный, Тихомиров, Андреев и Шорин, гуляла в ресторане "Приморский", что на Петроградской. И "вступила в конфликт" с компанией каких-то военнослужащих. Так, увы, часто бывает в нашей жизни. До драки в ресторане дело, к счастью не дошло. Но потом Аркадий почему-то решил покинуть товарищей, и в одиночку пойти домой к Раменским. В итоге его нашли утром в парадной их дома, сильно избитого, со сломанной рукой. Как оказалось, по роковой случайности Аркадий ушёл из ресторана в дублёнке Славы Андреева, которого доблестные советские офицеры считали своим главным обидчиком. И вот они, приняв Аркадия за хозяина этой злополучной дублёнки, отвели свою пьяную душу. С одной стороны — история самая что ни на есть житейская. А с другой, слишком часто такие истории заканчивались трагически. Но, видимо, был у Аркадия ангел-хранитель, и потому обошлось ему это приключение "малой кровью". Хотя продолжение у него тоже было достаточно "весёлое".

Аркадия поместили в больницу имени Ленина (ныне — Покровская), на Большом проспекте Васильевского острова. И уже через день всё та же компания заявилась к нему с коньяком и закуской. Думаем, что не надо объяснять, чем это закончилось! Но если в этот день друзья уговорили дежурную медсестру не поднимать шум из-за "концерта", устроенного Аркадием Северным для своей палаты, то на следующий день подобный "концерт" был дан уже для всего отделения. Замять это не удалось, и Аркадий за нарушение режима был досрочно выписан из больницы.

Но, несмотря ни на что, музыкальная деятельность артиста потихоньку продолжается. В апреле 1979 года происходит

довольно-таки неординарное событие. На квартире Шорина Аркадия находит. его первый импресарио Рудольф Фукс! Которому приходит в голову, как всегда, очень оригинальная идея. Вот, что он сам рассказывает об этом: "В начале 1979 года ко мне обратился лидер рок-группы "Россияне" Жора Ордановский — с просьбой написать либретто рок- оперы. Жора был парень отчаянный, он решил сделать рок-оперу не о чём-нибудь, а об исходе евреев из Египта! И название у неё было запланировано — "Пророк Моисей". Я написал либретто, Жора стал прикидывать мелодии, и уже начались даже репетиции… И в это время я узнал, что Аркадий находится в Ленинграде. Я уже его не записывал в то время, а тут подумал: а не попробовать ли Аркадию спеть с "Россиянами"? И вот мы организовали это мероприятие — в котельной, где рядом размещался какой-то подростковый клуб, и… управление МВД! Северный спел с "Россиянами" пару песен, и получилось это настолько великолепно — мурашки по коже! Но запись не удалась, акустики в этой котельной не было никакой. Я пригласил на эту запись Сергея Маклакова, так он просто плюнул на всё, и уехал. Я ещё побился немного, но ничего не получилось…"

Присутствовал на этой записи и Валерий Шорин: "Эту запись я отлично помню — около "Универсама" на Анниковом, угол Энергетиков. Там был клуб жилконторы, или что-то в этом роде… И вот, в этот клуб для того, чтобы сыграть вместе с Северным, приехал ансамбль "Россияне", на "ПАЗике". Пел с ними Аркадий в основном свои старые вещи. В этом клубе были какие-то странные стены, звук отдавал очень сильно. Рудольф говорит: "Не пошла запись, надо переписывать по новой". Но Аркашауже не захотел".

Однако, несмотря на то, что пение Аркадия производит на Фукса такое впечатление, работать вместе им уже не придётся. Рудольфу становится просто не до того: опера "Пророк Моисей" обращает на себя внимание соответствующих органов, и в июне того же, 1979 года, Фукс, от греха подальше, покидает советскую Родину. Распрощавшись с Аркадием навсегда. И не продираясь лесами Карельского перешейка через пограничные кордоны и контрольно-следовые полосы в Финляндию, как нафантазировали про Рудольфа Израилевича С. И. Маклаков и В. П. Коцишевский, а обычным путём, по израильской визе и почти по тому же маршруту, который выбрал для себя во время записи "Серии А" сам Северный.

Отчаянному же парню Жоре Ордановскому судьба через несколько лет выкинет и вовсе черную карту… В один прекрасный день он выйдет из дому и больше уже не вернётся.

Есть ли тут связь с историей несостоявшейся рок-оперы? Одному Богу ведомо. Но ходит с той поры и до наших дней одна легенда об исчезновении Георгия Ордановского: что ушёл он не куда-то там, а. в монастырь. Где и пребывает сейчас в полном здравии и душевном покое. Неисповедимы пути Господни! Как объяснить, что вскоре после этой неудавшейся постановки оперы с библейским сюжетом Северный записывается с ансамблем, которому по чьей-то. воле? прихоти?.. дали название "Божья обитель"? Со вступительным словом о днях, проведённых в монастыре… Только ли это простое совпадение? Кто знает.

И это тем более непонятно потому, что ансамбль с таким оригинальным именем на сто процентов состоит из. "Братьев Жемчужных" во главе с Резановым! Только теперь почему-то им хочется называться по-новому. Как это произошло — никто уже толком и вспомнить не может. Николай Резанов, которого, по его собственному признанию, до сих пор коробит от названия "Братья Жемчужные", говорил только, что"… имя "Братья Жемчужные" стало лейблом, и менять его уже как-то не получалось… Правда, мы иногда назывались по-другому… "Святые братья" там какие-то…" Из слов Резанова всё равно неясно — почему. Но догадаться нетрудно — это, скорее всего, просто режиссёрская задумка. Ведь концерт предназначался "на рынок", и ему, соответственно, нужен был товарный вид. С ореолом "романтики" и всего такого прочего. Да это и не особенно ново: именно для той же высокой цели у наших коллекционеров и повелась традиция сочинять всякие залепухи в виде "художественных вступлений" к концертам. Но здесь эта традиция развёрнута аж до гротеска. Правда, создать иллюзию, что Северный вновь кочует на гастролях — мысль тоже не оригинальная; и поскольку тема Байкало-Амурской магистрали уже затаскана до неприличия, Северного на этот раз "отправляют" в горы. Где он попадает. впрочем, не будем ещё раз пересказывать эту душераздирающую историю про монастырь…

О казусах, случавшихся с Аркадием Северным в лечебных учреждениях, существует немало историй. Например, история, напечатанная подпольным рок-журналом "Ухо" в № 3 за 1983-й год: "Однажды лечился А.С. от хронического алкоголизма. Рассказ врача: "Так, вроде, мужик в пижаме и мужик в пижаме, но есть какой-то шарм, его и не знали сначала, а потом… ну вот, курить он выходит, и через десять минут все, кто был в курилке — его друзья, и не просто, а закадычные, он весь был подкупающе хорошим, что ли, располагал к себе не только алкашей, но и врачей, персонал, говорил красиво, просто и умно, закругляя этак, вроде с прибаутками. Но они не замечались. Весёлый был и

умный. Но вот не везло ему, что ли, т. к. в больнице он умудрился сломать ногу. Как сказать? Он не был в центре событий, но вокруг него обязательно что-то происходило. Тут один псих сказал, что он излучает энергию и она материализуется. Ну так. Сломал он ногу, а уже была договорённость, что он будет петь, ну что-то типа концерта. Сломанная нога, ругань врачей, так он разрешил, больные его на руках перенесли на сцену, соорудили ему спец-стул, и он пел и играл на гитаре. Ну, чудесный концерт. Артист, понимаешь, от Бога, да и человек хороший. Жалко его. Очень жалко".

Теперь уже невозможно сказать, — исходят ли эти истории из одного реального случая, или из разных, и каков этот случай был на самом деле. И остаётся только фиксировать вариации Легенды, неизбежно возникающие при изустной передаче.

Внимательный читатель не может не заметить, что в рассказах Фукса и Шорина есть некоторые расхождения относительно места проведения записи. Нам кажется, что это — всё те же игры времени и памяти, на которые нам уже не раз приходилось сетовать на страницах этой книги…

Остановимся на другом занятном моменте — имени ансамбля. Аркадий вполне определённо называет его — "Божья обитель", но. часть коллекционеров, — видимо, ошарашенная монастырской историей, — присвоила ансамблю из этого концерта совсем другое название! "Святые братья" — о котором как раз и упоминал Н. Резанов, в приведённой выше цитате. В общем, нормальная российская путаница. А некоторые не поддались на провокации и записали этот концерт всё-таки за "Братьями Жемчужными". Это и понятно: даже малоискушённый слушатель сразу легко узнавал их по неповторимому голосу Резанова. Да и джазовый стиль "Жемчужных" никуда не делся. Он, конечно, стал сильно электрифицирован, но не будем сейчас зацикливаться на таких тонкостях. Стилистическое разнообразие музыки "Жемчужных" — это предмет для отдельного разговора.

Репертуар концерта "Божьей обители" получился весьма разнообразным, можно даже сказать — "пёстрым", как и большинство предыдущих маклаковских концертов: тут есть и классический блат, и новая песня на белогвардейскую тему, и лирика, и песни в современных ритмах. Многие — опять же, на стихи Раменского. Вот только со словами песен у Аркадия опять идёт сплошная импровизация. Которая восхищала далеко не всех. Как раз про этот концерт вспоминал Валентин Мироновский: "… Так безбожно врал текст, что за голову схватишься. Например, "друг будто врач" вместо "враг". Потому что не вдумывался, ему

лень было хоть раз перед исполнением по тексту пробежаться. Спел — и ладно, никаких дублей". Кстати, дублей Аркадий вообще не любил. В таких случаях, как вспоминала Елена Раменская, "Аркадий злился в шутку: "Чёрт бы побрал — надоело петь. Я эту песню почти наизусть выучил". Он же всегда по листочку, редко на память пел. Спел песню — и сразу про неё забыл, Володя даже иногда обижался".

Однако, надо заметить, что уж каким-каким, а "весёлым" этот концерт назвать никак не получается. Несмотря на то, что в нём всё-таки есть и "шуточные" песни. Но — увы! как бывало уже не раз, в их исполнении у Аркадия не чувствуется никакого искреннего веселья. А о причинах этого мы уж не будем повторяться. Но эта "мрачность", по-видимому, осталась незамеченной организаторами концерта, — все слишком хорошо помнили весёлого парня с гитарой — Аркашу Северного, и поэтому вновь поспешили украсить программу разными хохмочками. Да и про тот же "товарный вид" им надо было помнить; ведь чистая тоска — она на любителя. Что ж, Аркадий делает эти хохмочки. используя свой, уже немалый опыт в их подаче; но заметно, что ему самому при этом нисколько не весело. Впрочем, и шуточные песни тут не ахти какие; например, тот же "Курятник" производит совершенно удручающее впечатление, как вымученным весельем исполнения, так и вымученным юмором текста. Всё-таки для Раменского это был, судя по всему, вовсе "не его" жанр. Вспомнить хотя бы достаточно заунывную "Балладу о тринадцатом номере" из концерта "Листья жёлтые". Наверное, это понимал и сам Владимир Николаевич, потому что никогда особо и не налегал на юморной жанр, и в историю советской неподцензурной песни он всё-таки вошёл как автор совершенно другого плана.

Это был последний в этом году концерт Северного, в котором принимали участие музыканты "Братьев Жемчужных". Аркадий вскоре в очередной раз надолго покинет Ленинград, а "Братья" потихоньку начинают сворачивать свою концертную деятельность. Была, правда, ещё их совместная запись с Евгением Абдрахмановым, но особого успеха она не имела, и сейчас представляет интерес разве только для совсем уж "продвинутых" коллекционеров. Многие тексты этого автора-исполнителя были откровенно слабы, и не дотягивали даже до улично- дворового уровня. К тому же и вокальными данными Бог его не сподобил. А ведь именно по этой причине С. И. Маклаков отказал в записи гораздо более талантливому автору — Игорю Эренбургу, который, как и Абдрахманов, специально для этого приехал из Москвы. Сейчас Эренбург почти никому неизвестен, хотя и

является автором целого пласта песен, которые стали воистину народными и пелись как Аркадием Северным, так и многими другими исполнителями. Один только "Мой приятель студент." чего стоит! Но Абдрахманова рекомендовал Сергею Ивановичу Г. С. Ивановский, которому он не мог и не хотел отказать. А Игорь, судя по всему, нашёл Маклакова то ли сам, то ли взяв адрес у. Северного. По словам самого Аркадия, он был знаком с Эренбургом. Игорь непонятным образом нашёл Северного на одной из "конспиративных" московских квартир, где тот обретался в какой-то из своих приездов. Аркадий рассказывал потом, что Эренбург разрешил ему петь все свои песни. Впрочем, в те времена, как, кстати, и сейчас, отношение к авторским правам было довольно своеобразное, и разрешение Эренбурга было чисто формальным: ведь Северный пел его песни и до того. А концерт Эренбурга в Питере всё-таки состоялся. Раменский у себя дома записал его под две гитары с Резановым, сохранив тем самым для истории авторское исполнение многих и многих известных песен.

А Аркадий, переждав весеннюю непогоду, с первым летним солнышком вновь собирается "на юга". Это у него уже стало традицией — проводить лето на берегу Чёрного моря (жаль только, что эта традиция не продлилась хотя бы на несколько лет дольше.). В этот раз на квартире Шорина его находят эмиссары с Кубани. Причём длинными и окольными путями. С. И. Маклаков вспоминал, что к нему обратились с просьбой о "наведении контакта" с Аркадием музыкальные деятели из Краснодарского края. Одним из них был Станислав Сафонов, — один из тех людей, для которых в нашем повествовании уже сложилось традиционное определение "коллекционер и продюсер". В то время он возглавлял студию звукозаписи в комбинате бытового обслуживания города Тихорецка, то есть, работал под вполне официальной крышей. Правда, записями каких-либо исполнителей "вживую" Сафонов до той поры не занимался. Но, что немаловажно, был знаком с также проживающим в Тихорецке Анатолием Мезенцевым — музыкальным руководителем того самого ансамбля "Магаданцы", чьи оркестровые записи блатных песен разошлись по всей стране ещё в начале 70-х годов. Мы уже несколько раз упоминали об этом в предыдущих главах. Закончив свои трудовые подвиги в столице Колымского края, Мезенцев перебрался на родные просторы Кубанщины, и работал в то время клавишником в привокзальном ресторане станции Тихорецкая.

Но, судя по всему, у "кубанских" не было прямого выхода на питерское окружение Аркадия. Станислав Сафонов с помощью Мезенцева связался сначала с его знакомым — Леонидом

Павловым, питерским коллекционером, по "заказу" которого как раз и была произведена та легендарная магаданская запись. Павлов вывел на Маклакова, а там и до Северного рукой подать. От знакомого к знакомому, от адреса к адресу — по цепочке, в конце которой дом номер 9 по Анникову проспекту, явочная квартира Валеры "Кривого".

В общем, нам приходится в очередной раз обратиться к воспоминаниям Валерия Шорина, потому как именно он в данный промежуток времени наиболее тесно общался с Аркадием Северным. И даже ездил вместе с ним в Тихорецк. По словам Валерия, к нему в начале лета этого, 1979 года, в поисках Аркадия Северного зашёл "толстенький мужичок", представившийся Анатолием. Судя по всему, организаторам визита показалось недостаточным просто передать Аркадию приглашение через Павлова и Маклакова, и "курьер" от Станислава Сафонова лично прибыл с этой миссией на берега Невы. И, как оказалось, не зря.

"Толик пригласил Аркашку на записи в Тихорецк, и сразу забашлял ему 300рублей авансом, — *вспоминает В. Шорин.* — И Аркадий тут же загулял. Появился он только тогда, когда бабки кончились, и говорит: "Кривой, на хрена мне в такую даль тащиться?" Но я его уговорил: "Аркаша, капусту обещают хорошую, поехали". Аркадий тогда и говорит: "Ну, вместе — поехали". После этого мы ещё две недели собирались, и, наконец, поехали. Толик к тому времени уже уехал".

Уезжали Аркадий с Шориным под шикарные проводы, только что без оркестра. На Московский вокзал к фирменному поезду № 11 "Северная пальмира" (Ленинград — Адлер) явилось множество народа. Как вспоминал Шорин: "Сергей Петрович Соколов привёл своих знакомых — больших милицейских чинов, моя жена Галина, работающая в системе МПС, — кучу железнодорожного начальства… Да и все остальные товарищи провожающие пришли со своими знакомыми и "знакомыми знакомых". Проводница просто обалдела, всё спрашивала: "Кто ж вы такие?". У нас было отдельное купе. В дорогу нам друзья дали столько… Поэтому я дорогу почти и не запомнил".

Однако проводники знали своё дело, и позаботились, чтоб наши друзья не проехали станцию Тихорецкую, на которую адлеровский поезд приходит глубокой ночью. Итак, летняя ночь, пустой перрон. "В Тихорецк Аркашка прибыл!" А что же делать дальше? — "Долго мы ещё искали дом этого Толика, спросить-то ночью не у кого. Наконец, нашли. Дом у него был — хибара голимая. И Толик прямо ночью побежал к Славе, докладывать, что приехал Аркадий".

На следующий же день и сам Аркадий является к Славе — то есть, к Станиславу Сафонову, — который проживал в роскошной вилле на окраине Тихорецка. По крайней мере, так характеризовал жилище Сафонова Валерий Шорин. Хотя, конечно, понятия о роскоши в те времена были совершенно не такие, как сейчас. А так как Аркадий оказывается в Тихорецке довольно неожиданно и ничего ещё толком не готово, то Северному с Шориным остаётся пока только развлекаться. Но как развлечёшься в маленьком южном городе? Уже отдано должное щедротам Краснодарского края, где что вишня, что раки — всё продаётся и меряется только вёдрами. Такова здесь, наверное, основная мера измерения "сыпучих товаров". "Обследованы" все увеселительные заведения, которых, правда, — раз, два и обчёлся. И Аркадий понемногу начинает куролесить.

"Слава сразу сказал Аркадию: "Не светись тут, не говори никому, что ты Северный!" — вспоминает Валерий Шорин. — "Но Аркашку разве удержишь! Там в Тихорецке была какая-то речка, полтора метра шириной, а за ней кусты, где собирались и выпивали местные компании. И вот Аркадий устроил на этом "городском пляже" своё выступление под гитару. Местные были в восторге!"… В отличие от Станислава Сафонова, которому такая "реклама" совершенно не нужна. Он спешит поскорее начать работу. Поисками ансамбля, который будет аккомпанировать Аркадию, особенно утруждаться не приходится — хоть Тихорецк и небольшой городишко, но в нём всё-таки есть несколько ресторанов. А соответственно — и музыкальных коллективов, не чуждых Жанру. Но самое главное, как мы уже говорили, это то, что в Тихорецке живёт и работает Анатолий Мезенцев — высококлассный музыкант, и личность, уже достаточно известная в Жанре…

Вот что вспоминает об этом сам Анатолий Иванович: "Естественно, Славик. пришёл ко мне. Звонит мне: "Так, мол, и так, мол, приехал Аркадий, ты не мог бы организовать что-нибудь типа оркестрика, чтобы записать его программу?"…Я сколотил оркестр очень быстро, буквально за сутки я собрал музыкантов. Барабанщик был из Туапсе, Савельев Петя, он у меня в Магадане, кстати, работал. Монахов Володя был, гитарист очень приличный, Куртуков Олег с Тамани… Ну, вот и всё. И я…Все работали в ресторанах, только в разных."

Итак, ансамбль собран, экспромтом ему придумано название, в котором заложена как бы сама суть мероприятия — "Встреча"… Впрочем, так назывался и ресторан, в котором работал сам Анатолий Мезенцев! В те времена это было самое обычное, можно сказать — стандартное название для привокзальных кабаков Юга.

И вот 3-его июня, когда в Тихорецке празднуют День города, начинается запись.

Производилась она, разумеется, в "вотчине" Станислава Сафонова, в здании комбината бытового обслуживания. Правда, не в самой студии звукозаписи, слишком тесной для такого мероприятия, а в смежном помещении фотоателье. Оно размещалось в полуподвале, и духота там была изрядная, так что Аркадию пришлось выступать в одних трусах. И так не один день, потому что записывалось всё это в несколько приёмов. В результате чего получилась запись совершенно немыслимой длины и невразумительного состава, но с весьма приличным техническим уровнем — как игры, так и звукорежиссуры. Что же касается музыкальной стилистики. С одной стороны, оригинальной её, конечно, не назовёшь. Как мы помним, Анатолий Мезенцев когда-то выступил одним из пионеров записи блатных песен в электромузыкальной ВИА-аранжировке. И, судя по записи "Встречи", можно было бы сделать вывод, что он так и остался верным адептом этого стиля — не особо замысловатого и, на наш взгляд, достаточно шаблонного… Но, на самом деле, у Анатолия Мезенцева вообще не было никакого "стилистического" подхода. По его собственным словам, к тому времени он уже совершенно не увлекался этим жанром, и всерьёз занимался только джазом. Но джазовая оркестровка — дело весьма сложное, поэтому и решили, особо не мудрствуя, обратиться к простому и обкатанному стилю ресторанного ВИА. Именно в самом шаблонном варианте… "Никакой репетиции не было совершенно, всё было спонтанно, экспромтом. Раз, два, три и — вперёд, поехали. Аккорд — прощупали, что там… Да какая там гармония?! Три аккорда" — так рассказывает об этом сам Анатолий Иванович… Впрочем, для сегодняшних дней как раз всем этим и интересна музыка того концерта. Когда её слушаешь, можно вновь представить себя в третьеразрядном ресторане семидесятых, ощутить вкус наполовину пригорелого, наполовину недожаренного цыплёнка, разбавленной водки, и аромат дешёвых духов дежурной "подруги". Да, иногда накатывает "ностальгия" и по таким вещам. и по такому музыкальному сопровождению, которое устроил ансамбль "Встреча" Аркадию Северному.

Очевидно, что Станислав Сафонов не ставил себе задачу — сделать какой-то оригинальный концерт Северного. Он просто решает ещё раз записать самые популярные песни из репертуара Аркадия, в таком стандартном сопровождении. Ну, в самом деле, не всем же углубляться в джазовые тонкости "Жемчужных" или "староэстрадные" пассажи "Черноморской чайки"! Тем более, именно стиль электроВИА звучал тогда в подавляющем

большинстве провинциальных ресторанов нашей Родины, о чём мы уже вскользь упоминали в рассказе про "Аэлиту". Что ж, тогда была сделана ставка на классику, теперь — на ширпотреб. Но мы не знаем, конечно, каковы были задумки организаторов. Сделали ли они такую музыку только лишь потому, что так получилось само по себе; или, как и положено по законам рынка, всё-таки учитывали и вкус потенциального потребителя. Но, по крайней мере, история показала, что в этом они не промахнулись. Тихорецкие записи стали в народе любимы и популярны.

Надо ещё сказать, что вдобавок к песням "в сопровождении" был записан ещё и небольшой концерт Северного с Мезенцевым под гитару, на котором прозвучали вещи, по каким-либо причинам не исполненные вместе со "Встречей". Но это было уже "сверхплановое", можно даже сказать — экспромтное мероприятие. "Мы с ним сидели вечера два, наверное, в студии у Славика, писали. Две гитары даже. Я взял гитару, и он… Просто сели и записали, безо всякого… Даже и не преследовали цель, чтобы именно под гитару записать концерт " — так вспоминал об этом Анатолий Мезенцев.

Но километры магнитной ленты, намотанные сафоновским "AKAI-650" и лёгшие в основу бесчисленных вариантов "Тихорецких концертов", оказываются не единственным итогом этой марафонской записи! Валерий Шорин привёл ещё одну, очень интересную деталь: кроме магнитных записей были сделаны ещё и гибкие пластинки с песнями из этого концерта; правда, не совсем понятно — какие именно пластинки. По словам Шорина, они были сделаны фабричным способом, с настоящей матрицы, — что нам представляется весьма сомнительным. Вряд ли это было возможно в условиях обычной провинциальной студии. Вероятней всего, пластинки там делали методом самой обычной нарезки — по той самой, старой доброй рентгениздатовской технологии… В конце 70-х годов этот вид промысла, практически уже забытый в Питере, ещё вполне процветал как раз таки в маленьких студиях звукозаписи Южных краёв. Так что ничего сверхъестественного в этой истории нет. Вот только ни нам, ни нашим знакомым, такие пластинки, к сожалению, не попадались. А примечательность этой истории состоит в том, что Аркадий как будто вновь возвращался в свою бедовую молодость, когда его дебют в "студии звукозаписи" в 1963 году тоже завершился выпуском нарезанных пластинок…

Но, на самом деле, Северному от этого уже ни горячо, ни холодно. Что ему — записи сделаны, деньги отработаны. Пора уже и в дорогу. Тем более, что Шорин давно уже, плюнув на надоевший провинциальный быт, вернулся в Питер. А новым

тихорецким знакомым общество Аркадия понемногу начинает становиться в тягость… Анатолий Мезенцев, довольно близко сошедшийся с Аркадием после записи, вспоминал: "Ну, вот мы с ним покуролесили, с Аркадием… Он ко мне так прирос… Почему прирос? Потому что я сам любил выпить по жизни… А он — страстный любитель этих вещей. Он пил всё, что льется, и закусывал, чем придётся, это не принципиально для него было. И когда мы с ним приезжали сюда, ко мне, Татьяна начинает хлопотать, закусить чего-нибудь, а он: "Танечка! Я ж тебе не Вовка Высоцкий! Это тому сервис подавай, а мне огурчика солёного хватит!". И его уже, честно говоря, не могли выпроводить отсюда, от так забухал, загулял, уже начал шататься где-то на турбазу. Там с какими-то такими распальцованными познакомился. На гитаре им играл на берегу, пел. Потом мы стали уже оббегать его… Он меня начинал доставать просто." И, конечно, Станислава Сафонова, который с самого начала не хотел никакой подобной "рекламы", все это тоже отнюдь не восхищает. И потому, Аркаша, будь добр. А куда ехать-то? Но тут, ко всеобщему удовлетворению, Аркадия приглашают продолжить "гастроли по Кубани". Делает это коллекционер Николай Пушкарский, знакомый Станислава Сафонова, лично присутствовавший на записях "Встречи". Сам он живет в станице Кущёвской — довольно крупном райцентре, что в 90 километрах к северу от Тихорецка. Сюда он и увозит на своей машине Аркадия Северного.

Но, конечно же, сам Аркадий постарался представить все это дело в более "романтическом" свете. Вероятно, все любители творчества Северного помнят рассказанную им весёлую байку, о том, как он вновь "отстал от поезда", и очутился, стало быть, в этой самой "ЭсТэ Кущёвке"… Кстати говоря, железнодорожная станция в станице Кущёвской действительно так и называется — Кущёвка, что является довольно обычным делом для тех мест. Если уж на то пошло, то "отстав от поезда" в предыдущий раз, Аркадий должен был увидеть не "ой, а зохен вэй, город Тихорецк", а, соответственно, "ЭсТэ Тихорецкую"… Впрочем, оставим географические изыски, и обратимся уже непосредственно к записи, навсегда прославившей мало кому в России известную станицу Кущёвскую, — по крайней мере, в глазах всех любителей творчества Северного.

Николай Пушкарский сразу же берется за организацию, в которой ему помогают друзья — причём, вовсе не "крутые" коллекционеры, а простые любители жанра: Александр Федорович — начальник кущёвского "Межколхозстроя", и Жора — прораб из той же организации. Аркадий несколько раз помянет их на записи, тем самым запечатлев для истории имена скромных

тружеников советского строительства, оказавших финансовую и организационную поддержку этому мероприятию… Ну, а Пушкарский тем временем довольно быстро собирает ансамбль, который будет аккомпанировать Северному. К сожалению, имена всех музыкантов сейчас уже вспомнить никому не удалось, и известно только, что на рояле играл Александр Слобко, а на гитаре — Нариман. Но надо сказать, что состав этого ансамбля, получившего стандартное для местной самодеятельности название "Казачок", оказался весьма удачным! И вот в одну из ночей, в помещении Дома культуры Степнянского зерносовхоза, начинается запись концерта…

Итак, звучит вступление — бессмертная мелодия Василия Павловича Соловьёва-Седого про город над вольной Невой, до которого Аркадий "никак не может добраться". И как звучит! С первых аккордов ясно, что на этот раз Аркадия сопровождает самый что ни на есть "классический" аккомпанемент, построенный на изысканном сочетании фортепиано и аккордеона. Похоже, что подход организаторов концерта к "музыкальной концепции" оказался совершенно противоположным тому, что был в Тихорецке! Хотя, на самом деле, здесь тоже не было вовсе никакого "подхода"… Просто собрали тех музыкантов, что оказались под рукой, а получилось вдруг неожиданно для всех очень удачно. И вот в таком камерном, но всё же богатом по звучанию, сопровождении Аркадий Северный начинает концерт:

Комиссионный
решили брать,
Решил я мокрым
рук не марать,
Схватил я фомку,
взял чемодан,
А брат Ерёма
взял
большой-большой наган!

Конечно, всем слушателям сразу запомнилась эта песня, моментально вошедшая в золотой фонд блатной классики. Но и все остальные тоже — были на уровне. Жаль вот только, что получилось совсем немного — всего час звучания. Сколько песен было тогда спето — никто уже не помнит, а сохранившаяся фонограмма неоднородна как по звуку, так и по аккомпанементу, с явными следами монтажа. Впрочем, и то хорошо, потому что остальные записи, сделанные в станице Кущёвской, похоже, вообще не сохранились. А по воспоминаниям Николая

Пушкарского, за те пять дней, что Аркадий провёл в Кущёвской, была сделана даже не одна, а несколько домашних записей под гитару. И, кроме них, было ещё одно, весьма примечательное мероприятие — концерт "для бомжей". В то время в Кущёвской работали на стройках тунеядцы, сосланные "на 101 километрик", — то есть, уже даже не любители, а почти что прямые герои Жанра. И конечно, Аркадий не мог не порадовать их своим пением…

Но вот уже закончена и кущёвская гастроль, и пора двигаться дальше… Но, к сожалению, нам так и не удалось точно узнать, как Аркадий покинул Кущёвку, и куда же он, собственно, отправился. Однако есть один весьма любопытный слух, который мы считаем нужным здесь привести. Рассказывают, что вскоре после кубанских записей Аркадия пригласили петь на пикничок к. партийному руководству Краснодарского края! Насколько это соответствовало действительности — трудно судить. Конечно, первый секретарь Краснодарского краевого комитета КПСС тов. С. Ф. Медунов, был именно тем человеком, от которого можно было этого ожидать. Удельный князь богатейшего южного края, причём (как позже про него писали), авторитет не только по партийной, но и по криминальной линии, живое олицетворение слияния партийной и уголовной элит… Но действительно ли пел Аркадий пред его сиятельным взором? Точных сведений нам, к сожалению, раздобыть не удалось. Может быть, так оно всё и было, а может, "партийное руководство", для которого пел тогда Аркадий, было не более чем каким-нибудь инструктором Тихорецкого или Кущёвского райкома КПСС. Которого позднее народная фантазия вполне могла превратить не только в Медунова, но и в дорогого и любимого Леонида Ильича Брежнева. Такие "былины" нам тоже доводилось слышать. И большинству из них, кстати, положил начало не кто иной, как сам Северный! Но об этом мы расскажем чуть позже, а пока вернёмся к Аркадию. Итак, нам не удалось получить информацию о его дальнейшем маршруте, однако предположения можно строить достаточно уверенно. Поскольку никто и никогда не вспоминал о том, чтоб Северный возвращался в Тихорецк, либо посещал иные города Краснодарского края или Черноморского побережья, — остается считать, что из Кущёвской Аркадий двигался всё в том же направлении. С гостеприимного Юга к родимому Северу. А всего в 70 километрах к северу от Кущёвской лежит город Ростов-на-Дону…

Ростов-папа! О пребывании Аркадия Северного в этом славном городе всегда ходили самые разнообразные слухи и рассказы. Правда, большинство из них было, конечно же, не более, чем мифами… Ведь визит на берега Дона полагался

Аркадию просто-таки по закону жанра — ну как же легендарному шансонье после Одессы-мамы не побывать в Ростове-папе! И, вероятно, рассказы об этом должны были появиться в любом случае, независимо от того, что было на самом деле. Однако, сейчас о пребывании Северного в Ростове стала всплывать уже довольно конкретная информация — с адресами и фамилиями действующих лиц. Но, к сожалению, нам пока ещё не удалось установить точную датировку и последовательность этих событий. Поэтому мы и позволим себе привести их здесь, после рассказа о Кубани, в соответствии с географической логикой того гастрольного путешествия Аркадия Северного.

Ростовчанин Александр Олегович Кожин рассказал нам, что Северный приезжал в Донскую столицу по приглашению известного ростовского бизнесмена Александра Соболева, который познакомился с Аркадием в Москве. Но вот когда? Знакомство вполне могло состояться осенью 1978 года, — в тот период, о котором мы выше писали, как о "белом пятне" в биографии Северного; а сам визит в Ростов мог быть и той же осенью 1978-го, или… летом 1979-го, как раз после Тихорецка. И, скорее всего, напрашивается вывод, что Аркадий гостил в Ростове не один раз. У нас есть свидетельства о событиях, которые также могут быть совершенно неоднозначно истолкованы в части их датировки. Например, тот же А. О. Кожин приводит одну весьма интересную деталь: Северный жил тогда в гостинице "Интурист", а с ним была очень красивая женщина из куртизанок, которая его затем обобрала. Если считать, что это было в 1978 году, то эту историю возможно соотнести с рассказом о "Зине, укравшей деньги". Но ведь с не меньшим основанием можно считать, что здесь идёт речь о деньгах, пропавших после тихорецких гастролей, о чём вспоминали многие, знавшие Аркадия. Мы уже упоминали об этом в предыдущей главе. Впрочем, все эти рассуждения уже смахивают на "детективное расследование", которое мы не находим нужным здесь проводить. Скажем только, что если Северный и был в Ростове- на-Дону несколько раз, события этих визитов давно уже перепутались в людской памяти.

Тем не менее, мы считаем необходимым привести на этих страницах немногочисленные подробности о пребывании Аркадия Северного в Ростове, которые нам удалось узнать. Может, и найдётся ещё какой-нибудь свидетель тех давних событий. Итак, судя по всему, ростовские гастроли растянулись у Аркадия не на один день, потому что очевидцы рассказывали про многочисленные его выступления. Часть их состоялась в ресторане "Казачий курень" на левом берегу Дона, а часть — в пивбаре "Театральный" (сейчас его уже не существует). Там

Северный пел в сопровождении местного ансамбля, о составе которого мы знаем пока довольно немного. Известно, что в него входили Григорий Кулишевский, Славик Сигида, некий Вадим по кличке "Ас", игравший на ударных, а также скрипач по кличке "Копа". Прямо в зале велась запись, разыскать которую пока, к большому сожалению, не удалось. Есть и воспоминания, что Аркадий выступал в ростовском ресторане "Тополя". А ещё одна история гласит о том, как однажды Аркадий оказался в гостях у известного ростовского футболиста Сергея Андреева. С некоторыми очень незначительными, но весьма характерными подробностями. О которых мы здесь умолчим, потому как нет у нас никаких дополнительных подтверждений того, что всё было именно так. Хотя рассказывают ещё, что на этой встрече присутствовал также и знаменитый нападающий Виктор Понедельник. Может быть, он когда-нибудь что-то поведает об этом.

И есть ещё один рассказ о достаточно оригинальной истории, также связанной с Ростовом- на-Дону… В 150-ти километрах к северу от Ростова лежит станция Лихая. Так вот, рассказывают, что однажды на этой самой станции Лихой Аркадия Северного таки выломили прямо с поезда, и увезли в Ростов, чтоб он там, значит, попел для какой-то компании… Достоверность этой истории проверить, по-видимому, уже невозможно, и, наверное, не стоило бы её тут и приводить… Если бы не одна, интригующая деталь! Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что снять Аркадия с поезда на Лихой — это значило вернуть его в Ростов! Ведь все поезда, прибывающие на Лихую с юга, идут из Ростова. А поезда, идущие с севера, дальше уже все равно не могут миновать Ростов, и в таком случае снимать Аркадия с поезда просто не имело бы никакого смысла! Что ж это — действительно "никак не доехать до Ленинграда"? Какая-то мистическая материализация его кубанских фантазий об отставаниях от поезда? Гадать об этом мы, конечно, не будем. Но скажем лишь, что по той или иной причине, но летом 1979 года Аркадий действительно так и не уехал из Ростова-на-Дону в сторону Питера. Потому что следующий пункт его гастрольного турне по южным краям достоверно известен — это город Николаев. Правда, о пребывании Северного в этом черноморском городе сохранились лишь немногочисленные документальные подтверждения: пара фотографий и фамилия человека, у которого он тогда жил — Сергей Захарченко.

Но, что примечательно: если, действительно, именно таким вот маршрутом двигался Аркадий с Кубани — через Ростов и Николаев, — то конечной точкой его пути должна была оказаться

Одесса. Всё по той же самой географической логике. Или, разве что, как в песне: "Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону".

Потому как последняя за эту поездку запись — концерт, во вступлении к которому Северный говорит следующую фразу: "… Мы специально приехали в Херсон с тем, чтобы сделать маленький концерт". И многие годы так и считалось: действительно в Херсоне, и действительно маленький. Со вторым утверждением, правда, получалась некоторая неувязка: если собрать песни со всех многочисленных копий, то набиралось их значительно больше, чем на один концерт, и не то, чтобы "маленький", а совсем наоборот. Но, как говорится, голь на выдумки хитра, и стали с чьей-то лёгкой руки считать, что концертов было два: один "маленький", минут на пятьдесят, а второй. В общем, всё, что в первый по времени звучания не лезло, считалось вторым. На самом же деле запись была одна, только нестандартной длины — на два часа. И лишь сравнительно недавно была найдена в полном виде. А то ли о находке, то ли о потере её оригинала рассказывают весьма туманную историю о внезапно нагрянувшем обыске на одну из одесских хат и о героическом побеге оттуда одного из присутствовавших вместе, значица, с этим самым оригиналом. Что-то, конечно, есть в этой истории. В начале восьмидесятых наши доблестные органы вплотную взялись за подпольную звукозаписывающую индустрию, и следы многих оригинальных записей теряются именно тогда. Но побег в те годы во время обыска, да ещё и с вещдоками. Это уж, извините, только в кино бывает.

Но вернёмся в Херсон, а, вернее, в Одессу. То, что Аркадий жил здесь всю вторую половину лета 1979 года, не вызывает сомнений. В конце июля Станислав Сафонов получил от Аркадия письмо, датированное 19-м числом (оно сохранилось). И в нем Аркадий сообщает, что живет у Владислава Коцишевского, на Чичерина, 111; пишет, что бросил пить; а потом просит прислать для Коцишевского тихорецкую запись, на обмен или за плату. И о том, что вышеупомянутый "херсонский" концерт был записан именно в Одессе, сейчас уже тоже известно достаточно достоверно. Ни Коцишевский, ни Ерусланов так и не смогли вспомнить ни об одной записи Северного с "Черноморской чайкой" в каком-либо другом городе, кроме Одессы. Можно ещё предположить, что в организации данного концерта они оба не принимали никакого участия, и Северного пригласил кто-либо другой. Вспоминал же Вячеслав Андреев, что именно летом 1979 года ему довелось присутствовать на какой-то записи Аркадия, организованной одесским скульптором Вячеславом Голованом. А производилась она в одном из пионерлагерей, под Одессой. Что

это была за запись, и сохранилась ли она — это, увы, так и осталось неизвестным. И вряд ли можно спутать Херсон с пионерлагерем. Но, как видите, "конкуренты" у Коцишевского и Ерусланова могли быть. В том числе и в Херсоне. Но поверить в то, что вместе с Аркадием в Херсон был вывезен и ансамбль в полном составе. Это совсем уж из области фантастики! Кстати, и сам Северный косвенно подтверждал, что концерт был записан в Одессе. Во время встречи с Владимиром Криворогом на перроне железнодорожного вокзала в Киеве на вопрос о новых записях он перечисляет все города, в которых в этом году были концерты. Ленинград, Одесса, Тихорецк, Кущёвка ("Кущинская" — так звучит из уст самого Аркадия) — Херсона в этом коротком списке, как видите, нет. И ещё одна очень любопытная фраза Северного из этого разговора, имеющая непосредственное отношение к "Херсонскому": "Мы задумали сделать что-то типа "золотого диска".

И судьба распорядилась так, что последним концертом Аркадия Северного с "Черноморской чайкой", последней его записью в Одессе, оказался именно "золотой диск". Альбом из самой отборной одесской классики, совсем не похожий на всё, что до сих пор делалось с этим ансамблем! Но ведь не думали же организаторы концерта, что запись, которую они делают, — это финальный аккорд всех "одесских гастролей" Аркадия Северного! Что других уже просто не будет. Скорее, наоборот, — были планы на какой-то новый проект или "цикл". Ведь пора ж, наконец, было Аркадию Северному петь в Одессе за саму Одессу! Но. "Судьба во всём большую роль играет. И от судьбы далёко не уйдёшь" — как пел сам Аркадий. И если уж суждено ему было никогда больше не выступать в прекрасном городе у Чёрного моря, то, по крайней мере, "финал" получился действительно яркий.

Но если сравнивать этот "Херсонский" концерт с теми "одесскими концертами", которые Аркадий делал у Фукса. Кажется, будто не пять неполных лет прошло между ними, а все пятьдесят! И не только из-за разницы в оркестровках. Да, там была стилизация под чистый "одесский кабачок" начала века, а здесь "Черноморская чайка" делает "современное прочтение классики". Там была попытка максимально изобразить "старую Одессу", здесь — сегодняшнее воспоминание о той Одессе. И вот точно такая же разница слышится в самом исполнении песен Аркадием. Тогда весёлый и фартовый бродяга смачно делал под семиструнный звон одесские песенки, да так, чтоб нам там жить хотелось! Теперь — старый, потёртый жизнью одессит вспоминает, как это делалось в Одессе в безвозвратном тысяча девятьсот лохматом году:

… Одесса, мать-Одесса,
Вскормила ты меня,
Не помню ни бельмеса,
А трезвым не был я,
Одесса, мать-Одесса,
Мне без тебя не петь,
И лишь в Одессе-маме
Хочу я умереть!

Те же самые слова, но воспринимаются они совсем по-другому. Действительно — пропасть в пятьдесят лет. Как это было б красиво, если было бы правдой! Но Аркадий прожил всё это за пять.

И несётся вперёд скорый поезд "Одесса-Москва" — не удержать, не остановить. Разве что на несколько минут на какой-нибудь узловой станции. В Киеве, например. 30 августа 1979 года в последний раз Аркадий постоит на гостеприимной киевской земле. И даже не на земле, а на асфальте вокзальной платформы. Никто из встречавших Северного тогда не мог и представить, что видят они его в последний раз. Но кому-то вот пришла в голову идея взять с собой и фотоаппарат и магнитофон. Что можно успеть сказать за 10 минут стоянки? Ну, пусть не за десять — за пятнадцать, — по какой-то причине поезд ещё немного и задержали (на что Аркадий сказал свою коронную фразу "special for you"). Но всё равно — очень мало. И записывали ведь не для истории, а просто так, хохмы ради. Хотя и смеялись, что это всё "для программы "Время" делается. Каким-то чудом эта запись сохранилась — единственная в своём роде, на которой запечатлён голос Северного не на концерте, а вот так — "как в жизни". Сначала — на перроне, а потом и в купе поезда. Приветы и поручения друзьям, какой-то пустой трёп, а потом вдруг очень зло: "Пошёл он к бениной маме!" — об одном из своих нынешних "побратимов". И опять — звон стаканов, куплет из одной песни, куплет из другой, конечно же — "Подол". И снова неожиданное, словно отзвук какой-то давней, но не забытой истории: "Я никогда не присваиваю то, что не моё!.." Но вот разговор обрывается на полуслове, поезд трогается и, набирая ход, мчится к своей конечной станции.

Глава девятая
"Начало легенды"

"— Я вас спрашиваю — какой город?
— Ленинград, Аркаша!
— А какой год, Коля?
— Олимпийский!"

А. Северный и Н. Резанов, 24 февраля 1980 г.

Итак, 1 сентября 1979 года Аркадий опять прибывает в столицу нашей Родины — город- герой Москву… С какой целью и по чьему приглашению — мы, наверное, уже и не узнаем никогда. Известно только, что задержался он на этот раз в столице надолго, почти на полгода. Сперва он поселяется на квартире у Александра Георгиевича Рухлина в тихом районе Москвы, между Яузой и Лосиным островом. Улица Игральная, дом 5. И что примечательно — почти напротив медицинского центра с психоневрологическим диспансером. Случайное ли это соседство или нет — нам неизвестно. Хотя Рухлин утверждал в своё время, что Северный этой осенью в очередной раз пытался подшиться. Не в этом ли диспансере? Что ж, вполне возможно. Но, судя по всему, если и было такое, то не пил Аркадий совсем мало. Забегая немного вперёд, скажем, что у видевших его зимой остались прямо противоположные воспоминания о состоянии здоровья певца. Но, как бы то ни было: "Я, друзья, приехал на Москву…"

Говорят, что до этого приезда Северный недолюбливал первопрестольную. Вполне возможно. Ленинградец, если не по рождению, то по душе, — он, как и все жители Северной столицы, считал свой город лучшим в мире, единственным и неповторимым. Разве что ещё Одесса вызывала у него тёплые чувства. Космополит по судьбе, он отнюдь не "исколесил страну от Кушки до Чукотки", как считали многие. Может быть, именно здесь следует искать корни его баек о военной службе во Вьетнаме и командировке в Канаду? Сочинять что-то про Ашхабад или, скажем, Нижний Тагил — смысла нет. Неинтересно, да и вдруг нарвёшься на того, кто был там на самом деле… А Вьетнам — поди проверь! На самом же деле, города, в которых он побывал, можно пересчитать по пальцам. А больше одного раза —

всего в нескольких. Среди них и Москва. Но, как ни странно, Северный очень редко рассказывал о своих посещениях столицы и почти никогда не упоминал её на концертах. Разве что: "Очень в Москве меня почему-то полюбили…" Хотя ему было что рассказать.

Например, о своих встречах с хоккеистами сборной СССР, одна из которых состоялась 21 декабря на квартире известного московского бизнесмена Льва Орлова. Ребята приехали сразу после решающего матча с чехами на приз "Известий". Не всей, конечно, командой. Но был среди них, например, Владимир Лутченко — лучший левый защитник Союза, двукратный олимпийский и семикратный чемпион мира на тот момент! В те времена, в отличие от нынешних, имена хоккеистов сборной знали все — от мала до велика. И такое знакомство что-то да значило. Был и двадцатилетний, очень скромный парнишка, получивший в тот год свою первую чемпионскую медаль — Слава Фетисов. В будущем, как известно, — звезда мирового уровня, один из лучших защитников за всю историю хоккея, и, наконец, председатель Госкомспорта России! Но вот почему Аркадий никогда не рассказывал об этом? Если отбросить версии из области фантастики (например, о "высочайшем" интересе, и приглашении в "придворные шансонье" для партийной или криминальной верхушки), то напрашивается только один вариант: он просто боялся подвести людей. Прекрасно, видимо, понимая, что навряд ли орденоносного Лутченко кто-то погладит по головке за знакомство с подпольным менестрелем. Гораздо безопаснее и, опять же, интереснее — рассказывать таинственные байки о концертах для дипломатического корпуса и высокопоставленных вельмож и их детей: "Сам сын Громыки был." Может быть, при том и не ведая — был ли вообще сын у Андрея Андреевича. Хотя, какая разница — считал ведь кое-кто на полном серьёзе, что Северный сам — сын Микояна. Так что — нормально. Концерт, так сказать, "в узком кругу" — сын Микояна поёт для сына Громыко. Вполне в порядке вещей и в духе времени.

Но в духе ли самого Аркадия? Загнанный в подполье, причём не только и не столько властью, как всяческой "околомузыкальной" шушерой, прятавшей его от всех и вся, он постоянно пытается вырваться из порочного круга домашних концертов и кустарных студий. И спеть, наконец, для людей и "на людях". Отсюда его бесконечные метания, попытки знакомств с какими- то, по его мнению, "нужными и важными" людьми и всё более и более частые уходы в многодневные "гастроли" по кабакам и весям. Но ничего не получается. Он уже начинает

становиться легендой, ещё при жизни. Давняя задумка Фукса совершенно неожиданно оборачивается совсем другой стороной. В реального Аркадия Звездина уже никто не верит и не хочет верить, он уже никому не нужен. А нужен всем только Северный. Который то ли давно умер, то ли уехал в края далёкие. "Легенда" не может жить с тобой в одном доме и ходить с тобой по одним и тем же улицам. Иначе — это уже и не Легенда вовсе. Всё. Ты уже "в образе". И будь любезен — придерживайся этого самого образа, тем более, что он самим тобой и создан: "Мне надо сказать — в Австралии ждут на гастроли… Я там лапшу-то навешаю…" И из этой двойственности Звездину-Северному уже никогда не вырваться. Стремясь вновь обрести себя в реальности и в людях, он неосознанно, "по привычке", продолжает творить себя в легенде. Уходя из серых сумерек советского подполья в яркие краски своих собственных фантазий о заграницах и важных персонах. Всё это к тому же дополнительно расцвечивается и причудливо преломляется в его сознании под влиянием постоянных вливаний в себя огромных доз алкоголя. Он уже, похоже, сам начинает верить в то, что ему рассказывают о Северном.

Надо отметить, что не так уж много сохранилось воспоминаний о том, чем же занимался Аркадий в этот свой последний приезд в Москву. В большинстве своём — разные глупые слухи, которым не место здесь. Есть какая-то вероятность того, что осенью 1979 года Северный заскочил на несколько дней в родное Иваново. И Шелег, и Коцишевский говорили о том, что Аркадий возил своей сестре лекарства домой, когда она серьёзно заболела. Но приводили они совершенно разные даты. А ведь явно Северный бывал у своих родных не один раз, мог и сейчас заехать. Вот и ивановские родственники Аркадия: двоюродный брат Борис Павлович Соловьёв и племянник Вячеслав Львович Звездин вспоминают, что последний раз он был в Иванове незадолго до смерти. И больше, к сожалению, нет никаких фактов, которые говорили бы "за" или "против" этой версии. Разве что одна фраза, сказанная на перроне киевского вокзала: "переночуем мы уже в другом месте". Именно: "переночуем". Так, словно, действительно, транзитом в Москве. Если он заранее намеревался где-то осесть на несколько месяцев, то логичнее было бы сказать "будем жить". Впрочем, повторимся, что это уже просто наши догадки. Хотя недаром предыдущую главу мы назвали "Время прощаний". Всё-таки было бы весьма символично, если б такая поездка состоялась именно в этом году.

А этой осенью целая команда московских знакомых Аркадия из числа коллекционеров и коммерсантов организует ряд

подпольных концертов певца по различным московским и подмосковным кабакам. В том числе и в знаменитой "Руси". Конечно, выступать в ресторанах — это для Аркадия далеко не в новинку. Мы уже неоднократно приводили рассказы разных людей про подобные истории. И в Одессе, и в Киеве, и в Ростове, и, конечно, в Питере, — к уже известным читателю воспоминаниям Владимира Ефимова и Валерия Шорина можно было бы добавить воспоминания С. Г. Калятиной о том, как Северный пел целый вечер на свадьбе её племянника в кафе на улице Крыленко; рассказ Владимира Лаврова о выступлениях Аркадия в ресторане "Баку", и много, много других. Где истину от легенд отделить уже практически нереально. Но, что характерно, все эти выходы на ресторанные подмостки получались у Аркадия спонтанно, экспромтом. Московские же выступления — это мероприятие несколько другого уровня. Здесь заранее организуют площадку специально для Аркадия Северного, под заранее приглашённую публику.

Таким было и одно из выступлений в "Руси", где Аркадий пел опять же для хоккеистов сборной и ЦСКА. Об этом, в отличии от других подобных историй, доподлинно известно. Сохранились фотографии с того памятного вечера, а также воспоминания Льва Орлова и Генриха Сечкина, которые, кроме того, попытались записать домашний концерт Северного под две гитары. Но, по техническим причинам, записи получились не очень качественными, хотя и сохранились. Генрих Соломонович, сам профессиональный гитарист, так вспоминает об этом: "Аркадий мешал мне играть, а я мешал ему петь." Записать же ресторанные концерты певца, судя по всему, не предпринималось даже и попыток. Да и суть этих выступлений "для избранных" была совершенно в другом. "Лавэ-то мне нужны, ну миленький ты мой!" — как говорил об этом сам Аркадий. Вот и колесил он по всей Москве в поисках этих самых "лавэ", которые оседали большей частью не в его, а в чужих карманах.

В Москве ночные улицы
В неоновых распятиях.
У ресторанов умницы…

К концу года Северный уже жил на Юго-Западе у Анатолия Писарева, простого советского служащего, не крутого коллекционера и не музыканта, но любителя и почитателя творчества Аркадия. Они познакомились на одном из квартирных концертов Северного, куда Писарев был приглашён своим приятелем. Как вспоминает сам Анатолий Петрович, после

нескольких дней знакомства Аркадий позвонил ему и попросил приютить на день. "День лежит, второй лежит, говорит, что очень плохо себя чувствует, был жалок и беззащитен. Увидев, что мы не подаём голоса протеста против его пребывания у нас, он ожил и стал парень свой в доску…" Забегая немного вперед, скажем, что остался он здесь надолго, и квартира Писаревых оказалась последним из московских пристанищ Аркадия…

Однако же перемена "местожительства" никоим образом не изменила образ жизни певца. Ресторанные выступления Северного по-прежнему продолжаются… По воспоминаниям Писарева, какие-то неизвестные ему знакомые Аркадия устроили концерт то ли в кафе, то ли в ресторане на Кропоткинской улице. Сохранились и фотографии с этого концерта, с автографом Северного дочери Анатолия Писарева: "Наташа, когда-нибудь ты услышишь эти песни. Люблю тебя. С уважением А. Северный". Вот что вспоминает об этом концерте сам Писарев: "Когда он отправлялся на концерт, говорил: "Пойду попою! Немножечко. Но смотрите, чтоб вы обязательно были!". Пел он тогда здорово, хорошо, но администратор очень нервничал. В зале было трое военных, которые возмущались. Они пару песен прослушали и говорят: "Поёт какую-то белогвардейщину. Нам здесь не место". И ушли. Но это были какие-то посетители, которых, видимо, нельзя было выгнать заранее. А так все были люди свои".

Анатолий Писарев вспоминал и ещё об одном концерте Аркадия, организованном 31 января 1980 года в кафе "Печора", что на проспекте Калинина. И с этим концертом, надо сказать, связано несколько весьма интересных, и даже загадочных обстоятельств! Вот что рассказывал Писарев: "Зимой 1980 года пришли два приятеля и договорились о концерте Северного в кафе "Печора". Аркадий сказал нам: "Приходите обязательно, без вас петь не буду". Но мы опоздали… Когда мы раздевались, нам говорят: "Вы пришли, наверное, к Аркадию? А вы знаете, его забрали"… Поднимаемся на второй этаж, большой зал, музыка, столики. Ищем Аркадия… А рядом закрытый зал, у дверей стоят два мужичка. Вдоль стен на стульчиках сидят парнишки… ну, вы понимаете. Пять человек, и пили одну бутылку "Фетяски" на всех. Сидят истуканы эти, смотрят на нас. А мы смотрим на дверь. Вдруг Аркадий подходит к дверям, откуда- то он вынырнул. Наверное, из "31-й комнаты", где обычно гебисты бывали. Сопровождают его какие-то два паренька. Не глядя, прошел в тот зал, потом оттуда вышли две девчушки и сказали, что его отпустили, и сейчас он будет петь… И вот Аркашка сразу запел "Господа офицеры". Входят люди и говорят: "Мы же вам говорили — не петь белогвардейские песни! Не петь уголовщину!" Тогда

Аркашка стал петь "Тетю Хаю". Только они ушли, он начал по новой петь свои песни, которые им не по душе. Но они больше не появлялись, видно поняли, что бесполезно. Моя жена Валентина, конечно, очень нервничала, потому что при сложившихся обстоятельствах — все разойдутся, а мы домой опять с Аркашей, — за нами, конечно, может быть слежка… Но, слава Богу, когда все закончилось, один парень подходит к нам, и говорит: "У меня сегодня день рождения, поедемте ко мне".

Но об этом же самом концерте есть и другой рассказ… Одним из организаторов концерта был Давид Григорьевич Шендерович — человек "широко известный в узких кругах" московского андеграунда. По свидетельству Шендеровича, в организации концерта ему помогал врач, который по долгу службы должен был контролировать санитарное состояние учреждений общественного питания Киевского района, в том числе и "Печору". За что впоследствии и пострадал. Плохо, стало быть, контролировал. А Шендерович, в свою очередь, был близко знаком с Константином Беляевым — ещё одним легендарным исполнителем того времени. И вот что рассказывали об этом концерте Давид Григорьевич Шендерович и Константин Николаевич Беляев, также, по его собственным словам, бывший в числе непосредственных зрителей:

> "… Собралось где-то от тридцати до сорока человек. Для Аркаши играли: электрогитара, ударничек простенький, клавишные, ну и, пожалуй, всё. Аркаша стоял у стенки, ряды же были перпендикулярно к ней. Был выделен человек, который постоянно ему приносил водку, коньячок и кофе. Он должен был полностью обслуживать Аркашу, чего бы тот ни пожелал. Около кафе стояли две "Волги" с товарищами из органов. Потом эти товарищи засели в кабинете зам. директора и начали выдёргивать к себе на разговор разных людей, в том числе и Давида Шендеровича. Поскольку он организовывал вместе с врачом этот концерт, его попросили предъявить документ. Ну, он говорит: "Я — слепой, инвалид первой группы, всё равно я ничего не вижу — не нужно мне с собой документ таскать…" Записали с его слов данные о нём. Ну, конечно, выдернули и Аркашу, тоже с ним беседовали. Аркаша, когда вышел, сказал, что "меня товарищи вызывали и сказали, чтобы я не пел блатных песен. И поэтому я вам, ребята, сейчас спою "Стоял я раз на стрёме…". Естественно, что он начал петь то, что всегда пел —

> блатняк и всё такое. Всё, что он пел, записывалось на "Grundig" через пару микрофонов. Один микрофон стоял перед ансамблем, а второй стоял перед Аркашей. И он пел где-то чистого времени полтора часа. Были перерывы, фотографировали очень много… Был профессиональный фотограф из "Известий". В восемь часов начался концерт, а в одиннадцать пришёл мент, который стал всех вытурять из кафе".

Мы, конечно, не будем сейчас проводить скрупулёзное сличение деталей этих рассказов, поскольку совершенно ясно, что детали, по прошествии стольких лет, могли уже давно и изгладиться и спутаться… Но, тем не менее, эти рассказы оставляет очень много вопросов. Самый основной — абсолютно необъяснимое поведение гебистов, которые просто "фиксируют" концерт, но не принимают никаких конкретных мер воздействия к его участникам. И какая-то нарочитая смелость Северного. Знал, что ничего ему за это не сделают? Или всё равно уже было? А, впрочем, может быть, вовсе и не было этой фразы, о которой вспоминает Беляев… Просто пересеклись где-то в параллельных мирах две Легенды: Костя Беляев и Аркадий Северный. Встретились и разошлись, как в море корабли.

Но всё-таки какие-то странные отношения у Северного и КГБ, по-видимому, были. И вот теперь мы напомним читателям, что обещали дать окончание таинственной истории, произошедшей в Питере с официантом "Бегемотом", о которой говорил Валерий Шорин. Пришло время её, наконец, рассказать. Итак, вот что было дальше: "… Пришли мы в кабак, а он в отказ. Аркаша датый был, полез на него, я тоже встрял. Короче, всех замели в ментуру. Аркашка хоть и бухой был, но сообразил, не стал орать "Я-Северный", а сказал: "Дайте позвонить", и назвал номер телефона. Они, видать, поняли, что номер какой-то козырный, и соединили. Аркаша звонил Карпову, гебисту, который курировал гостиницы. Тот полковник, кажется, был. И, когда гебист приехал, Аркашку сразу отпустили, и даже кто-то ему вернул долг за того официанта. После этого гебисты во главе с Карповым увезли нас в гостиницу "Октябрьская", там у них было что-то вроде центрального поста. И Карпов говорит: "Нехороший ты человек, Аркадий. Столько времени не звонил, не давал о себе знать. Только и вспомнил, когда вляпался". Аркадий потом пел этим гебистам, и было видно, что им всем нравится его пение".

Ну что здесь можно сказать?.. Конечно же, в Комитете Государственной Безопасности прекрасно знали о существовании подпольного певца Северного — по долгу службы. А иные

твердокаменные чекисты, наверное, и любили его творчество — уже по "движению сердца". Впрочем, это самая простая схема. А может, всё было и не так просто. Наверняка, такое безобразно популярное явление советской жизни семидесятых, как подпольная блатная музыка, кто-то в Комитете должен был курировать. То есть, отслеживать, а при необходимости — пресекать. А может, и "руководить" этим движением. В принципе, мы уже говорили, что блатное "фрондерство" вполне могло устраивать Систему, как альтернатива, отвлекающая от диссидентского протеста. До начала 80-х годов, по крайней мере, не особо-то его и пресекали. Что ж, как гипотеза, это выглядит достаточно логично, но соответствует ли оно действительности — мы не берёмся утверждать. Окончательно этот вопрос могут разъяснить только сами бывшие работники КГБ. Остаётся надеяться, что мы когда-нибудь этого дождёмся.

К концу 70-х годов массовое производство и распространение блатных записей постепенно приближается к "критической массе". Причём, это происходит не само по себе, а на фоне какого-то общего, если можно так выразиться, "противостояния" властям. Может быть, и не совсем осознанного, но тем не менее. Несмотря, на усиливающиеся репрессивные меры, в стране растут, как грибы после дождя, всевозможные диссидентские движения. В них принимает участие всё большее количество известнейших писателей, артистов, учёных. Всё выше и выше поднимают головы отечественные рокеры — концерты подпольных и полуподпольных ансамблей происходят почти открыто, при минимуме конспирации. Появляются немыслимые всего несколько лет назад молодёжные движения. А власть. Власть просто, видимо, не успевает проследить за всеми этими разношёрстными движениями, и не может пока разобраться — кто здесь вреден, а кто — "полезен". Меры принимаются, конечно, но только какие-то половинчатые. И только к тем "деятелям", которые или открыто выступают против, или чьи имена уже хорошо известны на Западе. А тем временем общество производит всё новых и новых "подрывателей" общественного строя, причём уже в массовом порядке. И до них просто не доходят руки. Они пусть и длинные, но до всех достать уже не могут. А блатные песни. Нехорошо, конечно. Но есть дела и поважнее. И потом — невозможно же изъять все магнитофоны и закрыть все рестораны! Пусть пока повеселятся. А потом посмотрим. Вожжи немного отпущены и кажется, что так оно и должно быть и будет уже всегда. И наши доморощенные "продюсеры" и "промоутеры" всё более и более распускаются, и начинают производить и распространять записи до сих пор немыслимые. Исполнители

тоже не особо конспирируются. Хотя некоторым из них это аукнется уже очень скоро. И срока, пусть и не такие уж большие, придётся им отбывать от звонка до звонка.

А в лучшем (лучшем ли?) случае — предложение эмигрировать, от которого нельзя отказаться. Но это всё будет чуть позже, а пока.

Владимир Шестериков, в своё время игравший в любительских джазовых коллективах и хорошо знакомый с персонажами нашей книги, вспоминает, например, что многие его знакомые прекрасно знали, что в "Парусе" играют "те самые" "Братья Жемчужные" и специально ходили послушать их игру и посмотреть на легендарный коллектив. А некоторые, наверное, ещё и с затаённой мыслью: а вдруг и Северного можно там увидеть? В Москве известно всему "полусвету", что исполнитель самых знаменитых в Союзе похабных и "еврейско-антисемитских" песен Костя Беляев работает преподавателем английского языка в институте Стали и сплавов. А чем занимается в Одессе известный конферансье, артист Одесской филармонии Евгений Оршулович? Впрочем, Оршулович, конечно, нигде не кричит, что исполнитель блатных песен Владимир Сорокин — это он и есть. Но вот один показательный момент! На подпольных записях Оршуловичу аккомпанировало много различных музыкантов, и, кстати, добрая половина из них была не из ресторанов, а из приличных заведений, вроде Одесского музыкального училища. Так вот, некоторые из них только через много лет узнали, что эти записи ушли в народ не под именем Жени Оршуловича, а под псевдонимом "Владимир Сорокин"! Трудно поверить в такую сверхконспирацию, когда подробности скрываются даже от музыкантов. Скорее, люди уже просто не ощущают вообще потребности шифроваться.

Но все эти исторические процессы в начале 1980 года находятся только лишь в стадии "формирования", и пока что никто не знает, чем всё это кончится… И, конечно, ни о чём подобном не задумывается Аркадий Северный, живущий на квартире своего нового московского друга Анатолия Писарева. Долгими зимними вечерами друзья коротают время за совместными кухонными "выступлениями" под гитару, фиксируя всё это для истории на простенький магнитофон "Комета", а позже — на специально приобретенный Писаревым старый ламповый "Grundig". Впрочем, Анатолий Петрович не занимался активным распространением этих записей, и долгое время они были неизвестны широкой публике. А главная примечательность тех записей заключается в том, что добрая половина их состоит из авторских песен самого Писарева. Причем, песен достаточно

оригинальных. Часть из них написана в традиционном для Аркадия жанре дворовой лирики, а вот другая часть, похабная — весьма необычна! Конечно, похабщина для Аркадия — тоже далеко не новинка, но надо заметить, что здесь звучит совсем не то, что жизнеутверждающий половой юмор, обычный в Жанре. При кажущейся шутливости, скабрёзные песни Анатолия Писарева полны не цинизма даже, а какого-то мизантропического скепсиса… Но мы не будем пытаться в очередной раз привязать содержание этих песен к настроению Аркадия. Хотя бы потому, что во многих случаях его состояние во время исполнения, увы, не позволяет делать вообще никаких выводов…

Но, к сожалению, самая уникальная запись, сделанная у Анатолия Писарева, не сохранилась — запись, на которой Аркадий читал рассказы Бабеля! Ведь ещё в далекие годы "Музыкальных фельетонов" и других сценарных концертов Рудольф Фукс подумывал об организации таких чтений, да так и не собрался тогда замахнуться на классику… А теперь, в Москве, такая запись состоялась почти что экспромтом. Писарев вспоминает, что один знакомый принес ему том Бабеля, и Аркадий с жадностью на него набросился. Несмотря на достаточно большую по тем временам цену — сорок рублей, — книга была приобретена, и Аркадий тут же её надписал: "Подарок от Аркадия Дмитриевича Северного Анатолию и Валентине Писаревым". После этого Анатолий Петрович и записал на целую бобину "ORWO" рассказы Исаака Бабеля в исполнении Аркадия Северного. Но… "Как он его читал! С таким подъемом, с таким одесским пафосом, с такой подачей! Я, помню, всё это записал… Но до сих пор жалею — пленки не было, и на ту бобину потом записали песни. Но эта запись до сих пор меня гнетёт, что я её не оставил. Это было что-то потрясающее".

Увы…

Однако московская жизнь Северного той зимой 1980 года не ограничивалась только ресторанными концертами и домашними записями. Стоит, пожалуй, упомянуть и ещё об одной интересной истории, рассказанной Анатолием Писаревым — о выступлении Аркадия на одном бардовском концерте! То есть, в среде, в общем-то, совсем не близкой Аркадию Северному… Хоть он и пел в свое время много "бардовских" песен, и сам был близко знаком с разными авторами- исполнителями, в том числе с Юрием Кукиным и Александром Лобановским. Но в 1980 году это движение переживало не лучшие времена, — уже прошла пора, когда авторская песня была в авангарде того "несогласия" с Системой, о котором мы говорили выше. К началу 80-х многие "барды", к сожалению, стали страдать конформизмом,

самоцензурой, и уходом в мелкотемье… С чем, конечно, было совсем не по пути Северному — подпольщику и нонконформисту по определению. Впрочем, сам он, в отличие от Владимира Высоцкого, никогда не высказывал своего отношения к бардовскому движению. Но, как бы там ни было, факт появления Аркадия Северного в "КСП" интересен сам по себе. Правда, выступление там у Аркадия не задалось, но по совершенно прозаической причине. Вот что рассказывал об этом Анатолий Писарев: "На сцене сидел дуэт гитаристов, хорошо играли, один пел — картавый еврей. Северному его исполнение не понравилось сразу, как и мне. Среди публики были тоже в основном евреи. Аркадий что-то пробурчал по этому поводу, а потом сказал: "Х… с ними, я им счас покажу". И пошел к сцене. Его узнали, захлопали, евреи на сцене оробели, смутились. Аркадий принялся что-то петь, те начали подыгрывать, но Северному не понравилось. Он обернулся и грозно произнес: "Ты ритм можешь держать, Сеговия? Ты четыре такта можешь сделать, Иванов-Крамской?" Аркадий попел немного, и мы уехали".

А до Ленинграда, тем временем, уже доходят слухи о московских выступлениях Аркадия. И Сергея Ивановича Маклакова, по-видимому, это отнюдь не может радовать. Как-никак, он считает себя если не первым, то одним из ведущих "продюсеров" Северного, а, между тем, последнюю запись с Аркадием он сделал аж десять месяцев назад. А в Москве Северный, оказывается, имеет успех на совершенно новом поприще — не на подпольных записях, а на публичных, хоть и тоже подпольных, концертах. И Сергей Иванович решает, что пора бы уже и ему организовать с Северным какое-нибудь мероприятие, пока не оказался на обочине! Впрочем, об организации публичных концертов в Питере Маклаков не думает, поскольку дело это для него новое, а главное — хлопотное и опасное. Держась прежних традиций, он просто решает пригласить Аркадия из Москвы на очередную запись. И вот в середине февраля, получив "вызов" от Сергея Ивановича, Аркадий Северный собирается в Питер…

Надо, кстати, заметить, что Москва 1980 года от Рождества Христова уже начала в это время готовиться к Олимпиаде, и оставаться в этом городе Аркадию, при его-то образе жизни, было достаточно опасно. Для того, чтобы во всеоружии встретить это эпохальное мероприятие, власти предержащие затеяли грандиозную чистку столицы от различных элементов, которые своим видом или поведением могли помешать празднику. Нет — бомжам и диссидентам! И хотя, с одной стороны, Северный вроде как и не подпадал под эти определения, но, с другой стороны.

Было бы желание (у властей), а статья всегда найдётся подходящая. Впрочем, сам-то Аркадий, скорее всего, ни о чём подобном и не задумывался. Ведь у него уже сложилось вполне определенное мировоззрение, о котором мы, так или иначе, уже неоднократно говорили на предыдущих страницах… Мировоззрение, для которого, пожалуй, до сих пор не существует научного определения, и есть только народное слово, родившееся как раз в те времена — "пох. изм". Чисто русско-советское явление, не укладывающееся ни в какие в традиционные рамки — ни анархизма, ни кинизма, ни нигилизма, ни хиппарства… И Северный, в общем-то, был в этом лишь особо ярок, но далеко не уникален. Впрочем, не стоит, наверное, устраивать здесь философские трактаты о социально-этических феноменах периода заката развитого социализма. Как бы там ни было, Аркадий покидает Москву. С какими чувствами — об этом, конечно, можно только гадать. По свидетельству Анатолия Писарева, Аркадий за все время их знакомства ни разу не выказывал особого желания уехать в Питер… Так что неизвестно, что звучало тогда в душе у Северного: "Здравствуй, Невский! Здравствуй, Кировский! Здравствуй, чудная Нева!..", или — "… вновь с головою браться за старое, в хмурый и злой Ленинград…"

Олимпиада бывает не каждый день. В отличие от США и примкнувших к ним другим странам "свободного мира", питерские коллекционеры и любители блатного фольклора решили не бойкотировать это событие, но по-своему отметить. С участием, разумеется, Аркадия Северного, так вовремя приехавшего в родной город.

Впрочем, "отметить Олимпиаду" — может быть, слишком категоричное заявление. Ну, какая особая "отметка" в том, что во вступлении к новому концерту, записанному 24 февраля 1980 года, Николай Резанов на вопрос Аркадия "А какой год, Коля?" отвечает: "Олимпийский!" Собственно, Коля и не мог ответить ничего другого, потому что этот "олимпийский год" навяз тогда в ушах у всей страны. Да и это определение было ещё благом, потому что до того были сплошные "третьи решающие" и "четвёртые определяющие" года пятилеток, год "юбилея великого Октября" и прочая, прочая, прочая. Так что реплика Резанова вполне понятна. Больше про Олимпиаду во всём концерте нет ни слова, но, тем не менее, этого оказалось достаточно, чтобы в будущем этот концерт стали называть "Олимпийским".

Но не всегда. Иногда ещё — "Трезвость". Про путаницу в названиях концертов мы говорили уже не раз. И здесь как раз ничего удивительного нет. В этом концерте много других, гораздо более непонятных моментов. Например, почему играющий в этом

концерте ансамбль из ресторана "Приморский" никак себя не назвал? А ведь он состоял, за исключением скрипача, из музыкантов, уже не раз выступавших как "Братья Жемчужные"! Но опять, как и в случае с "Божьей обителью", популярный лейбл почему-то остаётся невостребованным. Там хоть было изобретено другое название, а здесь вообще никакого. Вот и пришлось его выдумывать самим слушателям. И получилось почему-то именно "Трезвость". Хотя само это слово вообще не встречается в концерте, ни в качестве "заглавия", ни в качестве имени ансамбля.

Впрочем, о "Трезвости" можно, по крайней мере, строить догадки. Например, вполне возможно, что такое название родилось из первой, "антиалкогольной" песни:

Мы с Серёгою попили,
Протрезвились, и решили,
В рот сей гадости не брать
Лет так-этак двадцать пять…

Но что бы значила такая песня? А последние слова: "И теперь мы о ней позабыли, о заразе, на целый год." Ведь они многими были приняты за чистую монету! В том числе и В. И. Кингисеппом, который на полном серьёзе рассказывал когда-то одному из авторов книги, что Аркадий незадолго до этого подшился на год, но почему-то сорвался, и. Всё трудней и трудней разобрать, где кончается реальность и начинается Легенда. Казалось бы, чем ближе к нашему времени, тем должно быть яснее и проще, но как в каком-то сюрреалистическом фильме всё наоборот, всё перепутано — сон и явь, быль и сказка, правда и ложь…

Вероятно, мы уже не найдём ответа на все загадки концерта, состоявшегося в тот февральский день 1980 года на квартире Владимира Раменского, — последнего, записанного с ансамблем концерта Аркадия Северного… Концерта, необычного даже самим репертуаром! Ведь судя по рассказам обо всех предыдущих записях, сам Северный практически никогда не принимал активного участия в подборе песен. А здесь почти треть репертуара — это привезённые лично Аркадием из Москвы песни Анатолия Писарева! А песен Владимира Раменского почему-то совсем мало. И долгие годы всеми любителями творчества Северного эти писаревские творения числились за Раменским… Но это не удивительно, поскольку авторство песен на концерте объявлено не было. Кстати, забегая вперед, скажем, что позже Анатолий Писарев по этому поводу обращался к Аркадию за разъяснением. Но никакого вразумительного ответа не получил.

Вот и ещё одна загадка…

И никаких рассказов, хоть как-то проливающих свет… Воспоминания участников концерта крайне скупы, да и касаются в основном технических подробностей — например, о настройке пульта, сбитой Тихомировым… Почти ничего не добавляют и фотографии, сделанные в те дни. На одной из них практически все основные действующие лица: Гена Яновский, который уже находится под следствием за "сопротивление властям", Коля Резанов с тамбурином на шее, сам Аркадий. Ещё Борис Нусенбаум, Владимир Раменский, Николай Корниенко, Гена Лахман, "гитарист" Маклаков, Тихомиров. А вот ещё групповой снимок: Валентин Мироновский со своей подругой Татьяной, Елена и Владимир Раменские, Геннадий Солдатенков — "Дед", Аркадий. Рядом с ним — Тамара-джан со своим водителем, а также Николай Корниенко, ну, и собачка Юнона.

Многие улыбаются. А чего грустить? Концерт сделан, кругом свои, хорошие люди, на столе не пусто. И никто не подозревает, конечно, что это — последняя оркестровая запись Аркадия. И фотосъемка рядом с Аркадием — тоже для многих последняя. А пока для большинства это просто рядовая запись. Так, собрались, чтобы немножко деньжат подзаработать. Поиграли и разошлись: "Созвонимся, если что". У всех свои дела, работа, семьи. Вернее — почти у всех. "Аркадий, а ты — куда сейчас?". А действительно — куда? В последнее время он и сам уже не мог толком ответить на такой вопрос. "Я ещё сейчас не знаю — куда я уезжаю… То ли в Одессу, то ли в Магадан, то ли в Калугу. Но только не в Мелитополь, где на мне надели халат". Эта тихорецкая "хохмочка" приобретает теперь всё более и более простой и однозначный смысл.

А уже начало марта. В Ленинграде ещё зима, но всё-таки пахнет весной. Пусть даже и не в натуре, а лишь в воображении людей, стосковавшихся по весне… Хочется любить и жить. На квартире Владимира Раменского идёт запись обычного домашнего концерта. Ни сценария, ни программы, ни названия, а просто: "Вот тут собрались все друзья: Аркаша, Володя Тихомиров, Володя Раменский. Редко мы видимся очень, очень редко…" А магнитофон крутится, и беспристрастно фиксирует всё, что будет спето и сказано в этот вечер. Один из последних питерских вечеров в жизни Аркадия, проведённых у микрофона.

Что же было спето и сказано в этот раз? Ничего особенного. Кроме одного, совсем не музыкального момента. Может быть, и не стоило бы здесь касаться посторонних тем, но эту просто нельзя не затронуть. Аркадий давно уже доказал, что в исполнительском мастерстве он на голову выше большинства

деятелей официальной эстрады, а здесь он вместе с Резановым демонстрирует, что гораздо выше многих "творческих интеллигентов" и в гражданской позиции! Ну кто из них осмелился бы в душном 1980-м году доверить магнитной ленте слова лояльности самому страшному врагу Системы — Солженицыну?! Ведь и гораздо более безобидная "антисоветчина" — "А у Брежнева на грудь медали вешать некуда…", — которую Аркадий ещё до этого записал у Анатолия Писарева, очень редко у кого заходила дальше кухонного шёпота… А здесь, на записи у Раменского открыто звучит: "Он Солженицына ругает, ты знаешь?" — "Что вы говорите? Тогда в тиски его нужно". — "Мы сразу потеряли к нему уважение".

Без комментариев.

Но это всё же концерт, а не митинг, и здесь больше говорят о музыке. О песнях. И чем ближе к концу, тем всё чаще и чаще звучит имя Сергея Есенина. "Аркаша! Давай выпьем за то, чтобы мы не кончили жизнь, как Серёга Есенин.", — говорит Николай Резанов, и звучат бессмертные есенинские строки "До свиданья, друг мой, до свиданья". И почти сразу Раменский — "Как хотел бы я стать Есениным". А заключает вечер неожиданно вспомнившаяся Аркадию песня московского друга Анатолия Писарева. Песня, начинающаяся есенинскими строками…

Разбуди меня завтра рано,
О моя пострадавшая мать!
Знаю я, ты страдала немало,
Не хочу, чтоб страдала опять.

Разбуди ты меня, как в детстве,
Наклони надо мною лицо,
Коль всё это не станет мне песней,
Значит, умер уже я давно.

Такая вот стилизация в духе многочисленных лагерных переделок и подражаний Есенину… Ведь решил же Аркадий свою последнюю запись у Раменского почему-то закончить именно так. "Коль всё это не станет мне песней, Значит, умер уже я давно". Давно уже нет ни Северного, ни Раменского, но раз до сих пор живут их песни и остались они в людской памяти, значит, живы и Володя с Аркадием. Где-то здесь рядом, совсем недалеко от нас.

Однако, видимо, что-то не так уж гладко сложилось у Аркадия в Питере в тот приезд… Поскольку 8 марта 1980 года он вновь оказывается в Москве, у Анатолия Писарева. "Вернулся и

говорит, что без нас он жить не может… Показал, что он может сложиться и спать на табуретке. Только, говорит, ради Бога, не выгоняйте меня. В общем, приехал весь в раздерганных чувствах. Так обычно не приезжают из родного города, от друзей… Я спросил его: Аркаша, что такое? — но он ни о чём не распространялся" — *так рассказывает об этом приезде в Москву Анатолий Петрович… А 12 марта — день рождения Аркадия. И Писаревы постарались в этот день устроить ему праздник.* "Накануне дня рождения Валентина сказала: "Аркадий, подарков никаких дарить тебе не будем. У тебя ведь нет дома. У тебя даже нет стеночки, куда поставить подарок. Так что справим мы тебе день рождения в ресторане — это и будет нашим подарком". Ну, конечно, он согласился. Так и сделали в ресторане "Дружба". Было человек 12 гостей. Аркадий был очень доволен, но он хотел ещё и петь. Он, вроде, там уже раньше пел, как он сам рассказывал. Но в этот раз администратор ему не разрешил".

…Публичное выступление Аркадия Северного в последний его день рождения не состоялось…

Третье апреля 1980 года. Аркадий вновь собирается в Ленинград, — 4-го числа день памяти отца, и должны, по традиции, собраться все четыре брата Звездиных: подполковник Советской армии Лев, работник исполкома Валентин, рецидивист Михаил, и… Аркадий. Которого мы не рискнем награждать здесь какими-либо титулами и эпитетами, дабы не впасть в расхожие штампы типа "король подпольной песни". "Аркадий Северный" — это давно уже само по себе стало титулом… И буквально перед отъездом Аркадий в последний раз споёт для Писаревых. А завершит он этот импровизированный концерт опять-таки есенинской песней. "Отговорила роща золотая… "

Случайность? предчувствие? или веление свыше?..

Каким-то чудесным образом именно эта запись оказалась последней. Последней из сохранившихся, потому как по свидетельству Валерия Шорина Аркадий ещё не единожды пел в Питере, а что-то, вроде как, даже и записывалось. Только вот — где сейчас эти записи?.. Хотя, может быть, и к лучшему, что они не нашлись? Бог весть.

В последний раз Писаревы увидят Аркадия в окне поезда "Красная стрела". 23 часа 55 минут, сигнал, гудок… и поезд отходит, унося Северного в последнее в его бродяжьей жизни короткое путешествие…

После приезда из Москвы Аркадий практически дневал и ночевал у Валерия Шорина, на Анниковом. А куда ещё было ему пойти. И зачем? Из квартиры никто не гонит, на кухне аж два холодильника, набитых под завязку и дефицитными продуктами

и. Впрочем, дело, конечно же, никак не в холодильниках. Просто надломилось что-то в душе окончательно. От безысходности и бессмысленности своего существования. И уже изменить ничего нельзя. Даже если и очень захочется. Как ни парадоксально это покажется, но можно сказать, что под конец своей жизни Аркадий стал полностью свободным человеком! Ведь практически он мог делать всё, что хотел, и был совершенно независим в своих поступках и суждениях. Судьба (правда, сам он к этому тоже достаточно хорошо приложил руку.) лишила его всего того, что ценят в любом, даже самом "демократическом" обществе — семьи, дома, работы. И взамен дала ему свободу. Но какую? И от чего — свободу? Нужна ли была Аркадию такая вот почти абсолютная, но какая-то "абстрактная" свобода? Наверное, всё-таки, нет. Ведь есть ещё в этом мире и такие чувства как любовь и дружба, да и просто обычные людские привязанности. И есть другие люди, которые так же, как и ты, живут здесь же и сейчас.

Вспоминает Софья Калятина: "…Я сижу на работе — раздаётся звонок. Аркадий приехал. "Софа, я не могу забыть, как я у вас жил, видеть тебя очень хочу". Я говорю: "Нет, Аркаша. Два года, потраченные на тебя, слишком дорого мне обошлись. Больше я себе этого не позволю". Потом мне он говорит: "Может быть, ты мне конфет достанешь?" Я работала — могла достать для дочки. Я говорю: "Нет, Аркаша. Я просто не пойду на свидание с тобой". Он: "Ну что ж, очень жалко, прости меня". И я говорю: "И ты прости, но я не могу повторить всё, что было. Мне не под силу это". Проходит три дня. Раздаётся звонок тёщи. "Софья Григорьевна, Аркаша умер".

Аркаша умер. Вот, казалось бы, и всё. Пора ставить последнюю точку. Но мы всё-таки рискнём ещё на какое-то время задержать внимание наших читателей.

Потому как судьба, видимо, решила "выдержать жанр" до конца, и смерть Аркадия Северного стала такой же неотъемлемой частью Легенды, как и вся его жизнь. Мы, разумеется, имеем в виду не только многочисленные народные предания, но и рассказы людей, достаточно близко знавших Аркадия. Все они по-разному рассказывали о его последнем часе… Но ведь дело в том, что ни Софья Григорьевна Калятина, ни Сергей Иванович Маклаков, не говоря уже об остальных, не присутствовали лично при кончине Северного. Они просто по-своему пересказали то, что говорили им другие люди. Причём даже и не обязательно находившиеся возле Аркадия в этот день. Но ведь был и непосредственный свидетель тех печальных событий — Валерий Шорин, воспоминания которого мы и хотим здесь привести. Они, конечно, отличаются от ставшей уже "канонической" версии, но

это — единственные найденные на сегодняшний день свидетельские показания…

"Вечером 10 апреля мы сидели, как обычно… Аркадий стал петь песню "Пара гнедых". И вдруг неожиданно остановился и говорит: "Гроб стоит". Мы ему — "Да ну, Аркаша, кончай". Он замолчал и больше уже не пел…

А наутро мы встали рано, мне надо было на точку к девяти часам. Аркаша пошёл в ванную бриться, потом вышел и говорит: "Не могу. Кривой, что-то хреново мне". Я ему: "Так, может, вмазать?" Налил я ему рюмку, он выпил. Вроде, ему полегчало, пошёл побрился, выходит, сел за стол, налили мы ещё по рюмке, закурил он… И вдруг вижу: глаз у него куда-то в сторону поплыл, рот перекосило, сигарета выпала и слюна потекла. Рука затряслась и повисла. Я: "Аркаша, что?" — а он и ответить не может. Я отнёс его на диван — он и весил-то 30 кг с ботинками…"

Но мы всё-таки вынуждены прервать монолог Валерия Шорина, так как считаем неуместным приводить здесь все натуралистические подробности кончины Аркадия. Ни к чему это. Клиническая картина тяжёлого инсульта, постигшего певца, и так достаточно ясно видна даже и неспециалисту… А дальше происходило всё так, как, к сожалению, у нас очень часто бывает. Вызвали "скорую" — ехала целый час. Паралич, необходимо госпитализировать — так нужен сопровождающий. "Скорую" пришлось вызывать несколько раз, пока, наконец, со всевозможными проволочками, Аркадия всё-таки не отвозят в ближайшую больницу им. Мечникова. Шорин узнает об этом уже только вечером. Он так и не смог утром дождаться решения врачей и ушёл на работу, оставив Аркадия на попечение присутствовавших в квартире женщин.

Что там происходило за время его отсутствия — можно только гадать. Да мы и не задавались целью документально точно восстановить все мельчайшие подробности этого дня. Ведь, что бы там ни было, но факт остаётся фактом: поздно вечером 11 апреля Шорин звонит в больницу, чтобы узнать о состоянии Аркадия. Ему отвечают: "Лежит в реанимации. Состояние тяжёлое". А ранним утром 12 апреля в ответ на очередной звонок прозвучали слова: "Аркадий Дмитриевич Звездин скончался сегодня в 1 час 15 минут".

Смерть Аркадия оказалась полной неожиданностью для большинства его ленинградских знакомых. Но мы не будем писать шаблонные фразы про боль и недоумение, охватившие всех; ведь смерть — это не только скорбь, но и неизбежные хлопоты по организации похорон. И в первый момент никому даже не приходит в голову, что этими вопросами заниматься

просто некому. Все родственники певца — или находятся неизвестно где, или давно уже стали "бывшими". А месткома, который бы взялся участвовать в похоронах Аркадия Северного, просто не существует в природе. Тем не менее, усилиями В. Раменского, Д. Калятина и В. Андреева довольно быстро удаётся собрать необходимую для похорон сумму денег. А Вячеслав Андреев, кроме того, берёт на себя полностью все организационные дела и подключает также своих знакомых из сферы ритуальных услуг. В основном только благодаря ему и удаётся вполне достойно проводить в последний путь героя нашего повествования.

Прощание. Сначала — морг больницы им. Мечникова, куда пришли самые близкие родственники и друзья Аркадия. А затем — Крематорий. Здесь народу было уже гораздо больше. По воспоминаниям очевидцев — от нескольких сотен до нескольких тысяч пришло. Только на фотографиях запечатлено никак не меньше ста человек, а ведь не все попали в кадр. Кто-то пока ещё ожидал в вестибюле, кто-то просто стоял на улице. Весть о смерти Аркадия в мгновение ока разнеслась по просторам Союза и собрала вместе людей из многих городов необъятной страны. Большинство даже и не знало друг друга. И, может быть, потому впоследствии появились рассказы о присутствии на похоронах разных "значительных лиц", провожавших Аркадия в последний путь. Например, первого секретаря Ленинградского Обкома партии товарища Романова и чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова. Думается, что если бы и было такое, то, наверное, всем бы запомнилось. А если по правде — добавился просто последний штрих к Легенде, из всё той же серии интереса влиятельных персон к личности Северного. Хотя, какой там интерес! Разве что могли прислать кого-нибудь в звании майора (не выше), чтобы проследить — что там и как. Да и то навряд ли. Чего бояться-то? Речей над гробом? Да их, практически, и не было. Сначала, как и положено, прочитала заранее заготовленную речь служащая Крематория, какие-то дежурные слова: отец, брат, родился, учился. Только вот вместо проникновенных фраз о славном трудовом пути усопшего совершенно неожиданно прозвучало: "Самородок, Народный артист." Увы, только здесь и удостоился Аркадий таких слов из уст "официального" лица, и то лишь благодаря Славе Андрееву, помогавшему составлять эту поминальную речь, и тем самым всё-таки нарушившему традиционный казённый порядок…

По-своему попрощалась с Аркадием и Софья Калятина. И хотя сказала она не совсем то, что обычно говорят на похоронах, и не совсем то, что хотелось бы услышать большинству

присутствовавших, но сказала всё-таки достаточно искренне и от чистого сердца. Вот что она сама вспоминает об этом: "Народу масса была, но выступали мало кто, человека два-три. Я тогда сказала: "Утром сегодня с тобой прощалась твоя жена Валя, теперь прощаемся мы. Прости, что не смогли удержать тебя. Тебе природа дала всё: голос, обаяние, ум. Но ты не смог использовать это, как было нужно, и пошёл не по тому пути. Сегодня собралось здесь очень много народу, но я не могу сказать, что это твои друзья. Среди них есть немного твоих друзей, а в основном — друзьями твоими они никогда не были. С их помощью ты погибал…" Ребята, конечно, на меня за это рассердились. И, вот, когда его положили в гроб, кто-то договорился, чтобы поставили вместо прощальной музыки "Сладку ягоду". Это, конечно, было очень сильно…"

Этим "кем-то" вновь оказался Вячеслав Андреев. Договорившись с персоналом Крематория, он принёс на похороны магнитофон с записью голоса Аркадия. И в тот момент, когда были уже произнесены все слова и закончились все прощания, вдруг откуда-то сверху раздалось:

Сладка ягода в лес поманит,
Щедрой спелостью удивит.
Сладка ягода одурманит,
Горька ягода отрезвит.

Ой, крута судьба, словно горка, Довела она, извела… Сладкой ягоды — только горстка, Горькой ягоды — два ведра…

"Погребая умерших, износите их с псалмами". Ну какие могли быть псалмы в ритуальном зале ленинградского крематория в году от Рождества Христова одна тысяча девятьсот восьмидесятом и от Великой Октябрьской социалистической революции шестьдесят третьем? И не Священник и не прощальной молитвой, а сам Аркадий провожает себя в последний путь "Сладкой ягодой".

"Кая житейская сладость пребывает печали непричастна; пая ли слава стоит на земли непреложна; вся сени немощнейша, вся соний прелестнейша: единем мгновением, и вся сия смерть приемлет, но во свете, Христе, Лица Твоего, и в наслаждении Твоея красоты, его же избрал еси, упокой, яко Человеколюбец". Прости нас, Господи, за грехи наши!

Широкая общественность смерти Аркадия Северного просто не заметила. В отличие от смерти Владимира Высоцкого, несколько месяцев спустя всколыхнувшей всю страну.

Единственная статья его памяти вышла только в эмигрантском "Новом Русском Слове" за подписью Рувима Рублева. Именем Северного не названо ни одной улицы и ни одного корабля. Что поделаешь — такова судьба Легенды. Вы можете представить себе ракетный крейсер "Александр Калиостро" или же океанский лайнер "Иеронимус Мюнхгаузен"? Вот разве что назовёт так какой- нибудь чудак свою яхту. И понесётся по волнам через Цимлянское море проплывом "Аркадий Северный", Советский Союз, шестая дорожка.

* * *

Игорь Ефимов 2002 Дм. Петров 1981

Авторы книги

"Аркадий Северный, Советский Союз!"

Рувим Рублёв "Памяти Аркадия Северного", "Новое русское слово", 20 мая 1980 г.

Здесь Рудольф Фукс ошибается — эту фразу произнёс он сам.

М. Шелег "Аркадий Северный. Две грани одной жизни". М., Издательство "ННН", 1997, с. 8990.

М. Шелег "Аркадий Северный. Две грани одной жизни". М., Издательство "ННН", 1997, с. 90.

Имеется в виду Владислав Петрович Коцишевский. Из-за путаницы уменьшительных имен "Владик — Вадик", многие называли его Вадимом.

notes

Примечания

1

Здесь мы немного погрешили против истины. Был один (всего один!) человек, который хотя и называл себя одним из самых близких друзей Аркадия Северного, но потребовал от нас за свои воспоминания. плату. Причём обещал "вспоминать" в зависимости от количества проплаченных ему у. е. Ну что ж — Бог ему судья.

2

Помимо прочего, существует устойчивый слух, о том, что Д. И. Звездин был крупным начальником на железной дороге. Информация эта до настоящего времени никем не подтверждена, в т. ч. и ивановскими родственниками А. Северного. Ещё один слух о том, что Е. М. Звездина была врачом-рентгенологом, был создан в своё время самим Аркадием. И в основе своей имел всё-таки тот реальный факт, что какое-то время Елене Макаровне действительно довелось поработать лаборантом в рентгенкабинете.

3

Рувим Рублёв "Памяти Аркадия Северного", "Новое русское слово", 20 мая 1980 г.

4

Н. С. Резанов в беседе с авторами книги рассказал, что в 90-е годы полковник милиции Сергей Петрович Соколов проверил соответствующие архивы на предмет того — привлекался ли Северный к уголовной ответственности. И убедился, что ни по одному уголовному делу Аркадий Дмитриевич Звездин не проходил.

5

Эта и все последующие стихотворные цитаты даются по расшифровкам соответствующих фонограмм в исполнении А. Северного.

6

По сути, эта фраза — просто бессмысленный набор слов на идиш. Дословно это можно перевести как: "говорить (вариант — стукач) делец (дело) сделанный блатной парень". Дело в том, что у Северного чудовищно искажен оригинальный текст, который должен был звучать так: "а зугт ыр махт ыр их бин а фахтовер ят", что означает — "говорят: я — блатной парень".

Что, впрочем, не помешало бессмыслице Северного стать знаменитой и знаковой для многих любителей его творчества, — поскольку большинство из них (в том числе и мы) все равно ничего не понимало в идише. Также, видимо, как и исказившие текст Аркадий с Фуксом…

7

"Лесопильный цех" — по воспоминаниям Д. М. Калятина, одно из мест непродолжительной трудовой деятельности Аркадия

8

Нам удалось найти только одно документальное свидетельство о том, где работал А. Северный в описываемый период. Это ответ начальника УВД Красногвардейского райисполкома Ленинграда на судебное определение Нарсуда того же района, в котором помимо прочего говорится, что "гражданин Звездин А. Д. работает на заводе "Пирометр". Документ датирован 10 февраля 1976 г.

9

При записи "Первого Одесского концерта" в январе 1975 года Владимир Ефимов предложил дать этому, тогда ещё безымянному ансамблю имя "Бандиты", но такое название не было поддержано ни Фуксом, ни Аркадием, ни музыкантами, и в историю не вошло. Оно всплыло только через двадцать лет в книге Михаила Шелега (М. Шелег "Аркадий Северный. Две грани одной жизни". М., Издательство "НИН", 1997, с. 78.), на основании рассказа того же В. Ефимова.

10

Не совсем понятно, какой "концертный зал" имел в виду Д. М. Калятин. Самым известным концертным залом в то время был "Октябрьский", а "Юбилейный" — это, вообще-то, Дворец Спорта. Хотя концерты в нём тоже время от времени проводились.

11

(Д. М. Калятин — И. Е., Д. П.)

12

(А. Северный — И. Е., Д. П.)

13

М. Шелег "Аркадий Северный. Две грани одной жизни". М., Издательство "ННН", 1997, с. 8485.

14

(правильно — "Борщаговка", — южная окраина Киева — И. Е., Д. П.)

(от В. П. Коцишевского — И. Е., Д. П.)

"Новая Сибирь", 5 октября 1995 г.

17

"Новая Сибирь", 18 января 1996 г

18

В коллекционерских кругах этот концерт иногда называют "У Михаила Модеста". Этот момент весьма показателен в качестве иллюстрации к тому, как действует здесь принцип "испорченного телефона". И сколь бывают запутаны исходные данные, с которыми приходится иметь дело… Итак, от старых киевских коллекционеров мы получили следующую информацию: действительно, был в Киеве такой деятель, которого звали Модест. Но это было его имя, а не фамилия. "Михаил" в данном случае мог быть разве что кличкой Модеста. Хотя, по другим данным, не то кличка, не то настоящее имя этого Модеста — Абрам…

19

Данный концерт иногда также называют "Братья Жемчужные" с "Ленинградским диксилендом", что заведомо неверно, так как из "Ленинградского Диксиленда" в этом составе был только Г. Чиков. Но ошибка оказалась в некотором роде пророческой: из этого состава вскоре действительно родился питерский эстрадный диксиленд, известный не менее, чем "Ленинградский" — "Невская восьмёрка". Вот что пишет об этом коллективе В. Фейертаг в книге "Джаз в Петербурге. Who is who" ("Скифия", СПб, 2004, с.158) "В 1977 году тромбонист Георгий Чиков пригласил Валерия Заварина на запись вокалиста Аркадия Северного. Там же присутствовали кларнетист Виталий Смирнов и гитарист Николай Резанов. "Мы завелись — рассказывает Валерий Заварин, — и тут же сколотили ансамбль "Невская шестёрка", потом превратили его в "Семёрку" и в "Восьмёрку". Добавим, что в составе "Восьмёрки" участвовал ещё один бывший "Жемчужный брат" — А. Кавлелашвили.

М. Шелег "Аркадий Северный. Две грани одной жизни". М., Издательство "ННН", 1997, с. 97101.

20

Отзывы читателей на книгу М. Шелега "Аркадий Северный / Две грани одной жизни" в "Русском журнале", 19.11.97 г. — http://www.russ.ru/journal/zloba_dn/97-11-19/medved0.htm.

21

Шорин Александр Фёдорович (1890–1941), лауреат Сталинской премии, автор систем фотографической (1928 г.) и механической (1932 г.) звукозаписи и воспроизведения звука в кино.